ФРИДЕРИК
ШОПЕН
1810-1985

Продолжение романа
Юрия Бондарева
«Игра»

«Славное море» —
фотоочерк о рыбаках
Байкала

Воспоминания
о Михаиле Исаковском

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 8 ФЕВРАЛЬ 1985

Главные конструкторы проектов Н. Бондаревский и П. Безгодько в сборочном цехе обрабатывающих центров.

Самый современный тип металлообрабатывающего станка родился и производится в Иванове, известном далеко за пределами страны центре ткачества.

Для многих машиностроителей это явилось полной неожиданностью: без всяких видимых предпосылок, без специальных директив, без каких бы то ни было капиталовложений ивановцы по собственной инициативе модернизировали свое предприятие, выдвинув его в один ряд с крупнейшими западными станкостроительными фирмами. В общем-то и не стоило бы особенно гордиться: ведь по большому счету каждое предприятие любой отрасли обязано стремиться к подобному положению, а добившись его, оно тем самым выполняет свою повседневную задачу, и только. Что касается ивановцев, то они сегодня выпускают станки такого типа, к необходимости которого еще только подошла мировая станкостроительная промышленность. С появлением на мировом рынке первых образцов такого типа станков — он называется обрабатывающий центр — ивановцы выпустили серию своих, причем оригинальной конструкции и, как они дерзко предполагали, конкурентоспособных.

Двадцать пять лет назад в Иванове появился завод по производству универсальных с ручным управлением расточных станков. Принимая решение о его создании, никто не имел на его счет далеко идущих планов. Он должен был под эгидой ведущих московских и ленинградских конструкторских бюро выпускать продукцию ничем не выдающуюся, но по-своему нужную. Цель, однако, пре-

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ рассмотрели итоги Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1984 год.

Среди победителей — коллектив Ивановского станкостроительного производственного объединения имени 50-летия СССР, награжденный переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

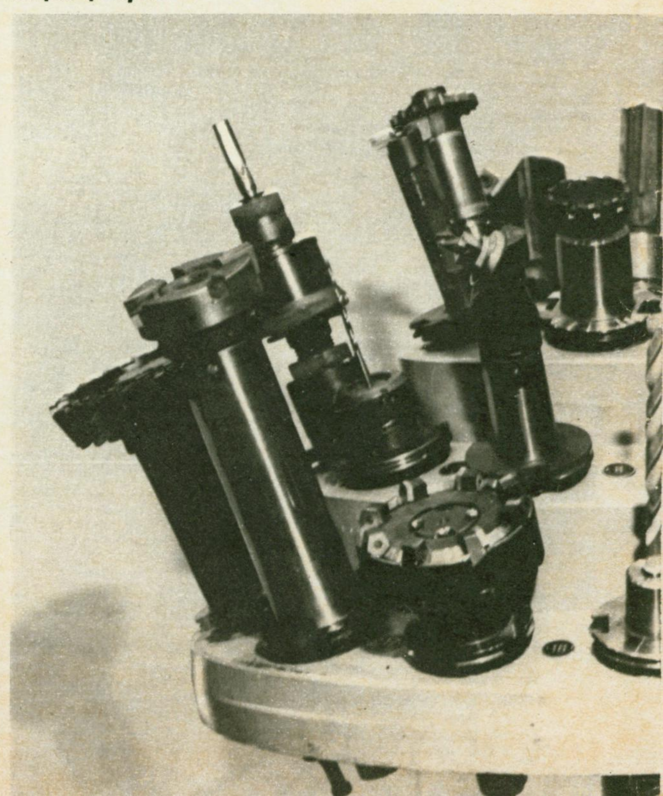
Об этом передовом предприятии сегодня наш рассказ.

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

На встрече генерального директора ИСПО В. П. Кабаидзе с представителем фирмы «Валмет» (Финляндия) господином Партти.

Сменный режущий инструмент для обрабатывающих центров.

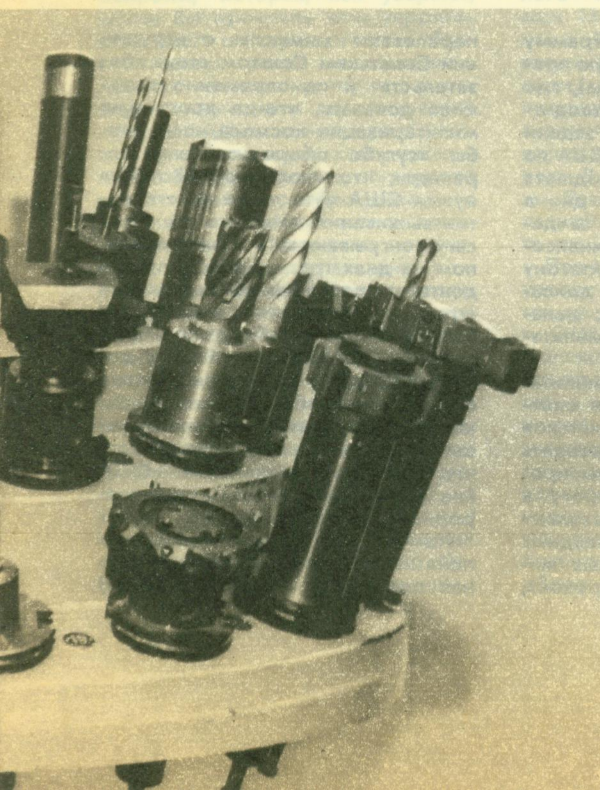

С высокоточным измерительным прибором работают главные конструкторы проектов А. Мамин, С. Красильников и Б. Гарин.

ДЕРЗАНИЕ

См. стр. 8

Иваново — FANUC: Ивановское станкостроительное производственное объединение ИСПО плодотворно сотрудничает с одной из ведущих японских фирм.

Встреча на аэродроме. Фото А. Гостева

ВИЗИТ В МОСКВУ

11 февраля в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Греческой Республики Андреас Папандреу.

На Внуковском аэродроме А. Папандреу встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

В тот же день в Кремле начались переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым и Премьер-Министром Греческой Республики А. Папандреу.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

6 февраля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял находившихся в Москве в связи с проведением первого заседания Комитета СЭВ по сотрудничеству в области машиностроения члена Политбюро и секретаря ЦК БКП, министра машиностроения НРБ О. Дойнова, члена Политбюро ЦК ВСРП, заместителя Председателя Совета Министров ВНР Л. Мароти, министра машиностроения и металлургии СРВ Нгуен Ван Кха, члена Политбюро ЦК СЕПГ, заместителя Председателя Совета Министров ГДР, министра общего, сельскохозяйственного машиностроения и автомобилестроения ГДР Г. Клайбера, члена Политбюро и члена Секретариата ЦК Компартии Кубы, заместителя Председателя Совета Министров Республики Куба П. Мирета, заместителя Председателя Совета Министров МНР Ч. Сурэна, заместителя Председателя Совета Министров ПНР З. Шалайду, члена Политисполкома ЦК РКП, заместителя премьер-министра правительства СРР Н. Константина, заместителя Председателя правительства ЧССР Л. Герле, члена Союзного исполнительного веча СФРЮ, председателя союзного комитета по энергетике и промышленности Р. Павловича.

Во встрече приняли участие заместители Председателя Совета Министров СССР А. К. Антонов, Н. В. Талызин, а также секретарь Совета Экономической Взаимопомощи В. В. Сычев и заместитель секретаря В. Либиг.

В свете решений Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне в ходе состоявшейся беседы были обсуждены вопросы, связанные с развитием и углублением экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ в области машиностроения.

Перед началом беседы. Фото А. Сенцова, В. Мастюкова (ТАСС)

Юрий КОРНИЛОВ

МИР—ЗЕМЛЕ, МИР—КОСМОСУ!

Подход Советской страны к проблеме обуздания гонки вооружений в целом, его стремление оградить космос от милитаризации встречают растущее понимание и поддержку трезвомыслящих политических кругов разных государств. Этот подход глубоко созвучен настроениям и чаяниям миролюбивой общественности. Наглядное и убедительное тому свидетельство — поток позитивных международных откликов на советские инициативы, касающиеся недопущения милитаризации околоземного пространства, на недавние ответы К. У. Черненко на вопросы корреспондента американской телекомпании Си-эн-эн, в которых еще раз подтверждается решимость СССР сделать все, чтобы сохранить космос мирным. Об этом говорят и итоги 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ее участники, рассмотрев внесенный Советским Союзом в качестве важного и срочного вопрос «Об использовании космического пространства исключительно в мирных целях на благо человечества», проголосовали за резолюцию, призывающую все государства «принять немедленные меры для предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве в интересах поддержания международного мира и безопасности». За эту резолюцию выступили представители 150 стран, воздержалась от голосования лишь делегация США...

Мирное наступление социализма, всех сил мира продолжается и нарастает. Однако недруги мира не складывают оружия. В начале января Белым домом была распространена специальная брошюра под названием «Инициатива президента в области стратегической обороны» (так в США официально именуют программу «звездных войн», выдвинутую президентом в марте 1983 года), где милитаризация космоса возводится в ранг первоочередной задачи государственной политики США до конца столетия. Проект бюджета США, обсуждаемый в эти дни в американском конгрессе, свидетельствует, что в 1986 финансовом году ассигнования Пентагону превысят 320 миллиардов долларов, причем основной упор делается опять же именно на милитаризацию космоса.

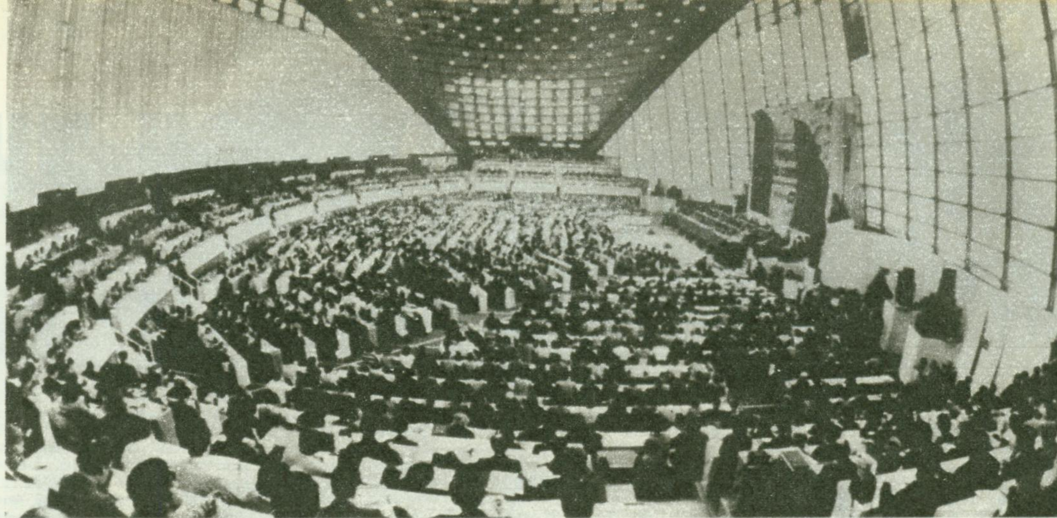
Этому агрессивному милитаристскому курсу придано и соответствующее «пропагандистское обеспечение». Пытаясь оправдать и замаскировать свои планы проложить через космос дорогу к военному превосходству, вашингтонские конструкторы «звездных войн» стращают легковерных мифической «советской угрозой», перепевают вымыслы о нарушении Советским Союзом своих обязательств и одновременно пытаются доказать, что-де программа милитаризации космоса носит якобы «сугубо оборонительный характер», что «космический зонт» нужен США чуть ли не как «гарантия выживания». Именно эти тезисы проигрываются в обнародованном на днях традиционном президентском послании «О положении страны». Всячески рекламируя «стратегическую оборонную инициативу» США, хозяин Белого дома утверждает, что эта инициатива открывает «наиболее многообещающую перспективу ядерного века», и в то же время сетует на то, что, дескать, «начинание» США «не до конца понято» международной общественностью.

Но что же, спрашивается, «непонятного» в вашингтонских планах подготовки «звездных войн»?

6 февраля в Сент-Уэне, пролетарском пригороде Парижа, открылся XXV съезд Французской коммунистической партии.

На съезд французских коммунистов прибыли делегации более 100 братских коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных движений, а также других прогрессивных организаций. Делегацию Коммунистической партии Советского Союза возглавил член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев.

С докладом Центрального Комитета ФКП о деятельности и задачах партии выступил Генеральный секретарь ФКП Жорж Марше.

В зале заседаний съезда. Телефото Рейтер — ТАСС

В АВАНГАРДЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцевым посетила музей-квартиру В. И. Ленина на улице Мари-Роз.

На снимке: М. С. Соломенцев передает книги хранителю музея Антуану Лежандру в дар от делегации КПСС.

Телефото Н. Ермакова, О. Карасева (ТАСС)

В дискуссии по докладу ЦК ФКП подавляющее большинство ораторов поддержало генеральную линию, изложенную в проекте резолюции съезда и отчете Центрального Комитета.

9 февраля на рабочей окраине Парижа в просторном зале «Баляр» состоялся многотысячный митинг солидарности с народами, борющимися за мир, прогресс, развитие и социализм. Его участники горячо приветствовали делегацию КПСС на XXV съезде Французской коммунистической партии во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцевым, представителей других братских коммунистических и рабочих партий, прогрессивных и национально-освободительных движений.

10 февраля состоялся первый пленум Центрального Комитета Французской компартии, избранного XXV съездом ФКП. На пленуме избраны Политбюро ФКП, Секретариат ЦК ФКП и Центральная комиссия политического контроля.

Генеральным секретарем ФКП вновь избран Жорж Марше.

В тот же день съезд закончил свою работу.

Не составляет секрета, что важнейшей целью «стратегической оборонной инициативы» Вашингтона является создание всеобъемлющей системы противоракетной обороны, которая, как уверяют, могла бы прикрыть всю территорию США от стратегических баллистических ракет «противника». Хорошо известно и то, что в условиях паритета в стратегических наступательных силах приобретение одной из сторон дополнительного оборонительного потенциала равносильно приобретению ею потенциала упреждающего ядерного удара. Признание взаимосвязи между наступательными и оборонительными стратегическими системами получило свое выражение еще в мае 1972 года при одновременном подписании советско-американского Договора об ограничении систем ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. «Стороны исходят из того,— записано в договоре,— что эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и привели бы к уменьшению опасности возникновения войны с применением ядерного оружия». Иными словами, еще 13 лет назад обеими сторонами было признано, что только взаимная сдержанность в области систем ПРО дает возможность продвигаться вперед по пути ограничения и сокращения наступательных вооружений. И вот теперь Р. Рейган объявляет, что планы Вашингтона нарушить подписанный в 1972 году договор, видите ли, «не поняты»...

Подобные пропагандистские уловки никого в заблуждение ввести не могут! Как ни стараются в США уверить мир, будто сия, с позволения сказать, «инициатива» продиктована чуть ли не заботой о «мирном будущем человечества», как ни тщатся облечь космическое оружие в некие «оборонные одежды», для каждого здравомыслящего человека очевидно, что в основе разработок такого оружия, создания «глобальной» системы ПРО лежат не оборонные, а наступательные, точнее, агрессивные концепции. Преследуется цель попытаться обезоружить другую сторону, лишить ее возможности в случае ядерной агрессии нанести ответный удар.

В апреле 1961 года, в день старта легендарного космонавта Юрия Гагарина, Коммунистическая партия и Советское правительство обратились ко всем людям планеты с призывом совместными усилиями превратить околоземное пространство в арену научно-технического сотрудничества в интересах мира и прогресса.

Такой была позиция СССР в день старта первого в мире космонавта — такой она остается и сегодня; наша страна, готовая на самые радикальные решения, которые позволили бы продвинуться вперед по маршрутам мира, считала и считает, что исключение космоса из сферы гонки вооружений должно стать неукоснительной нормой политики государств. Полный решимости добиться серьезного сдвига в уменьшении военной угрозы, идет СССР на переговоры в Женеве с целью достижения взаимоприемлемых договоренностей, нацеленных на предотвращение гонки вооружений в космосе, прекращение ее на Земле. Время покажет, как далеко готов пойти навстречу наш партнер.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (3005)

16—23 ФЕВРАЛЯ

Вновь гремят взрывы...

Евгений КОРШУНОВ

Хоронили Наташу Саад. И старинный ливанский город Сайда был охвачен всеобщей забастовкой. Закрылись учреждения и предприятия, магазины и лавки, прекратили работу портовые рабочие, не вышли в море рыбаки. Надрывные крики муэдзинов сливались со звоном колоколов христианских храмов. Тысячи людей стекались к мечети Заатари, куда тело двенадцатилетней Наташи было доставлено из бейрутского госпиталя на вертолете специальных сил ООН, находящихся в Южном Ливане с 1978 года. Ливанские полицейские и добровольцы из местного населения обеспечивали порядок в огромной процессии, впереди которой молодежь несла гроб девочки, подняв его высоко над головами на вытянутых вверх руках. За гробом шагал дядя Наташи Селим Саад. Шли здесь также депутат ливанского парламента Назих Бизри, представляющий председателя парламента, полковник Эдуард Тохме, представляющий премьер-министра Ливана, главный муфтий Сайды Мохаммед Джалаладдин, маронитский архиепископ города Ибрахим Хелу, лидеры местных политических кругов и самые уважаемые горожане. Когда на кладбище наступил момент последнего прощания, лицо девочки никто не увидел: оно было скрыто госпитальными бинтами. Взрыв рыданий и яростных криков потряс кладбище.

— Долой израильских оккупантов! — кричали одни.

— Долой прислужников Тель-Авива! — кричали другие.— И мусульмане и христиане — все мы хотим национального единства!

Обстоятельства смерти Наташи трагичны и в то же время типичны для того, что происходит сегодня на ливанской земле.

...В понедельник вечером 21 января кто-то поставил машину «мерседес» в пяти метрах от входа в четырехэтажный дом, на втором этаже которого жила семья Наташи: отец Мустафа Саад, мать и двое младших братьев. Машина, начиненная 200 килограммами динамита, была поставлена как раз под их балконом. В этот час к отцу Наташи пришли многие из его друзей и соратников. Поэтому сразу не удалось определить, что «мерседес» никому из них не принадлежал. Теперь рассказывают, что встревоженная Наташа обходила собравшихся, расспрашивая их о незнакомой машине, оказавшейся под балконом. Еще бы немного — и трагедию, возможно, удалось бы предотвратить, может быть, удалось бы упредить преступников, но «мерседес» под балконом взорвался...

Этим взрывом были разрушены все четыре этажа дома. Три человека были убиты на месте, около сорока тяжело ранены. Наташа умерла через день в госпитале от ранений в лицо и голову. Она стала очередной жертвой так называемой динамитной войны, обрушенной сегодня израильской разведкой МОССАД и ее агентами на жителей многих городов и населенных пунктов Ливана.

Преступники метили в отца Наташи, популярного южноливанского политического деятеля, известного своими прогрессивными взглядами и непримиримостью к израильским оккупантам. Его отец Мааруф Саад тоже пал жертвой убийц, когда в начале 1975 года возглавил в Сайде мощную демонстрацию, участники которой требовали демократических и экономических реформ. Убийство его, как говорят сегодня, было одной из тех искр, от которых вспыхнул пожар гражданской войны, продолжающийся в Ливане и по сей день.

Преступники пошли, таким образом, по уже испытанному пути, ведь Тель-Авиву нужно во что бы то ни стало разжечь сегодня гражданскую войну в Южном Ливане.

Как известно, неся здесь ежедневные потери, изнемогая под всевозрастающими расходами на содержание оккупационных сил и испытывая политическое и моральное давление как широких слоев населения Израиля, так и международной общественности, правители Тель-Авива рекламируют сегодня так называемый «план Рабина» (по имени министра обороны И. Рабина), предполагающего поэтапный вывод израильских оккупантов из Южного Ливана. К середине февраля они обещают оставить Сайду и окружающие ее районы, но... лицемерно предупреждают, что не будут нести ответственности, если после этого здесь начнутся кровавые столкновения между христианами и му-

ТУЧИ НАД ХАЙЛЬБРОННОМ

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения в ФРГ

Фото автора

Нетрудно себе представить, что пережило население западногерманского города Хайльбронна, когда на расположенной совсем рядом базе американских ядерных ракет раздался сильный взрыв. Весть об этом мгновенно распространилась по ФРГ, а затем и по всему миру.

При взрыве двигателя «Першинга-2» погибли на месте три американских военнослужащих, а многие получили тяжелые ожоги и ранения. Если бы речь шла о таком случае на «обычной» военной базе, то и тогда для живущих поблизости людей это было бы мало приятно. Но на этот раз взорвалась ядерная ракета, одна из боевых единиц размещенного в ФРГ американского оружия первого атомного удара. От одной мысли, что это могло бы привести к атомному взрыву, жители Хайльбронна, соседних городов и деревень пришли в ужас и негодование.

— И одной американской боеголовки хватило бы,— сказал один из хайльброннцев,— чтобы мгновенно убить все сто тысяч жителей нашего города. А огромная территория подверглась бы интенсивному радиоактивному заражению.

— Мало того,— мрачно произнес пожилой учитель, державший на руках маленького внука,— взрыв одной боеголовки в таком месте вызвал бы детонацию всех накопленных на американской базе ядерных зарядов. Последствия этого даже вообразить невозможно.

— Наш бургомистр, — заявил молодой парень,— раньше голосовал за ракеты — ведь он из правящей коалиции ХДС—ХСС. Но теперь он выступает против «Першингов». Еще бы, взрыв произошел совсем недалеко от его собственного дома...

«Хайльброннский» скандал повлек за собой немало разоблачений. Оказалось, например, что при двусторонних переговорах о размещении ракет высокая американская сторона постаралась скрыть от высокой западногерманской стороны конструктивные дефекты этого оружия. В журнале «Шпигель», наверно, самом информированном в ФРГ, появилась статья, указывающая на тот факт, что, размещая на своей территории американские ракеты, правительство Западной Германии подвергло народ не только политической, но и прямой физической опасности. Местная пресса недвусмысленно дает понять, что Америка не постеснялась подложить своему дорогому западногерманскому союзнику весьма крупную свинью, а конец этой затеи «американского дядюшки» может быть очень скверным. И это притом, что подавляющая часть населения ФРГ выступала и выступает против размещения американской ядерной смерти и высказывается за настоятельную необходимость убрать «Першинги» и крылатые ракеты с западногерманской земли. Армия США смогла притащить сюда своего атомного дьявола лишь с помощью правящей коалиции ХДС—ХСС, имеющей незначительное большинство в бундестаге. Кстати, ни для кого не секрет, что размещение в ФРГ американских ракет было решено и разработано в деталях задолго до формального голосования в боннском парламенте. Все знают, что сразу после голосования был сделан запрос о том, когда начнется размещение ракет. Ответ был коротким и ясным: «Уже завтра!»

Снова и снова здесь вспоминают циничную рекламу одного из американских туристских агентств, рекомендующую соотечественникам «посетить Европу поскорее, пока она еще существует»... Никто не знает, чем кончится очередной подобный инцидент: с огнем нельзя играть безнаказанно...

В Хайльбронне нам рассказали, что, когда над базой полыхнуло пламя, американские солдаты основательно растерялись. Тушение опасного пожара было предоставлено хайльброннской пожарной команде, а местные врачи и санитары оказали помощь пострадавшим. Персонал базы предпочел держаться от места взрыва подальше. А что, если бы огонь перекинулся на склад боеголовок, говорили демонстранты, шедшие 2 февраля к ядерной базе. Это наше счастье, что взорвавшаяся ракета не была «заряжена». События в Хайльбронне вызвали широкую волну возмущения. В тот пасмурный февральский зимний день порывистый ветер и периодически хлещущий холодный дождь не могли остановить двенадцать тысяч хайльброннцев, двинувшихся из центра города по узкой, ведущей в гору дороге к окруженной рядами колючей проволоки базе. Когда первые сотни участников марша уже подошли к густым виткам американской «колючки», хвост колонны еще шел по центральным улицам. За спиной у демонстрантов были дома, где они жили, тот самый Хайльбронн, который в конце декабря 1944 года уже подвергся полному разрушению американскими обычными авиабомбами.

Вопреки обыкновению никто из американских офицеров и солдат не вышел к колючей проволоке поглазеть на демонстрантов и позубоскалить. Американцы, потеряв при взрыве своих товарищей, может быть, в первый раз поняли, какой опасности они подвергают сотни миллионов людей да и самих себя. А может быть, просто командиры приказали им не показываться у ограждения. База казалась вымершей.

...Заревела сирена тревоги. Тысячи людей замерли в молчании. А демонстранты все подходили. Над ними в пронизанном сеткой дождя небе быстро неслись и клубились черные тучи, казавшиеся здесь, в Хайльбронне, дымом гигантского пожара...

Хайльбронн.

сульманами и произойдет резня в лагерях палестинских беженцев. Тель-Авив требует от ливанского правительства согласия на введение в покидаемые оккупантами районы специальных сил ООН, на которые, мол, и следует возложить ответственность за обеспечение безопасности и порядка. Ливанское правительство, настаивая на восстановлении собственной власти в Южном Ливане, заявляет, что безопасность и порядок здесь должна поддерживать законная национальная армия. Бейрутские газеты называют лицемерные предупреждения Тель-Авива прямыми призывами к резне и кровопролитию. Сообщается, что агенты МОССАД посещают старост христианских и мусульманских деревень, стремясь натравить одну деревню на другую. Одновременно Тель-Авив решительно отказывается сообщить ливанскому правительству календарное расписание «плана Рабина» и координировать отвод своих войск с вступлением в освобождаемые районы ливанской армии, то есть делает все, чтобы его агенты успели спровоцировать резню в этих районах.

Мустафа Саад получил тяжелое ранение в результате совершенного на него покушения. Сейчас он находится в госпитале. Врачи борются за то, чтобы спасти ему зрение. Тяжело ранена и его жена, потерявшая глаз.

Ливанское правительство ведет расследование обстоятельств преступления, совершенного в Сайде. «Покушение с помощью автомобиля, начиненного взрывчаткой, совершенное в Сайде,— дело рук Абу Ариды»,— сообщило бейрутское агентство Марказия, ссылаясь на следственные органы. Агентство сообщило, что следователям удалось найти свидетелей, видевших Абу Ариду и его сообщников на месте преступления за несколько мгновений до взрыва.

Абу Арида лично участвовал затем в транспортировке Мустафы Саада в местный госпиталь с целью отвести от себя все возможные подозрения. Затем он покинул Сайду морем в неизвестном направлении.

«Абу Арида» — кличка известного в Сайде главаря коллаборационистов, самым активным образом помогавшего оккупантам бороться против местных патриотов и пролившего немало крови борцов сопротивления и членов их семей. В газетах уже сообщалось, что, опасаясь народного гнева, он бежал со своей родней из Сайды предположительно на Кипр или в Израиль. Вполне возможно, что именно он и совершил преступное покушение, выполняя волю своих хозяев, которым Мустафа Саад мешал как никто другой, ибо был способен объединить и повести за собой представителей всех местных религиозных общин и не допустить в Сайде и ее округе межобщинных конфликтов. Но израильская разведка, понимая, что такой матерый и скомпрометировавший себя коллаборационист, как Абу Арида, уже не представляет для нее никакой ценности, использовала эту зловещую фигуру для того, чтобы снять подозрение со своих более ценных агентов. Мол, Абу Арида совершил преступление и бежал. Те же, кто руководил злодейским покушением на Мустафу Саада, может быть, тем временем готовят новые преступления. Так это или нет, вероятно, когда-нибудь станет известно, но сегодня весь Ливан твердо убежден в одном: инициатором и организатором преступления в Сайде является Тель-Авив.

Премьер-министр Ливана Рашид Караме сразу же, как только стало известно о взрыве в Сайде, заявил, что ливанцы ожидали и ожидают от Тель-Авива именно такого рода преступлений, и призвал ливанский народ к бдительности и единству. Демонстрация во время похорон Наташи Саад показала, что многие, очень многие услышали и приняли этот призыв близко к сердцу. Как будут развиваться события в Южном Ливане, покажет ближайшее будущее. Но уже сейчас ясно, что замыслы Тель-Авива наталкиваются там на ширящийся и все более организованный отпор.

Бейрут (по телефону).

Израильский патруль на улицах Сайды.

Фото ТАСС

НАРОДОВЛАСТИЕ

И. СЕНЬКИН,
председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР

Есть в поселке Юшкозеро, что на северо-западе нашей республики, небольшой сад, история которого восходит к тридцатым годам, когда сюда, в отчаянную по тем временам глухомань, приехала работать фельдшер Александра Федоровна Добрынина. Ради здоровья своих пациентов взялась она за дело невиданное — решила выращивать на приусадебном участке больницы диковинные для здешних мест яблони.

Сад, в судьбе которого принимал участие И. В. Мичурин, стал питомником плодово-ягодных и декоративных культур, саженцы его украсили карельскую землю. Любуясь ими, невольно думаешь, сколь много может сделать даже один человек, если помыслы его направлены на общее благо.

Такими людьми богат и счастлив наш край. В их числе делегат XXVI съезда партии, бригадир укрупненной бригады водителей, занятых на вывозке древесины, В. А. Перттунен. Сын крестьянина-карела, лесоруба, в шестнадцать лет пришел он на делянку. Теперь он член Президиума Верховного Совета Карельской АССР, депутат Верховного Совета СССР. Давно знаю его. Простой, скромный человек. Возглавляемая им бригада первой перешла на трехсменку, добившись рекордных показателей: выработка на лесовоз здесь в два с лишним раза больше, чем в среднем по объединению «Кареллеспром».

Примечательно, что он прямой потомок известного рода Перттуненов, сказителей древних рун «Калевалы» (150-летие первого издания их широко отмечается в этом году). О сказочной мельнице счастья Сампо пели они. Реальностью наших дней на земле древних сказителей стали растущий красивый город Костомукша и крупнейший горно-обогатительный комбинат, выросший в сорока километрах от советско-финской границы.

За годы Советской власти ранее отсталая Карелия стала республикой с крупной современной промышленностью, механизированным сельским хозяйством, развитой наукой и культурой. Следует особо подчеркнуть, что из-за огромных потерь и разрушений в период Великой Отечественной войны хозяйство республики пришлось восстанавливать заново, что называется, с нуля. Ныне Карелия дает стране свыше трети производства газетной бумаги, более половины бумажной тары, трелевочные тракторы, бумагоделательные машины, железорудные окатыши для черной металлургии, алюминий, камнестроительные материалы.

Испытывая законную гордость за достигнутое, областная партийная организация, трудящиеся республики видят существующие недостатки, нерешенные проблемы. Усилия коммунистов, Советов народных депутатов, всех тружеников сосредоточиваются на выполнении мероприятий по интенсификации промышленности, сельского хозяйства, комплексному использованию древесины, улучшению строительства, укреплению дисциплины и организованности.

Представители тридцати одной национальности заняты в Советах Карельской АССР. Причем сам характер состава депутатов подчеркивает демократизм нашей избирательной системы, привлекающей к государственной деятельности людей разных национальностей и возрастов, коммунистов и беспартийных, мужчин и женщин. Тысячи депутатов, активистов получают навыки управления в 1145 постоянных комиссиях, функционирующих при местных Советах. В ходе нынешней избирательной кампании кандидатами в депутаты Верховного Совета Карельской АССР выдвинуты 150 человек и 7149 человек в местные Советы. Это огромная созидательная сила, способствующая решению ключевых вопросов развития республики. Она проявляет себя и в реконструкции индустриальных предприятий, и в открытии новой автобусной линии, связавшей с районным центром отдаленные деревни. Несравнимы масштабы этих дел, но их объединяет одно — забота о благе советского человека, стремление конкретно ответить на доверие людей, делегировавших своих посланцев в органы народовластия. Стало правилом, что со всеми своими заботами люди прежде всего обращаются к депутату. Уверены: он поможет, ибо является представителем родной Советской власти.

Отсюда и повсеместная активность советских людей в избирательной кампании. Отсюда и повышенная требовательность к тому, как работают депутаты. За время, прошедшее после минувших выборов, по наказам избирателей у нас построены дома культуры в городе Лахденпохья и поселке Калевала, спортивный комплекс в городе Сегеже, школа в городе Питкяранте, телефонная кабельная линия Сортавала—Рускеала—Вяртсиля, начато сооружение детской республиканской больницы на 300 коек в городе Петрозаводске и других объектов. Реализовано почти 90 процентов из 1829 наказов, полученных местными Советами, остальные находятся в стадии исполнения.

Однако так уж устроен человек, что сделанное он воспринимает — и совершенно справедливо — как само собой разумеющееся, но довольно критически относится к тому, что отложено «на потом». Разумеется, ни одно из невыполненных пожеланий не будет отложено в долгий ящик, большинство из них в той или иной форме учтены при составлении планов социально-экономического развития на текущий год. И все же никто не снимает с нас ответственности за то, что до сих пор оставляет желать лучшего материальная база многих школ, особенно в поморских селах. Недостаточно используются возможности домов культуры, клубов и библиотек для усиления воспитательной работы среди населения, особенно в отдаленных пунктах. Есть претензия к транспортникам, осуществляющим пассажирские перевозки. Значит, еще не хватает отдельным Советам опыта, умения или старания, и каждый такой случай становится предметом серьезного разговора в правительстве республики, без скидки на незначительность невыполненного поручения или, наоборот, масштабность его, выходящую за рамки возможностей местного Совета.

Да, действительно нелегко депутатам города Кондопоги повлиять на могущественное Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, неохотно участвующее в освоении нового микрорайона, что сдерживает дальнейшее развитие жилищного строительства в городе. И все-таки опыт показывает, что при должной настойчивости можно преодолеть любые ведомственные барьеры; без ссылок на объективные обстоятельства, которых всегда найдется достаточно, добиться конкретной помощи, четкого исполнения договорных обязательств. Пример того, как могут успешно решаться самые, казалось бы, сложные проблемы, представляет комплексная программа «Новоселье». Прямо скажем, немало претензий накопилось у нас за последние годы к строителям. Сейчас положение изменилось к лучшему. Претворяя в жизнь постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ускорению жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства в Карельской АССР в 1984—1990 годах, труженики отрасли программу минувшего года по вводу жилья выполнили на 103,3 процента, план нынешнего года также будет завершен досрочно, причем все дома строители обязались сдать с гарантийными паспортами качества.

Примечательно, что в числе передовых бригад Главсевзапстроя — коллектив, возглавляемый депутатом Верховного Совета СССР З. М. Петровой из Надвоицкого СМУ. Зинаида Михайловна лично сделала многое для внедрения передового опыта, развития бригадного подряда. Ее производственная, общественная работа — образец нерасторжимости слова и дела народного избранника.

Убедительно прозвучало на второй сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва в ноябре прошлого года выступление нашего депутата — машиниста бумагоделательной машины Кондопожского ЦБК Ю. И. Гончарова. Он обратил внимание верховного органа страны на неудовлетворительное состояние окружающей среды, загрязнение водоемов и атмосферного воздуха в республике, просил министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, цветной и черной металлургии, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, промышленного строительства ускорить возведение сооружений и установок, которые обеспечат выполнение требования законодательства об охране природы. И нет сомнения, что слова рабочего не останутся без ответа, по ним соответствующими ведомствами будут приняты необходимые меры.

Избиратели по достоинству оценивают деятельность своих депутатов. Вместе с тем высказываются и справедливые критические замечания, вносятся предложения по улучшению их работы. Советы народных депутатов, проанализировав свою деятельность, руководствуясь решениями апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, положениями и выводами, содержащимися в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, товарища К. У. Черненко, разработали и под руководством областной партийной организации осуществляют меры по усилению деятельности постоянных комиссий, местных Советов народных депутатов, производственных и территориальных депутатских групп, активизации работы депутатов в своих избирательных округах, укреплении связей депутатов с избирателями. Созидательная сила народовластия будет использоваться Советами для достижения высоких целей, намеченных Коммунистической партией.

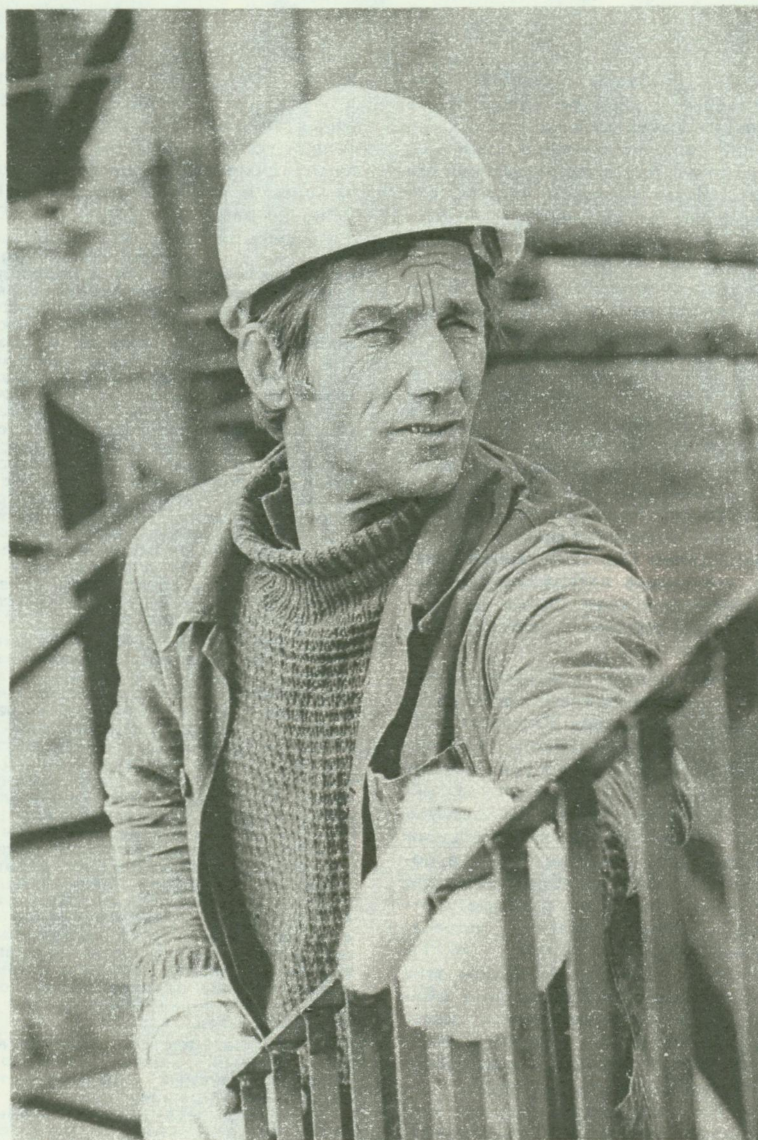
«За свою жизнь я построил столько домов, что сам сбился со счета, но первый свой день на строительной площадке запомню навсегда. И вот почему: направили меня тогда в бригаду знатного строителя Ураза Мукашева. Тогда я еще не понимал, что мне крупно повезло. Пройдет не так много времени, я сам стану бригадиром, но всегда буду считать Мукашева главным своим учителем, хотя азам строительного ремесла меня учили и другие. Мукашев же учил главному—быть человеком...

— Кем хочешь стать?— спросил меня Мукашев.

— Монтажником,— ответил я.

— Значит, должен уметь все,— заключил бригадир. А главное вот что, запомни: равнодушному человеку на монтаже не место. Иначе беда, плохой дом получится, как ни старайся. Вот, скажем, в собственной квартире, если ты пройдешь мимо упавшей вещи, обязательно порядок наведешь, верно? Почему же здесь прошел мимо разорванного мешка с цементом и не убрал его? Давайка вместе уберем, вот так... И еще запомни: стройка — это твой дом, ты в нем хозяин, а не случайный человек. Работай так, будто для отца родного строишь...

Наивно думать, что, выслушав такую лекцию, сразу станешь человеком. Нет, для того, чтобы им стать, надо следовать в жизни этим мудрым советам. И я не только следовал им сам, но всегда старался передать их молодым парням, каждый год пополнявшим нашу бригаду. И не только на словах, но и делом, личным примером. Именно это и привело меня в ряды народных контролеров... В сущности, все очень просто. Тот, кто работает по совести, не может мириться с бракоделами, разболтанностью, недостатками в

Народный контролер бригадир Виктор Карпенко.

«ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГУ ИНАЧЕ»

организации труда, плохим снабжением строительными деталями...

Вот пример из жизни бригады. Звено Сергея Антипина, классного монтажника, вело в ночную смену сборку панелей перекрытия. Утром по традиции я обходил фронт работ, смотрел, что и как сделано. Вижу, одна из панелей с трещиной, заводской брак. Монтировать ее не следовало. Что же — наказывать звеньевого? Я не торопился, хотел разобраться в причинах. Вернувшись в вагончик, попросил Сергея показать мне, что сделано за ночь. Пошли. Дойдя до бракованных панелей, звеньевой охнул и спросил возмущенно не меня, а себя: «Неужели это мы сделали? Придется переделывать». Я не стал возмущаться, сохранил спокойствие, но в душе был доволен, что звеньевой не стал оправдываться, перекладывать вину на других, хотя, объективно рассуждая, тот заводской дефект в темноте увидеть было не просто. Я только сказал: «Придется, конечно, переделать, только помни, что вместо пяти этажей по плану мы обязались смонтировать шесть». «Наверстаем, Степаныч»,— ответил он. И действительно, наверстали!

О браке я сообщил в группу народного контроля домостроительного комбината, потом провели совместный рейд, в результате панели пошли качественнее... И все же случаи брака еще нередки. Мне кажется, что если бы мы сумели организовать сквозной бригадный подряд, если бы мы и бригада предприятий стройиндустрии были бы связаны взаимным договором на конкретном объекте и вместе отвечали за качество, то случаев брака не было бы. Для этого нужно не так уж много. «Надо,— как говорил на Всесоюзном совещании народных контролеров Константин Устинович Черненко,— чтобы народным контролером сознавал себя каждый—заметьте, каждый—советский человек, чтобы он мыслил и действовал сообразно этой высокой гражданской должности».

Записав монолог бригадира комплексной бригады Карпенко, я попросил прокомментировать его парторга СМУ-2 Ивана Кузьмича Карташова и председателя группы народного контроля Николая Андреевича Черсунова. И вот что услышал.

— Да, узнаю стиль Виктора Степановича,— сказал парторг,— скромен как всегда. Но за этой скромностью, за кажущейся мягкостью — железный характер и воля. Мы почти двадцать лет знаем друг друга. Помню его совсем зеленым, его первые шаги. Пришел на стройку бывший балхашский рыбак, не знавший, каким концом электрод вставлять в держатель, с какого бока к панели подойти. Однако в монтаж просится... Знаю, что не каждому дано стать монтажником, но раз просишься — пробуй. Прошло месяца три, интересуюсь: как там новичок? Какой новичок? Да рыбачок бывший, тот что с Балхаша, Виктор Карпенко. Ах, этот, отвечают, вы нам побольше таких рыбачков присылайте: он же монтажник прирожденный, на лету все схватывает, мы ему завтра пятый разряд дадим... Скажу вам, что пятый разряд — высший в монтажном деле, некоторые к нему годами идут, а этот уже через год звеньевым был, сам классными монтажниками руководил. Думаю, это талант. Но Карпенко силен еще и другим талантом — талантом общения с людьми. Ведь это очень непросто: сплотить в единый коллектив десятки людей, еще вчера не знавших друг друга, разных по характерам, привычкам, склонностям. А он сделал это очень быстро, став бригадиром. И я подумал тогда, что Карпенко вряд ли остановится на этом, вряд ли смирится с ролью бригадира-середнячка. И к счастью, не ошибся — его бригада стала одной из самых передовых в управлении... Не ошиблись мы и тогда, когда включили его в группу народного контроля СМУ-2 Алма-атинского домостроительного комбината... Немало у нас еще таких, кто живет по принципу равнодушных: «Что мне, больше других надо?» И Карпенко воюет с этим принципом всеми своими силами. Иначе жить ему не позволяет совесть коммуниста.

Я так считаю,— добавил Черсунов,— что долг народного контролера не только в том, чтобы схватить за руку человека, который не на свое добро зарится или брак в работе гонит. Нет, он еще на добрые помыслы его направить должен — в этом суть. Виктор Степанович Карпенко как раз из таких. Причем он не выставляет себя этаким всезнайкой. Я знаю, что он окончил школу марксизма-ленинизма, теперь посещает школу народных контролеров (есть у нас такая). Приятно, что он всегда старается докопаться до сути, до истоков, обнаружив тот или иной недостаток...Сейчас у него в бригаде работает сын. Так вот — на работе отношение к сыну у Карпенко-старшего более строгое, чем к остальным. А иначе поступать он просто не может...

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

Алма-Ата.

ДЕРЗАНИЕ

См. 2-ю обложку.

следовалась благородная. В то время как «город невест» давал стране каждый четвертый метр дефицитного ситца, сами невесты испытывали дефицит в женихах. Вновь созданное предприятие должно было в какой-то мере взять на себя решение демографической проблемы.

Но Иваново известно еще как город крепких рабочих традиций, передового опыта, ревниво оберегающий свою честь и профессиональную гордость. А вот «женихи» долгие годы ходили в середнячках, кое-как справлялись с планом, а склад готовой продукции между тем был забит до отказа станками, морально давно устаревшими.

Перемены начались с приходом нового директора Владимира Павловича Кабаидзе.

Вначале было слово: Владимир Павлович ходил по цехам, собирал людей и в обстоятельных беседах разъяснял суть намечаемых им перемен. И вот, наконец, общее собрание коллектива всего завода. Произошло это пятнадцать лет назад, но те, кто остался на заводе, впрочем, вероятно, и те, что ушли, хорошо помнят и слово директора, и то, что за ним последовало. А предлагал директор вместо морально устаревших станков начать выпускать станки завтрашнего дня и даже более перспективные. Причем предупредил, что рассчитывать нужно на собственные силы и, пока коллектив не докажет свою способность выполнить эту задачу, прежнего плана с них никто снимать не будет, следовательно, новая продукция — это как бы сверх возможностей. Наступила тишина — рабочие задумались. И было над чем. Инициатива исходила от Кабаидзе — смелого, талантливого инженера и администратора, об этом знали, но все же слишком необычным было его предложение. Однако Владимира Павловича горячо поддержали сотрудники конструкторского бюро при заводе, партийная организация. Теперь он ждал, что скажет заводской коллектив. Предложили голосовать — единогласно! Но тут поднялся старый рабочий и сказал кратко: «Так нельзя. На очень важное дело решаемся... Пусть голосует каждый лично». И первым проголосовал «за». И так поднимался каждый и произносил свое решение. В результате «против» высказались только двое.

Последующие двенадцать лет стали для каждого работника завода, от директора до вахтера, настоящей битвой за смелую идею — что называется, не на жизнь, а на смерть. Не для красного словца это сказано. Завод из года в год стал не выполнять план выпуска основной продукции, а новые станки пока в зачет не шли. И никто, ни один член многотысячного коллектива не получал прогрессивки в течение 12 (двенадцати!) лет, а это ведь ощутимая часть семейного бюджета. И вот парадокс: сейчас любой и каждый заводчанин с гордостью отметит этот факт. Внеплановые станки собирали на тех же площадях, завод не расширялся. По сей день модернизация производства происходила целиком за счет внутренних резервов. В некоторых цехах, например, в литейном, где и с прогрессивкой при самой высокой оплате всегда не хватало рабочих из-за тяжелых условий труда, срочно провели реконструкцию. Коренным образом улучшились условия труда литейщиков.

Работали, не считаясь с личным временем, без дополнительной оплаты. И не месяц, и не год. Конечно же, не все выдержали этот ритм, с завода потянулись люди на другие предприятия города... Но это только укрепило решимость тех, кто остался, отстоять начатое дело. Тогда же родилось правило: «Дезертиров назад не брать!» Сейчас рабочих на завод, в том числе и в литейный цех, берут по конкурсу, потому что желающих целая очередь.

Что же это за станки, ради которых ивановцы претерпели такие испытания? Называются они, напомним, обрабатывающие центры, сокращенно ОЦ. Собственно говоря, это самые настоящие роботы, заменяющие труд самых высококвалифицированных рабочих-станочников.

В Ивановское станкостроительное производственное объединение — ИСПО имени 50-летия СССР, как теперь называется бывший скромный завод,— со всех концов Советского Союза едут за ними. Каждый станок распределяется «наверху» самым большим начальством, и не партиями, а поштучно. Идешь по сборочному цеху, а на станках по трафарету отбиты желтой краской адреса: «Финляндия», «Англия», «ФРГ», «Япония», «ЗИЛ». Продавцом этих машин является Всесоюзное объединение «Станкоимпорт», которое представляет интересы станкоинструментальной промышленности на мировом рынке.

— Кто же додумался до этих станков, кто их спроектировал? Грубо говоря, где же ивановцы взяли чертежи?— Этот вопрос я задаю генеральному директору ИСПО, лауреату Государственной премии СССР Владимиру Павловичу Кабаидзе.

— На нашем заводе, как на любом другом, было небольшое конструкторское бюро. Вот оно и взялось за разработку этой новой техники.

— Заводу, очевидно, пришлось привлекать конструкторов с соответствующим опытом?

— Привлекать нам их было нечем. Жилья дать не можем и по сей день, зарплату повысить — денег взять было негде, а в перспективе — работать десяток лет без прогрессивки. Но мы исходили из того, что раз человек окончил институт, имеет специальность конструктора, значит, должен уметь выполнить любое задание, включая разработку сверхнового станка.

За последнее время произошла, я бы сказал, девальвация слова «инженер», падение престижа этой специальности. А ведь именно инженер должен быть главной фигурой производства, он призван изобретать, генерировать идеи, внедрять все новое, передовое в практику. Но пока ему это позволят, он успевает состариться, и прежде всего морально. И, проходив лет десять — пятнадцать в «молодых да начинающих», становится неспособным к инициативе.

А мы решили выпускать качественно новое оборудование. Чертежей взять было негде. Ничего другого не оставалось, как самим приняться за разработку в нашем конструкторском бюро силами инженеров, которые там имелись и которые по сей день успешно работают.

Конструкторское бюро, как выяснилось позже,— слишком скромное название для этого подразделения завода. По количественному составу творческих сотрудников это скорее институт. И по качественному тоже. В отличие от других заводских КБ, которые сидят на бюджете предприятия, оно дает объединению большую прибыль.

Еще в сборочном цехе я разглядел четыре-пять типов ОЦ, отличающихся по внешнему виду, и решил, что столько моделей создано на предприятии за эти годы, их они и выпускают вплоть до сегодняшнего дня. Позже я понял, что глубоко заблуждался. Так как за несколько дней, проведенных на заводе, не успел узнать главного — характера директора и его «команды»: не в их правилах останавливаться на достигнутом.

Дело же обстоит так: коллектив СКБ разбит на проектировочные группы, которые возглавляют главные конструкторы проекта. В течение года такая группа должна разработать новый станок. Срок от начала проектирования до выпуска первого станка — один год. Для сведения добавим, что обычно проектирование станка длится лет пять, а то и восемь, потом год-два опытный образец доводят «до ума» и запускают в серию, когда новый станок уже морально устаревает. Ивановцы работают сразу набело, минуя опытный образец. Более того, чертежи уже готовых узлов будущего станка прямо с кульмана проектанта поступают в цех-изготовитель. Так что собирать станок начинают еще задолго до полного окончания проектирования. Вот и получается год.

— Это называется комплексно-совмещенный метод,— говорит главный инженер СКБ Станислав Евгеньевич Гурычев.

— Но ведь если где-то ошибка, недоработка в каком-то узле, все может полететь к черту. А вы сразу запускаете их серией. Значит...

— Ошибаться нам нельзя.

Каждый новый тип станка выпускается небольшой серией, скажем, десять — двенадцать штук, и ее место сразу занимает новая. В ИСПО есть такое железное правило — первый станок остается дома. Автоматизация собственного производства осуществляется за счет собственной продукции.

В СКБ я понял, что директор не случайно заговорил об искусственно замедленном профессиональном и служебном росте инженеров, а в конечном счете нерациональном использовании их знаний и возможностей.

В ИСПО такой подход считается недопустимым. Вчерашнего дипломника сразу окунают в работу: включают в одну из групп и поручают самостоятельно разработать узелок — опять же только набело, никаких проб или черновых вариантов. Так что в «молодых-начинающих» здесь никто не ходит. Вчерашнему студенту дозволено спорить, отстаивать свою идею. Через пять-шесть лет, глядишь, его уже назначают главным конструктором проекта. Да, да, среди авторов этих станков двадцатисеми-тридцатилетние парни — и ничего, справляются, и таких большинство.

— Владимир Павлович,— в очередной раз я обращаюсь к директору,— в чем вы видите главное значение ваших обрабатывающих центров для народного хозяйства?

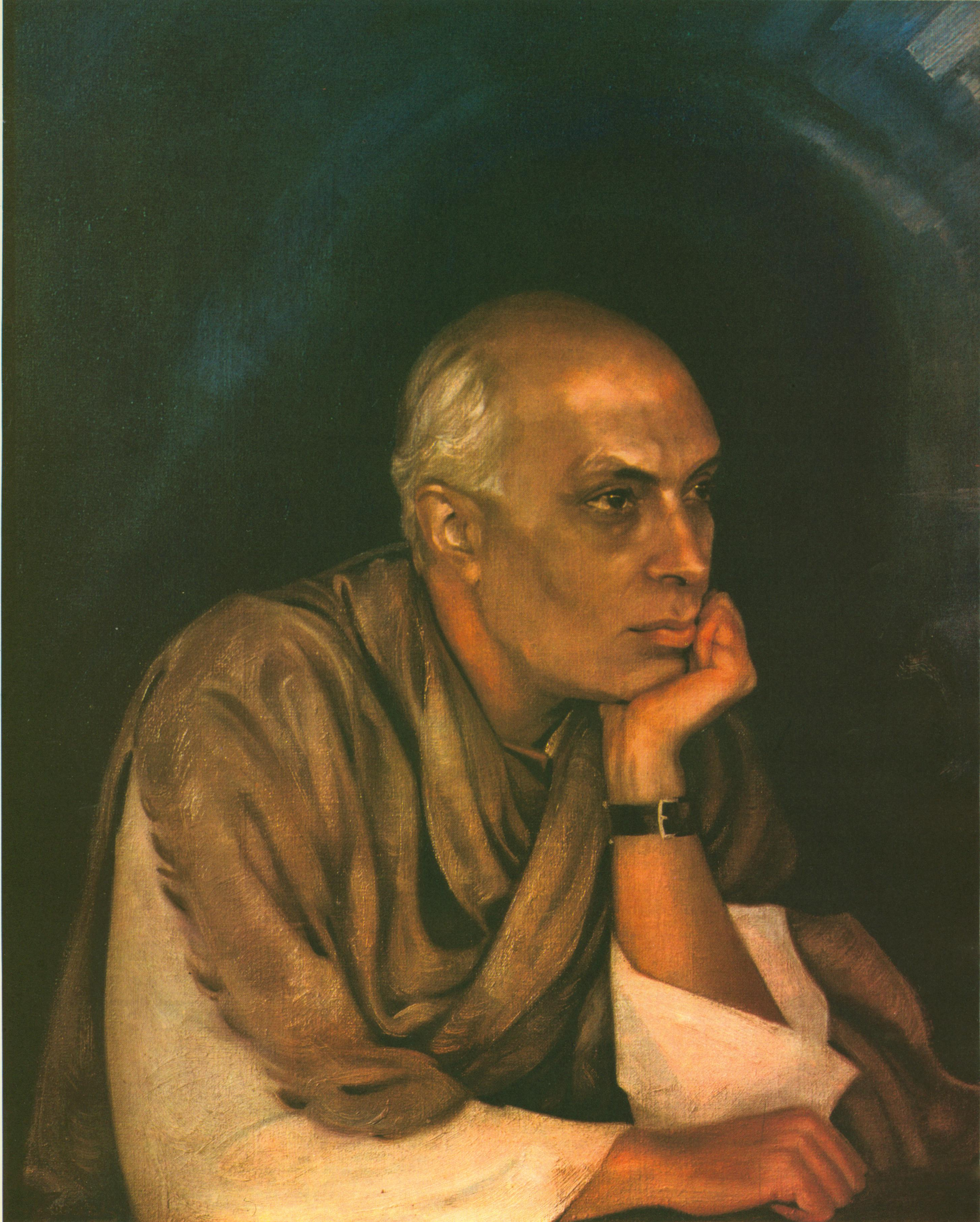
— Начнем с того, что станочный парк страны ежегодно увеличивается приблизительно на двести тысяч единиц оборудования. При двухсменной работе к ним нужно поставить четыреста тысяч станочников. Но уже сейчас падение интереса к этой трудной профессии привело к значительной неукомплектованности рабочих мест. Я считаю, что нехватку рабочих мы не должны сваливать только на демографию. Двадцать пять тысяч станков типа обрабатывающий центр способны коренным образом изменить сложившийся станочный парк и решить проблему нехватки станочников. Вот вам пример. Для производственного объединения ЗИЛ, которое проводит свою пятую реконструкцию — и будет теперь выпускать машины с дизельным двигателем,— мы готовим технологическую линию. Это будет автоматизированная гибкая производственная система, особенность которой в том, что она может мгновенно перестраиваться на выпуск новых модификаций силового агрегата автомобиля. ОЦ по своей природе создан для автоматизированных линий, работающих по принципу безлюдной технологии, обслуживаемых операторами. Это дает тому же ЗИЛу десятикратную экономию рабочих рук.

— Но где же взять эти двадцать пять тысяч ОЦ? Ведь вы выпускаете их небольшими сериями?

— Мелкосерийное производство, то есть выпуск уникального оборудования,— одна из основных тенденций научно-технического прогресса. Но мы передаем технологию и чертежи другим заводам, пусть выпускают. Мы приступили к строительству двух заводов — объединение расширяется. Один из них, по производству роботов, строим неподалеку от Иванова, в Шуе. Вы на слове «робот» только не акцентируйте, мы ведь «механических мужиков» выпускать не собираемся, будем создавать линии, в перспективе цеха, хотелось бы, конечно, и заводы, работающие по принципу безлюдной технологии. Нами уже разработана и пользуется большим спросом у потребителя гибкая производственная система «Талка-500», состоящая из пяти обрабатывающих центров, соединенных автоматической транспортной системой. Вы ее видели?

Действительно видел — было около часу дня, и первое, что подумал: рабочие ушли на обед, а станки оставили включенными... Действительно был обед, но «Талке» он не нужен, оператор — другое дело, пусть идет в столовую, поест, отдохнет.

Успехом, которого добились ивановцы, они обязаны прежде всего самим себе. Простор их инициативе дала поддержка ЦК КПСС и Ивановского обкома партии. В Москве внимательно следили за всеми перипетиями борьбы ивановцев с трудностями. Во многом пошли им навстречу. Для утверждения проекта нового станка необходимо собрать сто подписей за пределами завода, из них 35 с печатями — эту волокиту разрешили отменить, что не только развязало руки, но и дало колоссальный выигрыш во времени. Но решающим все же оказался человеческий фактор. Ивановцам как бы заново открылась истина, что не хлебом единым жив человек. И это не в науке, не в искусстве, не в литературе, где подвижничество всегда в чести, а в самом настоящем, самом обычном производстве металлорежущих станков.

С. Рерих. Род. 1904. ПОРТРЕТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ.

С. Рерих. МОЯ СТРАНА ПРЕКРАСНА.

СВЯТОСЛАВ РЕРИХ

Валентин СИДОРОВ

23 октября 1984 года Святославу Николаевичу Рериху исполнилось 80 лет. В этот день в Москве в залах Музея искусства народов Востока состоялось открытие совместной выставки Николая и Святослава Рерихов. На вернисаже была оглашена телеграмма от Индиры Ганди:

«Привет и наилучшие пожелания к Вашему дню рождения и к открытию Вашей выставки. Мировое признание Вашего искусства и ценности, которые оно отражает, помогают международному взаимопониманию».

Спустя неделю мир был потрясен известием о трагической гибели Индиры Ганди. Я увидел Святослава Николаевича на другой день после этой горестной вести. Все то, что он пережил за эти часы, очевидно, ушло внутрь. Как всегда, он был подтянут и собран, а слова его исполнены особой твердости духа. Он говорил о том, что Индира Ганди пожертвовала собой во имя Индии и что жертва эта не напрасна: кровь ее, как ничто другое, сцементирует единство страны.

И, конечно, он перенесся воспоминаниями в майские дни 1942 года, когда Джавахарлал Неру вместе со своей дочерью приехал в долину Кулу в гости к Рерихам. Святослав Николаевич давно уже знал Неру. Он-то и уговорил его поехать в Гималаи познакомиться с Николаем Константиновичем, а также хоть какое-то время отдохнуть от многочисленных дел и обязанностей. Неру впервые попал в эти места. Правда, отдыха в полном смысле слова не получилось, потому что гостя обступали толпы людей с возгласами «Да здравствует Неру!», потому что продолжалась напряженная работа мысли, потому что шли серьезные и глубокие беседы с Рерихами о будущей «индо-русской культурной ассоциации». От тех дней остались фотографии. Время подняло их на уровень символа. На них запечатлены Джавахарлал Неру и Николай Рерих, Индира Ганди и Святослав Рерих.

Нам памятны возвышенные и проникновенные слова Неру о Николае Константиновиче Рерихе, о том, что Индия находится в долгу перед великим художником, который выявил дух Индии и Гималаев в своих полотнах. Великим художником он называет и Святослава Николаевича Рериха. Стиль его жизни и творчества Неру характеризует следующим образом:

«Он никогда не старался выдвигать себя, а работал в тишине, в соответствии со своим гением, пытаясь найти себя в гармонии с окружающим, будь то снежные пики Гималаев, или красная земля Малабара, или другие места Индии. Он входил в соприкосновение с окружающей природой и одновременно как бы устремлялся вперед по всем направлениям: в будущее, прошлое и настоящее, пытаясь соединить их в одно целое».

Рассказывать историю жизни и творчества Святослава Николаевича Рериха — это значит рассказывать историю семьи Рерихов, ибо все представители этой семьи были неотделимы друг от друга в своих устремлениях и начинаниях. Удивительный дух единства отличал их жизнь и их действия. «Мы все были очень тесно связаны и всегда работали вместе,— рассказывает Святослав Николаевич.— Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга. И я должен сказать, что в Николае Константиновиче, моей матушке и в Юрии Николаевиче я имел самых близких помощников, друзей, к которым я сразу мог обращаться со всевозможными проблемами, исканиями в своей работе».

Основой взаимоотношений в семье Рерихов был труд. В труде, непрерывном, напряженном и вдохновенном, нужно искать объяснение фантастически плодотворных итогов творчества Николая Константиновича Рериха: как известно, им было создано более пяти тысяч полотен. Каких только не было кривотолков! Одни клеветали, что будто на Рериха работает целая группа безымянных художников; другие доходили до того, что приписывали его успехи вмешательству неких сверхъестественных сил. Но вот свидетельство ближайшей ученицы художника, вице-президента Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Зинаиды Григорьевны Фосдик: «Я много раз видела его в процессе работы. Перед ним стояло три или четыре мольберта. И он подходил то к одному, то к другому, одновременно завершая несколько сюжетов. Писал он непрерывно и на чем угодно. Во время гималайской экспедиции из-за недостатка материала писал на мешковине, на бумаге...» А вот свидетельство Святослава Николаевича: «Содержанием жизни отца и моей матушки был труд. Но это не означает, что они не имели досуга или они не умели отдыхать. Они любили слушать музыку; читали книги. Но ни одной минуты, учтите: ни одной минуты! — не уходило у них на так называемое светское общение и праздные разговоры. Это и создавало гигантский резерв времени и энергии для творческой работы».

Вот в этой атмосфере, начисто лишенной праздности и празднословия, рос Святослав Рерих. Едва научившись писать, он начинает вести дневник. Знаменательна первая запись в дневнике, сделанная шестилетним мальчиком: «Наконец я народился». Талант художника пробудился в Святославе Рерихе рано. Ему нет еще пятнадцати, а он уже помогает отцу рисовать эскизы декораций и костюмов для лондонских театров, где ставились русские оперы. Будучи студентом, он дебютирует своей графикой на нью-йоркской выставке 1922 года, а спустя четыре года на международной выставке в Филадельфии получает первый приз за полотна на восточные темы.

С первых шагов самостоятельной жизни Святослав Николаевич активно включается в общие дела семьи Рерихов. В трансгималайской экспедиции 1923—1926 годов он не участвовал. Но зато на него была возложена обязанность, от которой в общем-то зависела судьба самой экспедиции: ее финансовое и материальное обеспечение. Когда был создан Гималайский институт научных исследований («Урусвати»), он становится его вице-президентом. К тому времени Святослав Николаевич проявил себя незаурядным специалистом в области ботаники. Он занимается проблемами лекарственных трав и в связи с этим основательно изучает тибетскую фармакопею. Вместе с индийскими учеными работает над выведением сортов засухоустойчивых злаков; ведет переписку с директором Всесоюзного института растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым, посылает ему опытные образцы семян. Когда началась Великая Отечественная война, он вместе со своим старшим братом Юрием направляет телеграмму советскому послу в Лондон с просьбой зачислить их в Красную Армию.

Очень рано сложилась традиция проведения совместных с отцом выставок. Цель этих выставок во время войны — сбор средств для сражающейся России. Популярность художников обеспечивала немалые сборы, и в газетах тех лет можно встретить сообщения такого рода: «Академик Рерих и его сын Святослав пожертвовали на русский Красный Крест 500 английских фунтов и 10 000 рупий на военные нужды». Кроме того, «академик Рерих и его сын Святослав», используя свое влияние в Америке, через своих друзей способствовали налаживанию материальной и денежной помощи нашей стране...

Святослав Николаевич Рерих выступил продолжателем духовно-творческой традиции своего отца. Естественно, это предопределило сходство между двумя живописцами. Их сближает и роднит очень многое: и тематическое единство (Индия, Гималаи), и общие мотивы (и тот, и другой художник в поисках сюжетов охотно обращаются к древним легендам, мифам и преданиям), и, наконец, общая внутренняя целеустремленная линия, направленная на выявление светоносного начала в природе, в космосе, в людях. Однако, следуя примеру отца, Святослав Рерих отнюдь не копирует его. Его живопись, развиваясь по самостоятельным, присущим ей законам, как бы дополняет «индийское» творчество Николая Рериха. Сходство есть, но есть, разумеется, и отличие. По мнению виднейшего индийского искусствоведа д-ра Гетца, это отличие состоит в том, что по сравнению с Николаем Рерихом ритмы Святослава Рериха «гораздо более усложнены и напряжены». Сам Святослав Николаевич об этом отличии говорит так: «В творчестве Николая Константиновича человек уходил в глубину композиции, в моем искусстве я выдвинул человека на первый план». И добавляет следующее: «Николай Константинович не занимался специально портретом, тогда как я именно начал как портретист».

Живописное творчество Святослава Рериха — и в этом, очевидно, заключается то главное, что роднит его с творчеством отца,— следует рассматривать как пример «всемирной отзывчивости» русской души и характера. То, что несет с собой его жизнь и творчество, отвечает духу и тенденциям наших дней. Русский по корням и воспитанию человек, художник, выросший на традициях русского реалистического искусства, он прилепился, как говорится, сердцем к Индии и, захваченный любовью, посвятил все свое творчество ей. Такое устремление, такая любовь и позволили прикоснуться к сокровенным струнам индийской души. По признанию самих индийцев, «в его картинах вдохновение Индии и вдохновение России соединились в гармонии».

Полвека назад его отец в одной из своих статей, которые принято

называть «духовными воззваниями», восклицал: «Прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди!» Вот это «влекущее и вдохновляющее» выхвачено и высвечено великолепной кистью Святослава Рериха. Оно во всем: и в одухотворенной красоте его пейзажей, где человек сливается с природой, находится в гармоническом равновесии с ней (картины «И мы приближаемся», «Молчание» и др.), и в торжественно-радостном излучении Гималайских гор на его полотнах, и, конечно, в облике людей, чьи лица укрупнены и подняты над суетой повседневности; целая галерея проходит перед нами — политические деятели и представители искусства, философы и танцовщицы, мудрецы и простые труженики. В определенном смысле программным для художника стал портрет молодой фабричной работницы. Она изображена в праздничном ярко-красном сари, на фоне сверкающих растений. Мягкой, но властной убежденностью веет от ее позы, от устремленно-задумчивого выражения ее глаз. «Моя страна прекрасна» — так называется картина. Любовь к Индии и вера в нее соединились в картине и в многозначительном названии. Ее пафос как бы перекликается со словами нынешнего премьер-министра Индии Раджива Ганди, который, обращаясь в начале этого года к народу, сказал: «Это большое счастье — родиться в Индии и быть наследником ее великой цивилизации. У нас есть многое, что нужно сохранить для нашего народа, и мы многое можем дать миру».

Общепризнано мастерство Святослава Рериха-портретиста. В панораме человеческих лиц и характеров, созданной им за многие годы, выделяются психологически достоверные и в то же время возвышенно-символические изображения Девики Рани, индийской киноактрисы, ставшей спутницей и соратницей художника, а также Николая Рериха, которого Святослав Николаевич нередко пишет на фоне столь любимых обоими художниками Гималайских гор.

Целая серия работ посвящена Джавахарлалу Неру. Как известно, художник не раз имел счастливую возможность делать этюды с натуры. С полотен Святослава Рериха смотрит на нас лицо мыслителя, озаренное светом внутреннего раздумья и сосредоточения. Один из портретов первого премьер-министра Индии Святослав Рерих писал специально для зала заседаний парламента в Дели. О своих встречах с Неру Святослав Николаевич говорит с чувством постоянного восхищения: «Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что о нем знаю, вижу и видел в нем».

Как и отец, Святослав Николаевич Рерих не отделяется от забот и тревог мира глухими стенами своей мастерской. В Бангалоре, где он поселился после смерти отца, вокруг него группируются художники, ученые, преподаватели, общественные деятели, все те, кто, по словам Святослава Николаевича, ищет не славы и признания, а ищет истину. Ему принадлежит идея создания Академии изобразительных искусств в Бангалоре. Строительство комплекса зданий для академии, или центра изобразительных искусств, как ее иногда называют — оно ведется под руководством и непосредственным наблюдением Святослава Рериха,— подходит к концу. По замыслу Святослава Николаевича, обучение здесь будет вестись на основе интенсивного освоения традиций старых мастеров и древней индийской живописи, тех традиций, которые под натиском современной западной волны модернизма и абстрактного искусства мало-помалу начинают забываться.

Под постоянной опекой Святослава Николаевича находится экспериментальная школа имени Ауробиндо Гхоша. Школой руководит бывшая воспитанница всемирно знаменитого ашрама в Пондишери Адите Васиштха. В своей работе она старается сочетать идеи великого индийского философа и мыслителя Ауробиндо Гхоша и педагогические принципы Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. Я был в школе, был в кабинете директора, которая цитировала строки замечательного стихотворения Рабиндраната Тагора «Каждое дитя приходит в мир с вестью, что бог еще не разочаровался в людях»; посетил урок медитации, наблюдая, как детей приучают следить за своими мыслями: они переносят мысли на бумагу и рассказывают о своем отношении к ним и о том, как они их контролируют; слушал, как старшеклассники читают свои сочинения: «За что я люблю Индию?», «Я счастлива, что родилась в Индии».

Словом, вклад Святослава Николаевича в современную индийскую культуру, равно как и в дело советско-индийского содружества, весом. Святослав Рерих является кавалером советского ордена Дружбы народов и высшего гражданского ордена Индии «Падма Бхушан». Он избран почетным членом Академии художеств СССР.

Мне посчастливилось не раз бывать в Бангалоре. Не раз я исполнял ритуал, обязательный в доме Рерихов. Он заключается в том, что хозяин ведет вас к гигантскому баньяну, к которому примыкает каменная пристройка с медным колоколом посредине. Существует поверье: если позвонишь в колокол, загадав желание, оно непременно исполнится.

Осмотр дома и его окрестностей обычно завершается в мастерской, где вдоль стен вытянулись длинные стеллажи с книгами, где фотографии родителей — Елены Ивановны и Николая Константиновича — постоянно обрамлены гирляндами белых цветов. Здесь Святослав Николаевич показывает свои старые и новые работы. Здесь и идут — иногда чуть ли не до полуночи — наши беседы. Разумеется, они многоплановы, разнообразны, но, как я заметил, мысль Святослава Николаевича все время возвращается к знаменитым словам отца:

«...Поверх печатных хроник пишется нестираемая история героев. Время отсекает подробности и высекает нерушимый облик великого значения. По этим вехам движутся путники. Никакие тучи, никакие туманы не пресекут роста народных движений. Пусть приходят новые друзья. Пусть они будут деятельнее врагов».

Б. СМИРНОВ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Снова пошел снег. Он сыпался, как песок — сухой, мелкий,— и так же колол мельчайшими иголками лицо, так же собирался маленькими барханчиками, упрямо растущими навстречу резкому, сильному ветру. Только ветер дул не с юга, от Каракумов, а с севера, от Арала.

«Вот я уже и к снегу привык, совсем удивляться ему перестал»,— отметил про себя Раджаб Хасанов. Он улыбнулся, вспомнив, как заходились от восторга дети, когда в начале января после метели земля вдруг стала белой. Многие из этих сорванцов, наверное, видели столько снега впервые. В Каракалпакии морозы зимой не в редкость, а вот снег почти никогда на землю не ложится, в иной год и горсти не соберешь. А эта зима — снежная зима, и аксакалы говорят, что это к хорошему урожаю. Да, приметы приметами, а урожай все равно должен быть хорошим, не те сейчас времена, чтобы только на погоду надеяться.

«Вот в прошлом году — какая была засуха, как рано морозы нагрянули, даже гуза-паи, старые стебли хлопчатника, с полей убрать не успели, значит, весной работы будет больше,— продолжал размышлять Хасанов.— Нет, слова и оправдания никому не нужны, нужен хлопок. А какая там погода, какие приметы — это уж наша забота. Кому, например, дело до того, что уровень воды в Аму- хочет считаться с планами и сводками.

Раджаб Хасанов, председатель колхоза имени Ленина Ходжейлийского района, лишь в зрелые годы стал земледельцем, хотя никогда при всех своих «городских» должностях от этой земли он, кажется, не отрывался...

Он родился уже при Советской власти, когда Каракалпакия делала лишь первые шаги своего стремительного перехода от феодализма к социалистическому производству. Это было время перемен и время надежд, еще очень трудное. Оставшись семи лет без отца, Раджаб в полной мере познал цену заработанного на жизнь хлеба и в то же время понял, что есть такая семья — государство, которая не даст пропасть и сироте из многодетной семьи, каждому укажет любую из светлых дорог жизни... Но для молодежи его поколения дорога вышла для всех одна — на войну. Правда, Раджаб по молодости попал на фронт не сразу, поработав первые военные годы с геологами на плато Устюрт, зато боевое крещение прошел в огне Курской дуги. Потом — Великие Луки, Прибалтика, Силезия, Берлин. Закончил войну командиром орудия под Прагой...

В колхоз он попал уже в 1972 году, когда многих таких же, как он, работников районного масштаба здесь направляли на укрепление хозяйств. Раджаб Хасанович неохотно вспоминает те годы, когда принял колхоз, потому что любое дело, за которое он брался в своей жизни, становилось его кровным делом, а кому хочется вспоминать о себе плохое! И урожаи ниже всякой нормы, и миллионные долги, и трактора, брошенные прямо в поле теми, кто решил попытать счастья в близком городе... Что было, то было. И стоит ли вспоминать, сколько сил, настойчивости, умения ладить с людьми, а порой и принципиальной жесткости пришлось проявить председателю, прежде чем хозяйство из самых отсталых вышло в число лучших не только в Каракалпакии, но и во всем Узбекистане!

СОВЕТСКОЙ КАРАКАЛПАКИИ — 60 ЛЕТ.

ЕГ

дарье спал и трубы насосной станции стали коротки? Нам, хлопкоробам, в первую очередь нам, кому же еще. Вот теперь стой на ветру и думай о том, когда ремонтники закончат трубы сваривать, сможешь ли ты дней этак через пять получить от них воду и начать промывку полей».

Хасанов повернулся и пошел к машине, заслоняясь от резкого ветра и думая о том, что надо подбросить ремонтникам дров для костра. Каково им на морозе ломами долбить землю? Ветер гнал по Амударье злые волны, крошилась о берег ледяная шуга, но председателю колхоза уже некогда было размышлять о каверзах и сюрпризах стихии, этого не поддающегося прогнозам обстоятельства, которое никак не

...Хасанов остановил машину у дома, где разместилось правление колхоза. Как необычно тихо вокруг! Может, из-за непривычных холодов, а может, и потому, что люди полнее хотят использовать дни зимнего отдыха — относительного отдыха! — от бесконечных хлопот на полях, бахчах, в садах, на ферме... Это раньше, кроме работы, люди от земли и света в окошке не видели, а председатели даже хвастались тем, что годами в отпуске не бызают. Нет, хороший отдых — тоже важная часть сельского производства...

Председатель, толкая стеклянную дверь правления, взглянул на листки бумаги на доске объявлений: есть туристские путевки в Москву, Ленинград, на кавказские

И зимой, и летом ищи председателя в поле...

О ЗЕМЛЯ

Минеральные Воды. Теперь для каждого поездка в любой конец страны не проблема. Рядом, в столице республики Нукусе,— большой аэропорт, три часа — и в Москве! А вот еще путевки в Венгрию, Болгарию, ГДР. Да, хорошо бы и самому съездить, давно хочется взглянуть на Дрезден, каким он стал теперь, вспомнить там далекий май сорок пятого...

Председатель медленно поднимался по пустынной лестнице, и вдруг все эти годы представились ему как бы со стороны, словно не прожил он их вместе с колхозом, вместе со своим народом, а как бы увидел где-то в кино. Всего одна жизнь, одно поколение! Убогие стены единственной комнатенки на всю семью, земляной пол — и вот мрамор, фонтан в фойе, мозаичный паркет под ногами... Ладно, правление и должно выглядеть достойно, но в показушной однобокости его, председателя, упрекнуть нельзя, ведь только сегодня утром он осматривал готовый к заселению целый квартал нового поселка: коттеджи в двух уровнях, со всеми удобствами, с пристройками и земельными наделами по двенадцать соток... Первая очередь экспериментального поселка обошлась колхозу в четыре с половиной миллиона — это ему вполне по силам, в иные годы прибыль доходит и до пяти миллионов! Да и строительство нешуточное: жилые дома, дороги, новую огромную школу сдали, сейчас строится Дворец культуры — пора уже, заработали и на красивую жизнь! Вот затребовали проект жилых домов с встроенными гаражами: почти в каждой семье теперь есть личные машины...

Хасанов посидел в непривычно пустом своем кабинете. Молчали разноцветные телефоны на столике, тихо журчала вода в батареях отопления за полированными деревянными панелями. Что еще надо сделать сегодня, в воскресенье? На молочной ферме побывал: тепло, кормушки полны сочной люцерны. Со школьными преподавателями встречался: скорректировали программу трудовой практики ребят. В элитное хозяйство заглянул — уже договорено, какими семенами хлопчатника будут засеваться поля. Где еще? Да, в машинно-тракторных мастерских, там весь ремонт идет тоже точно по графику. Что же осталось? Вон оно что: на свадьбу приглашали! Гайпай Ярелхалов, парень из седьмой бригады, женится, надо зайти обязательно...

Но что это? Кажется, свадьба сама пришла к председателю: он увидел вереницу разнаряженных машин еще с крыльца правления. Нет, все правильно — молодые свернули к Вечному огню. Они стояли у памятника погибшим героям — нарядные, красивые. И снежинки, словно успокоившись, ложились им на плечи. Что ждет этих ребят — долгая жизнь, счастье, работа? Все, все у них будет, все в их силах, в их собственных руках... И председатель, словно боясь спугнуть волновавшие его весь сегодняшний день раздумья, тихо отступил в сторону.

Ежедневная прогулка.

И ЗИМНИЙ ДЕНЬ КОРМИТ

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»
Фото Г. КОПОСОВА

Весенний день, как известно, год кормит, а зимний!

— А наш зимний день,— говорят в совхозе «Чернореченский»,— Томск кормит.

Конечно, не один совхоз «Чернореченский» снабжает областной центр молоком, но и его вклад очень весом. Перед тем, как ехать в хозяйство, мы побывали в некоторых продуктовых магазинах Томска. Убедились: перебоев в продаже молочных продуктов нет.

И вот мы в совхозе. Зимний день, наполненный обычными крестьянскими хлопотами. Он нисколько не легче летнего. Но требует особого напряжения и особой хозяйской расторопности. В нынешнем году погода словно решила проверить сибиряков на прочность.

— Утром или ночью глянешь на градусник,— вспоминает директор совхоза Виктор Константинович Романенко,— а его чуть не зашкаливает. Под пятьдесят подваливало.

Нетрудно догадаться, как осложняют такие сильные морозы ход работ в большом хозяйстве, в котором насчитывается свыше четырех тысяч животных. Самая маленькая оплошность может обернуться в такое время бедой.

Мы уже приготовились слушать рассказы о каких-нибудь чрезвычайных ситуациях, об авралах, но ничего подобного услышать не довелось. Виктор Константинович сразу «разочаровал»:

— Ни одного ЧП не случилось. Все службы работали нормально. Надои не упали, наоборот, даже удалось их повысить.— И, подумав, добавил: — Главное ведь не в том, чтобы героически последствия ЧП устранять, а в том, чтобы их не было.

В «Чернореченском» этого смогли добиться. Смогли потому, что о зимовке и о сюрпризах погоды, если они случатся, думали заранее, еще осенью. Специальное партийное собрание провели. До каждого работника были доведены условия социалистического соревнования, на самые ответственные участки были направлены коммунисты. Во время морозов главные специалисты круглосуточно дежурили на ферме. Доярки, скотники, телятницы, слесари, работники кормоцеха — они все вместе и каждый в отдельности были кровно заинтересованы в порядке не только на своем рабочем месте, но и в целом на ферме. Воспитать такую ответственность помог бригадный подряд. Ведь при этом зарплата каждого работника зависит от общего результата и от коэффициента трудового участия.

Совхоз «Чернореченский» — хозяйство очень молодое. Оно было создано на мелиорированных землях, на том самом месте, где еще несколько лет назад доживали свою жизнь несколько покосившихся домишек маленькой лесной деревушки Кисловки. Казалось, что пройдет еще время, и от деревни останется только воспоминание, но этого не случилось. Благодаря хозяйской дальновидности здешних руководителей на месте крапивного засилья поднялись современные удобные жилые дома, школа, совхозная конто-

Бригадир Нина Васильевна Иванова (в центре) с практикантами Томского сельскохозяйственного совхоза-техникума Альвиной Высевко (слева) и Альбиной Каст.

ра. Главное, ради чего и начиналось строительство,— мощный современный молочный комплекс. Он еще не вышел на проектную мощность, но уже и сейчас впечатляет своими корпусами, почти полной механизацией и чистотой.

Мы облачаемся в халаты, натягиваем калоши — иначе на территорию не пройдешь,— и бригадир Нина Васильевна Иванова ведет нас по своему обширному и сложному хозяйству. Сразу бросилось в глаза, что здесь в первую очередь думают об условиях труда животновода. Даже одно простое перечисление может о многом сказать: просторные, удобные раздевалки, душевая, уютная столовая, комната здоровья, где в определенные часы принимает медик. Центр общественно-политической работы. По определенным дням сюда приезжают работники библиотеки и бытового обслуживания. На территории комплекса расположен магазин для животноводов. Открывается он как раз в те часы, когда люди заканчивают дела на производстве. Выбор товаров широкий, а если чего-то нет, можно сделать заказ, и заказ этот обязательно постараются выполнить.

Разговариваем с телятницами А. И. Ткаченко и Е. М. Акимовой. Женщины в один голос утверждают:

— Грех жаловаться. Для нас, животноводов, все условия созданы, только работай. Ну, мы и стараемся.

Действительно, стараются: в телятниках, как и в помещениях, где содержится дойное стадо,— порядок, чистота.

Животные во всех корпусах ухожены, корма им выдаются строго по рациону, и неукоснительно соблюдается распорядок дня. Когда все это увидишь, то не вызывают удивления и хорошие результаты. За 1984 год от каждой коровы в совхозе «Черноречѐнский» было получено по 3 тысячи 44 килограмма молока. На нынешний год намечен еще более высокий рубеж. Результаты января говорят, что он вполне по плечу молодому коллективу.

А ведь именно коллектив в первое время вызывал особую тревогу. Люди ехали в совхоз из разных областей, даже из разных республик. Как объединить их в одно целое! Это был вопрос вопросов. Надо отдать должное руководителям хозяйства. Опираясь на партийную организацию, они с первых дней подняли высокую дисциплину. С теми, кому она приходилась не по вкусу, расставались без сожаления.

— У нас такое железное правило,— говорит Виктор Константинович Романенко.— Первый прогул — вызываем на товарищеский суд, второй прогул — воспитание заканчивается... Жестко! А как иначе! Государство вложило такие большие деньги в комплекс, и мы не имеем права работать спустя рукава.

Сейчас ни пьянок, ни прогулов на комплексе нет. Здесь о них забыли.

Из теплого помещения вышли на улицу, где ровными рядами стояли небольшие клети, сколоченные из досок.

— Для чего они! — поинтересовались мы.

— Для телят,— ответила Нина Васильевна.

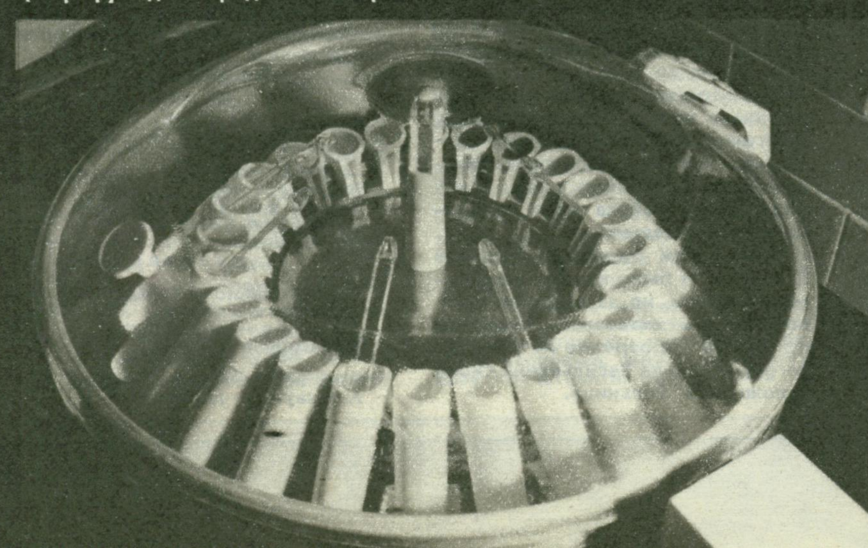
— Для телят!

Даже нам в нашей экипировке было зябко на сквозном морозном ветру, а тут круглые сутки всего-навсего в дощатой будке. Было чему удивиться. Открыли маленькую дверцу одной из будок, заглянули. Симпатичный теленок спокойно смотрел на нас добрыми глазами. Сразу видно, что от мороза он не страдал.

— Это называется холодный метод содержания телят. Сначала после рождения они находятся несколько дней в теплом помещении, а потом мы их переводим сюда. Оказывается, даже сильные морозы телята переносят хорошо. Как настоящие сибиряки.

Сейчас Нина Васильевна шутит, а в первое время все они порядком поволновались. Вроде бы предусмотрели все мелочи,— специально ездили перенимать опыт в Подмосковье — но на душе было неспокойно. Телятницы даже по ночам прибегали проверить, живы ли подопечные. Все остались живы. Мало того. По сравнению с телятами, которые находились в теплом помещении, они меньше болели, быстрее прибавляли в весе.

А совхоз продолжал жить своими обычными и такими непростыми заботами зимнего дня. Подвозили сено, гудел кормоцех, доярки готовились к дойке, а из ворот комплекса осторожно выезжал очередной молоковоз. И легковая машина, попавшаяся ему навстречу, уважительно уступила дорогу. Шло большое молоко совхоза «Чернореченский». Зимний день тоже кормит.

Центрифуга для определения жирности молока.

Телятницы Александра Ивановна Ткаченко (слева) и Елена Митрофановна Акимова.

Антонина ИСАКОВСКАЯ

Воспоминания

«...Мне кажется, что о жизни поэта и вообще о жизни человека творческого труда надо судить по его произведениям, в которых он выражает свой внутренний мир».

Когда пишутся воспоминания, то каждый пишущий должен как-то упомянуть и о себе. Иногда это обязательное «о себе» затемняет того, о ком должна идти речь». Так Михаил Васильевич относился к воспоминаниям. Постараюсь в этих записках избежать разговора «о себе».

Михаил Васильевич был человеком высокоорганизованным и дисциплинированным. Его рабочий день был расписан по часам. В девять часов утра он начинал с беглого просмотра газет и утренней почты, с тем чтобы вечером заняться этим не спеша. Вечером я читала ему журналы, книги. Старая наша квартира была темной и шумной. Днем и вечером Михаил Васильевич работал с электрическим светом. Стол освещала настольная стосвечовая лампа под голубовато-зеленым абажуром, с потолка светила люстра в триста ватт. От напряженной работы его мучили головные боли, уставали глаза. Зрение у него было слабым с детства, но он никогда не щурился. Глаза — карие, чистые, ясные; взгляд всегда внимательный, веселый. С четырнадцати лет он носил очки. Первые его очки были в двенадцать диоптрий. У него была прогрессирующая близорукость. Были неоднократные кровоизлияния в сетчатку глаз, но живыми островками сетчатки он много читал, работал, вел огромную переписку с читателями, с начинающими поэтами, которые присылали ему свои объемистые сочинения. Вел также большую депутатскую переписку. Кому-то надо было выхлопотать пенсию, кого-то определить в дом для престарелых, просить Верховный суд о пересмотре судимости, помочь в розыске отца, скрывающегося от алиментов. Писем было много. В ЦГАЛИ насчитывается 80 больших коробок его переписки. Бывали письма и такие: прислали «слезное» письмо достать «спасительное» лекарство. Я объехала все столичные аптеки, Аптекоуправление. Достала нужное лекарство. Михаил Васильевич сам его упаковал, сам отнес на почту и попросил как можно скорее доставить лекарство в Красноярск, а через некоторое время получил письмо: лекарство не нужно, пришлите песен, тех, что сейчас поют на Москве. Обязательность и отзывчивость иногда кончались огорчениями.

Михаил Васильевич был депутатом Верховного Совета РСФСР четырех созывов. Он часто выезжал по депутатским делам на родную Смоленщину. Родина высоко оценила писательский труд Исаковского. За литературную работу он был награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, орденом «Знак Почета». Он был лауреатом двух Государственных премий.

М. В. Исаковский.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов он неоднократно бывал за границей. Дважды был в Италии, много раз в Чехословакии, один раз во Франции. Видел Вену и Варшаву. Неоднократно выезжал на конференции, на съезды писателей Латвии, Украины, Белоруссии. Много ездил по нашей стране. Одним словом, вел деловой, активный образ жизни.

Но вот 7 января 1964 года к 10 часам вечера у него поднялась температура до тридцати девяти градусов. Это было начало двустороннего воспаления легких. Болезнь была тяжелой. Перегрузки сердца привели к инфаркту, а инфаркт осложнился аневризмой сердца. В легком долгое время оставалось затемнение. Решили, что это туберкулема.

Летом 1964 года Михаил Васильевич приехал жить на дачу во Внуково. Он уже знал, что его соседи Твардовские навсегда покинули Внуково, переехали в Красную Пахру. Но когда он увидел опустевший дом друга, его охватила грусть. Не будет уже тихих, неторопливых бесед по вечерам, не сидеть им за шахматами, не с кем будет перекинуться словечком. В теплом свитере ходил Михаил Васильевич по саду, равнодушно смотрел на буйно цветущие пионы, розы и просил срезать лилии регале, одурманивающий запах которых раздражал его.

Однажды в начале дня неожиданно приехали к нам на дачу Сергей Тимофеевич Коненков с женой Маргаритой Ивановной. Приехали познакомиться с земляком-поэтом и уговорить Михаила Васильевича позировать для скульптурного портрета. Михаил Васильевич поблагодарил, но позировать отказался — отложили до лучших времен. Коненковы пробыли у нас до вечера. С ними было так хорошо и просто, как будто мы знали друг друга долгие годы.

Евгений Викторович Вучетич тоже неоднократно уговаривал Исаковского позировать, но в силу ряда причин работа эта, к сожалению, не осуществилась.

Между тем здоровье Михаила Васильевича было вполне удовлетворительным, но затемнение в левом легком оставалось. У врачей появилось подозрение на рак легкого, и Михаила Васильевича снова положили в больницу.

Конечно, диагноз от больного скрывали, но он понимал, что болезнь очень серьезная. Это видно из его ответа от 20 апреля 1965 года на письмо В. Д. Федорова:

«Я уже давно болен. Причем болезни мои (их несколько) носят такую форму, что работать мне невозможно и даже думать о чем-либо трудно.

Если начинать разговор о народности и популярности поэзии, то разговор этот нельзя ограничивать краткими анкетными ответами на вопросы. Разговор должен быть самый серьезный, довольно длинный и очень доказательный. Вступать же в такой разговор я сейчас просто не в силах по причине, о которой сказано выше».

Из записной книжки Исаковского: «С пятого ноября 1965 года для моего лечения стали применять рентгенотерапию с одновременным ежедневным введением в вену пять-фторурацила. Один день облучают грудь, другой день — спину».

Еще одна запись: «Пятого января 1966 года. Сегодня наконец-то я покинул больницу, где пробыл без нескольких дней четыре месяца! Плохо то, что чувствую я себя хуже, чем тогда, когда ложился в больницу».

Болезнь подгоняла, он хорошо знал, как много не закончено дел. И взялся за составление четырехтомного собрания сочинений. Вычитывал стихотворения, кое-что поправлял, некоторые стихи, считая их слабыми, не включал в собрание. На составление четырехтомника ушло почти четыре года напряженной работы. Параллельно с этим он собирал материал, расширял то, что уже печаталось. Готовил книгу «О поэтах, о стихах, о песнях». Делал наброски автобиографических страниц.

Михаил Васильевич говорил, что «писать стихи легко человеку, технически освоившему эту премудрость. Но такие стихи ничего нового в поэзию не вносят. То, что дается легко, почти никогда не обладает высоким качеством. Я лично всегда считал, что надо писать немного, но хорошо. Далеко не всегда мне удавалось достичь этого. Я рад, что избежал повторений, перепевов самого себя».

Из своих стихов он особенно любил стихи военных лет — «Враги сожгли родную хату», «Русской женщине», «В прифронтовом лесу»... Конечно, этот список можно продолжить не только военными стихами. О стихотворении «Лен» А. А. Фадеев писал: «Оно написано с той предельной простотой, которая даже для тебя, всю жизнь пишущего необыкновенно прозрачно и просто, является необычной и поразительной».

Стихотворение «В дни осени», написанное в 1967 году, критик Е. И. Осетров назвал «маленьким шедевром».

Михаил Васильевич любил шутку и хорошо понимал ее, в трудную минуту она помогала ему. Так было написано стихотворение «В больнице».

«В БОЛЬНИЦЕ»

(Шутка)

— Вы больной — невставальный?— спросила няня, входя в мою палату.

— Невставальный,— ответил я.
Что-то грустно мне стало,—
День и вправду печальный.
Няня верно сказала:
Я — больной
невставальный.

Весь я словно побитый,
Вялы ноги и руки.
Но ведь я — под защитой
Медицинской науки.

Я ей верю всецело,
А в науке — дерзают.

Ведь не зря ж в мое тело
Сестры иглы вонзают.

Но такой у них навык,
Что я просто немею,
Если даже пиявок
Поят кровью моею.

И врачи меня смотрят,
Проверяют давленье.
Раза по два и по три
В день дают наставленья;

Говорят, утешают:
«Пусть болезнь не конфетка,
Но теперь воскрешают
Даже мертвых нередко.

Ну, а вы-то не мертвый,
Вы на них не похожи.
Правда, малость потертый
И поношенный тоже,

Только все же — мужчина,
Нелысеющий даже.
И у вас медицина
Днем и ночью — на страже.

Нет, не зря мы пророчим,—
Ваша песня не спета...»
Я и сам, между прочим,
Понимаю все это.

Пусть я нынче на ложе
Распростерт госпитальном,—
Н е в с т а в а л ь н ы й — так что же? —
Скоро буду в с т а в а л ь н ы м.

Встану, право же, встану —
И живой, и живущий:
Мне разыскивать рано,
Где там райские кущи.
В этих кущах, признаться,
Было б очень погано.
Лучше здесь отлежаться —
Во владеньях Хримляна.

1968 год
Загородная больница».

Как-то в конце лета 1969 года к нам на дачу приехали А. Т. Твардовский и его жена Мария Илларионовна. Посидели, поговорили, вспоминая о дружном соседстве: как вместе строили дачи. «...Кирпича для фундамента нет — заменили шлакоблоками. Цемента нет — глинки прибавили побольше. Глинка — она хорошо держит, не сумлевайтесь»,— уверяли шабашники. А сколько с печами было мороки, дым выедал глаза. А как питьевую воду возили из Москвы, а дождевую собирали по каплям. Как рыли и бурили колодцы, а воды все не было. Многое вспомнилось в тот день.

Новый, 1970 год мы встречали в санатории имени Герцена под Москвой. У огромной елки при мерцающем свете электрических огоньков Михаил Васильевич приятным, мягким голосом читал свои шуточные стихи. Читал с удовольствием, с веселым настроением, поправляя тяжелые очки изящным, привычным движением красивой формы, тонкой в кисти руки. Серебристые волосы упрямым чубом падали на левую сторону белого, без единой поперечной морщинки, высокого лба. После «Холестерина» читал «В больнице», опустив три последних четверостишия и закончив стихотворение тостом: «Так выпьем же за нашу медицину!» Пить он не мог и бокал поднял чисто символически. Его шумно приветствовали. Он стоял элегантный, высокий, все еще стройный и смущенно улыбался. В эту праздничную ночь выступили все присутствующие, и всем выдавались призы. Михаил Васильевич получил первый приз.

Наступил январь. Центральное телевидение готовило программу к 70-летию М. В. Исаковского. В санаторий приехала съемочная группа. Вести съемку в помещении санатория неудобно. Было решено, что Михаил Васильевич посидит 2—3 минуты на предварительно утепленной лавочке, на фоне зимнего пейзажа. Места очень красивые. Санаторий построен на месте бывшей усадьбы Васильевское, принадлежавшей помещику И. А. Яковлеву, отцу А. И. Герцена.

Михаил Васильевич любил эти места, они его успокаивали, настраивали на рабочий лад. Так, после больницы в декабре 1967 года, отдыхая в этом санатории, он написал два стихотворения —«Касатка» и «На заречье, прошлым летом...».

Вел телепередачу А. А. Сурков. Съемка велась не только возле лавочки. Михаила Васильевича снимали гуляющим по любимым местам парка. Но почему-то эти кадры никогда не показывали в передачах телевидения.

Юбилей прошел хорошо. Михаил Васильевич держался молодцом, внешне он был спокоен, шутил как обычно.

Зал имени Чайковского был переполнен. В ответной речи он поблагодарил своих читателей и попрощался с ними. Это было его последнее выступление.

Только физически крепкий организм мог вынести то, что выносил он. У Михаила Васильевича была крестьянская закалка, недаром в детстве он ходил на станцию Павлиново за двадцать верст от своей деревни, о чем он так хорошо написал в автобиографической книге «На Ельнинской земле».

«Крестным отцом» этой книги, как он сам себя называл в шутку, был А. Т. Твардовский. Первые главы «На Ельнинской земле» печатались в «Новом мире» в 1969 году в №№ 4, 5, 8.

То, что печаталось в «Новом мире», издательство «Детская литература» выпустило отдельной книгой. Эту книгу я принесла в больницу. На титульном листе этой книги Михаил Васильевич написал мне:

«Нине.

Милая Нина. Дарю тебе эту книгу, выход которой совпал со столь трудным для нас временем. Спасибо тебе за твою самоотверженную заботу обо мне, за твое мужество, за любовь, за все. Будем надеяться, что все кончится благополучно, несмотря ни на что.

Всегда твой Мишик.

14/III — 1971.

Больница».

Букны набегают одна на другую, это результат лекарственной интоксикации.

Летом 1971 года одновременно в больнице близко друг от друга находятся Исаковский и Твардовский. Оба они в тяжелом состоянии и встретиться не могут. Случайно у них оказывается одна и та же массажистка — милая черноглазая Настенька. Она передает приветы, ободряя одного и другого. Иногда Михаил Васильевич посылает другу записочку. Твардовский ответить не может: у него плохо с правой рукой.

В это же время я тоже лежала в этой же больнице после тяжелой операции. Судьба свела нас троих почти под одну крышу. Мне уже разрешили выходить в больничный парк. Сегодня выписывается домой Твардовский. За ним прислана большая машина «Скорой помощи». Александр Трифонович уже одет во все домашнее. Возле него хлопочет жена Мария Илларионовна. Я смотрю и думаю, как же все мы изменились за последние тридцать лет. Носилки держат два здоровых санитара.

— А вы меня удержите, не уроните?— спрашивает Александр Трифонович. Он, наверное, еще не сознает, как мало осталось от прежнего богатыря, о котором Исаковский писал в письме от 24 декабря 1970 года:

«Я искренне верю, Саша, что, несмотря на сложность и тяжесть твоей болезни, ты непременно будешь здоровым. Иначе я не могу себе представить, иначе быть не может! Поэтому во что бы то ни стало будь здоров, Саша, обязательно будь здоров! Я ведь знаю крепость твоего организма, я помню, как ты по-богатырски корчевал дубовые пни, и это дает мне право надеяться, что в конце концов ты преодолеешь свои недуги».

Я выхожу на улицу. Носилки с Александром Трифоновичем уже в машине. Стекла машины опущены, двери еще не закрыты — день жаркий. Мы с Марией Илларионовной разговариваем.

— Маша, с кем ты там разговариваешь?— доносится голос Александра Трифоновича из машины.

Я подхожу ближе к опущенному стеклу машины, здороваюсь с Александром Трифоновичем, передаю ему привет от Михаила Васильевича.

— Антонина Ивановна, я слышал, с вами случилось несчастье,— говорит он ясно, четко, только немного удлиняя паузы между словами.

— Да, Александр Трифонович, действительно было плохо, очень плохо, но сейчас, кажется, все позади.

— Дай-то бог. А как Миша? Берегите Мишу.

Он протянул в окно машины левую исхудавшую руку, желтую и сухую, как пергамент. Я бережно пожала его руку. Так мы расстались навсегда.

На похоронах мы не могли быть. Оба находились в больнице.

Из записной книжки: «20 февраля 1972 года. 18 февраля вернулся из больницы. Во время моего пребывания там (18 декабря 1971 г.) умер А. Т. Твардовский. Я еще ничего не написал об этом, но чувствую, как много мы потеряли. Чем больше будет проходить времени, тем все больше будет расти значение поэзии Твардовского».

Как-то летом 1972 года из Минска в Москву приехал А. А. Кулешов. Он навестил Исаковского, прочитал ему рукопись своей поэмы «Варшавский шлях». Поэма посвящена А. Т. Твардовскому. Михаил Васильевич слушал внимательно: «Все это очень хорошо, а это — просто замечательно. Мне кажется, вот здесь нужно как-то поправить. Это же самое лучше сказать по-другому. Надо подумать».

Через некоторое время к нам пришли А. А. Кулешов и Кайсын Кулиев. Михаил Васильевич вспомнил прежний разговор с Кулешовым, он думал о его поэме и что-то придумал.

— Аркадий Александрович, а что если то место в вашей поэме повернуть вот так...

— Спасибо, Михаил Васильевич, я уже все сделал и отдал в печать.

Сергей Александрович Васильев читал Исаковскому в рукописи свою поэму о генерале Карбышеве. Поэма Михаилу Васильевичу понравилась. «Попробуйте избежать натуралистичности и прямолинейности. Помните, как у А. Кулешова в поэме «Знамя бригады»?

Разве жлобинский ров
Не своими я видел глазами?
Дети, матери, старики
В нем зарыты живыми.
Долго, долго пески
Шевелились над ними.

Все это время Михаил Васильевич продолжал писать книгу «На Ельнинской земле», которую начал в 1967 году. Писал дома, писал в больнице. У него никогда не было ни машинистки, ни секретаря. Все он делал сам. Он не умел диктовать, он должен был видеть то, что уже написано им. Каждое слово, каждую фразу должен был видеть на бумаге, и только тогда рождались новые фразы. Труд был невероятно кропотливый. Он не давал себе отдыха ни единого дня. Месяцами, лежа на больничной койке, только на спине, писал фломастером. Если за день он не написал ни одной строчки, день досчитался загубленным, прожитым впустую. Когда наступало улучшение здоровья, он садился за стол за свою старенькую, тридцатых годов, машинку, с которой никогда не расставался. В больнице, в санатории машинка всегда была с ним.

Ему очень хотелось иметь машинку с крупным шрифтом, а когда находил такую, то не мог привыкнуть к расположению букв и старался поскорее подарить комунибудь эту долгожданную покупку. Его машинки посылались: студентке в Болгарию, по просьбе инвалида в госпиталь, в Смоленск — дочери, в Москве — М. И. Погодину. Была у него любимая швейцарская машинка — «малютка» с очень мелким шрифтом. На ней он печатал только некоторые письма. Но вот он узнал, что Н. М. Грибачев собирается в ответственную поездку за границу и берет с собой пишущую машинку.

— Николай Матвеевич, ваша машинка тяжеловата для такой поездки. Возьмите мою «малютку».

И его любимица отправляется в дальнее путешествие.

Была у Михаила Васильевича страсть к бумаге, канцелярским принадлежностям, радиоприемникам, часам, автомобилю. Он умел починить утюг, электроплитку. Однажды взялся чинить радиоприемник и из приемника сделал «кошкин дом», как сам окрестил свою работу.

Гуляя по улице Горького, он обязательно заходил в часовой магазин полюбоваться наручными часами, а если покупал, то придумывал, кому бы их подарить. Все родственники были одарены часами, сам же он носил простые, хромированные часы «Ракета».

...Был женский праздник 8 Марта 1972 года. День выдался ясный, солнечный. Я готовила обед на кухне. Михаил Васильевич уже который месяц лежал на твердом диване, не вставал. И вдруг он рядом со мною. Обнял меня.

— Сегодня твой праздник. Я поздравляю тебя, но вот подарить мне тебе нечего.

Он наклонился, положил голову мне на плечо.

— Я дарю тебе свою седую голову, может быть, она еще на что-нибудь сгодится.

Горький ком перехватил мне горло. Я знала, каких невероятных усилий и мук стоило ему одеться, встать и дойти до меня. Наверное, превозмогая обжигающую боль, передвигал стул и держался за стены.

Я никогда не слышала от него жалоб, стонов. Всегда ровный, спокойный, даже в самые критические, тяжелые моменты своей болезни, он находил в себе силы пошутить или хотя бы улыбнуться.

Круг его личных интересов был обширным и разнообразным. Сейчас же его беспокоило самое главное, дело всей его жизни — творчество. Он знал, что близится развязка. Надо было успеть закончить книгу. И он за три дня до своей кончины по просьбе редакторов издательства «Молодая гвардия», где готовилась к выпуску книга «На Ельнинской земле», написал три странички врезки под заголовком «После февральского переворота». Гранки этой книги он читал и правил сам. Последнюю сверку держал в руках. Вот только выхода книги в свет он не дождался.

РОМАНТИКА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Тема спорта, физической культуры человека всегда была близка русской поэзии. Сила, мужество, красота движений, страсть борьбы, словом, те составляющие, которые и привлекают людей к спорту, воспевались поэтами разных времен, школ и направлений. Это, конечно, не случайно. Физическая культура — одна из важнейших черт культуры общечеловеческой. Она во многом определяет нравственное здоровье и личности, и общества в целом. Советская литература достаточно много и часто интересно обращается к спортивной тематике. Форма таких обращений самая различная — от документальных произведений всемирно известных спортсменов до романов, стихов, поэм.

Среди недавних книг, посвященных спорту, внимание читателей, несомненно, привлечет выпущенная издательством «Физкультура и спорт» тиражом двести тысяч экземпляров поэма Дмитрия Демина «Гонец». В небольшом по объему произведении, которое можно отнести к форме повествовательной поэзии, автор обращается к истории одной из сложнейших олимпийских дисциплин — современному пятиборью (его составляют конный кросс, фехтование, стрельба, плавание, легкоатлетический кросс). Поэт положил в основу своего сочинения романтическую легенду, по которой современное (в прошлом офицерское) пятиборье родилось после того, как стало известно о подвиге гонца, посланного со срочным донесением через вражеские позиции. Сначала герой легенды мчался на коне, затем дрался с врагами на шпагах, отстреливался, переплывал реку и, наконец, бегом доставил драгоценный пакет вовремя. Как видим, красивое предание дает богатый материал для поэтической интерпретации. Дмитрий Демин пишет раскованно и непосредственно. Его поэтический рассказ развивается динамично — ритм погони, борьбы, сражения передается умело, без излишнего многословия и ненужного украшательства. В такой хорошей лапидарности ощущается уверенный почерк автора — мастера короткой поэтической формы.

Книга Дм. Демина обращена к детям, юношеству, и потому важно отметить, что она ярко, празднично оформлена (художник И. Борисов). Маленькая поэма «Гонец» — увлекательное романтическое повествование о силе, ловкости и выносливости человека, выстоявшего и победившего,— не оставит читателей равнодушными и, хочется верить, подвигнет многих на испытание собственных сил в спортивной борьбе.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Дмитрий Демин. Гонец. «Физкультура и спорт». М., 1984.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

Славное море

Фото Н. РАХМАНОВА

— Байкал,— негромко говорит стюардесса.

Под нами — снежная равнина с кисеей света за островерхими горами. Старенький Ил-14 плавно идет вдоль той черты, где Байкал касается земли; об этом можно только догадываться: внизу все бело. Видны торосы, следы недавней борьбы Байкала с зимой. Еще Новый год он встречал вольной волной, уступил морозам только к середине января. Теперь до мая будет держать на себе ледяные покрывала.

Медленно плывет под нами деревенька Максимиха. А вот и Баргузин. Россыпь рубленых домов, темные лодки на берегу, белые дымки над крышами, белая гладь Баргузинского залива. Стражем над заливом полуостров Святой Нос, чем-то похожий на рыбный пирог в тарелке. Здесь, в заливе, ловят рыбу, на берегу ее разделывают, солят, коптят. Делают консервы на местном рыбокомбинате. Комбинат работает и зимой. Байкальская путина не имеет каникул. Даже в лютые морозы выходят на байкальский лед бригады неводчиков. Неуютно зимой у Святого Носа. Песенный ветер баргузин прошивает рыбацкую робу, забирается под ватник. Мерзнут продолбленные в метровом льду лунки. Костенеет держащий невод капроновый трос. А рыбаки работают.

Среди этих людей Леонид Архипович Крушинский, знатный здешний бригадир.

Но еще через четверть века, когда снова наступили неблагоприятные биологические условия, потребовалась крайняя мера — полное запрещение вылова омуля. Почему омуль снова исчез? Причин много. Но главную беду несет человек. Мне рассказывали, что гидросооружения на Ангаре подняли уровень воды в Байкале. И на мелководье, где располагаются «пастбища» омуля, вода теперь прогревается слабее. Медленнее развиваются микроорганизмы. А что делают рыбацкие бригады? Они ловят малоценную рыбу для изготовления кормовой муки. И тут промашка: бычка ловили, забыв, что малек этой рыбешки — лакомая пища для омуля! Лишившись корма, омуль плохо набирал вес.

Байкальским рыбоводам удалось вовремя справиться с проблемой. Сегодня ученые считают, что биологическая масса омуля в озере составляет около тридцати тысяч тонн. Практически уже возможен отлов пятой части.

В последней поездке я познакомился с человеком, жизнь которого с рождения связана с сибирским морем. Михей Васильевич Багинов — начальник производства «Байкалрыбпрома». Объединение занимается отловом, переработкой и воспроизводством байкальской рыбы.

— О байкальском омуле мы больше говорим, конечно, но и делаем немало,— начал разговор Михей Васильевич.— Первый рыбоводный завод в Большереченске за полвека претерпел пять реконструкций. И сегодня его мощность миллиард с четвертью икринок, которые закладываем в инкубацию. В последние годы построили несколько рыбоводных заводов. Отлажена техника взятия икры, режим циркуляции.

Говорят: человек живет на земле; о Крушинском можно сказать: живет на Байкале. Летом и зимой на озере. Летом и зимой добывает рыбу, командует добычей. Знает, как и чем ловить, когда, в каком месте... Добрых три десятилетия рыбачит в Баргузинском заливе, дружит с Байкалом с самого рождения.

Красиво смотреть со стороны, как выбирается из-подо льда невод! Протянутая под метровым льдом сеть стаскивает пойманную рыбу к майне. Люди работают споро. Выхватывает сачок тяжелую рыбу, трещит лебедка. И торопит Крушинский: ждут новые лунки, новый подводный замет...

В который раз я на Байкале, в который раз любуюсь его красотой.

Монголы Байкал называют Далайнуром — Великим озером. В древневосточных летописях его называют Пахаем — Северным морем. Географы середины XVII столетия именуют его Ламой — морем. И описание Ламы начал енисейский казак Курбат Афанасьевич Иванов — первый русский, ступивший на байкальский берег в 1643 году. Отряд Иванова вышел из верхоленского острога и уже через двенадцать дней подошел к «Ламскому морю». Здесь землепроходцы сколотили дощаник и отправились в полное тайн морское путешествие. «А вода в Ламе стоячая, пресная, а рыба в ней всякая и зверь морской, а где пролива той Ламы в море, того тунгусы не ведают»,— писал о хождении по Байкалу Курбат Афанасьевич.

Жизнь в Прибайкалье соединилась нитями торговых путей с молодыми сибирскими городами. Охотничий промысел, рыболовство. В 1883 году компания рыбопромышленников в Иркутске арендовала почти все рыбные промыслы Байкала. К началу XX столетия хищнический вылов омуля, осетра, других ценных пород рыбы довел Байкал до истощения. Промысел прекратился. Только лет через тридцать природа смогла восстановить запасы омуля.

Есть у байкальских ученых,— продолжает Багинов,— достижения и в рыбоводстве. Например, Николай Фотиевич Дзюменко разработал новый метод сбора омулевой икры. При старом способе каждая работница должна в холодной воде перебрать за смену до пяти тысяч производителей, определить зрелость икринок, выдавить ее и собрать. Экологический метод полностью исключает вмешательство человека в процесс отделения икры. А выход молоди увеличивается на треть.

Когда-то Михей Васильевич работал в управлении по охране рыбных запасов. В Забайкалье более шестисот тысяч членов общества охотников и рыболовов. А если приплюсовать сюда же случайных рыбаков, туристов, отдыхающих у Байкала,— кому не хочется поймать омулька! Так вот Багинов предлагает продавать лицензии на отлов ограниченного количества байкальской рыбы, а вырученные средства пускать на развитие воспроизводства. Пусть любители экзотики и деликатесов оплачивают работу по восстановлению запасов озера!

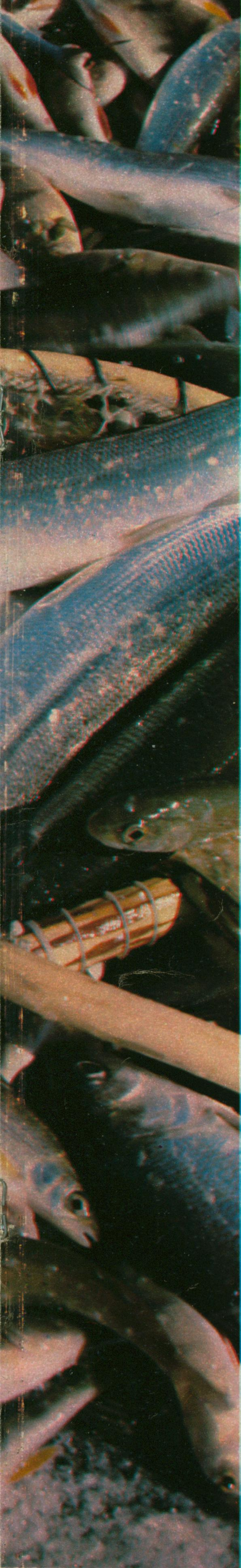
Предложение стоящее. Подобный опыт имеется. Несколько лет назад в Приморье таким образом восстановили запасы сельди. И на удочку можно было поймать не один десяток рыб. Рыбинспекция разрешила любительский лов по лицензиям.

Проблемы Байкала не первое десятилетие волнуют общественность. Бесспорно, Байкал должен существовать не ради Байкала. Его богатства можно брать, но с одним условием — бережно!

У полуострова Святой Нос * Вид на Баргузинский заповедник.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Зимний лов омуля.

CCCP-70223

ПРИЗНАНИЕ

Разрешите представить: командир самолета Ан-2 лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Дружбы народов коммунист Дмитрий Бахманович Мамедов. Знакомые пилота шутливо утверждают, что в груди его бьются два сердца. Одно, считают они, отдано авиации, другое — сельскому хозяйству. Глубокой осенью, когда на плантациях Азербайджана завершается белая страда и на всю зиму умолкает гул авиационных и комбайновых моторов, Мамедов возвращается домой — по давней привычке — с букетом из веточек хлопка. До самой весны эти пушистые цветы, поселившиеся в бакинской квартире, напоминают о прошлом годе и о том, как нелегко достается урожай не только земледельцам, но и авиаторам.

Работает Дмитрий Мамедов в Забратском авиапредприятии Азербайджанского управления гражданской авиации. Ему тридцать шесть лет, и почти половина из них прошла на службе в малой авиации. Сам про себя Дмитрий говорит, что каждой весной он ждет осени, а осенью — весны. Секрет прост. Всего-то он вместе со вторым пилотом М. Никоненко ежегодно налетывает в среднем 800 часов (при скорости 150 км в час) и обрабатывает 40 тысяч гектаров...

Всю весну дружный экипаж помогает хлеборобам известного кубанского колхоза «Кавказ», а в разгаре лета, возвратившись домой и не успев отдохнуть, спешит на юг Азербайджана, в совхоз имени В. И. Ленина Ждановского района. Но не в гости, конечно, а на работу — к своему давнему другу, признанному асу машинной уборки хлопчатника депутату Верховного Совета СССР, Герою Социалистического Труда С. Имралиеву. Свою трудовую дружбу хлопкороб и летчик ежегодно скрепляют договором о социалистическом содружестве, главное в котором — высокое качество обработки посевов, а стало быть, и получение отменного хлопка-сырца.

Сколько раз предлагали Мамедову перейти в большую авиацию, летать на современных пассажирских лайнерах! Но он остался верен малой авиации, где на его счету почти десять тысяч часов безаварийной работы над хлебными полями и хлопковыми плантациями.

Пилот-аграрник первого класса (таких в Азербайджане можно сосчитать по пальцам), Дмитрий Бахманович — человек дела: сказал — выполнил. По-другому не умеет. Нелегким летом 1984 года, когда богатый урожай пыталась уничтожить совка, экипаж Мамедова отвел от плантаций эту угрозу. А ранней осенью того же года за двадцать рабочих дней сумел обработать эффективным методом, способствующим ускоренному созреванию урожая, более семи тысяч четырехсот гектаров с оценкой «отлично». Этому полю, считают специалисты, можно присвоить Знак качества.

Применяя передовую технологию обработки посевов, Мамедов одним из первых в Азербайджане достиг в своем деле наивысшей производительности труда, семь раз выходил он победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании. Новаторский подход позволил ему в совершенстве овладеть всем арсеналом профессионального мастерства. Прошлой осенью он досрочно, на год раньше, завершил личную пятилетку, сэкономил немало топлива и летного времени.

Работа сельского авиатора — дело нелегкое. Поэтому после двенадцати с половиной лет непрерывного стажа при соответствующем налете часов, независимо от возраста, летчик-«крестьянин» может уйти на пенсию. Мамедов давно уже заслужил это право на отдых. Но собирается летать до тех пор, пока позволит здоровье.

Недавно, в канун 67-й годовщины Великого Октября, Дмитрию Бахмановичу Мамедову за выдающиеся достижения в труде присуждена Государственная премия СССР.

Г. ПОГОСОВ

Баку.

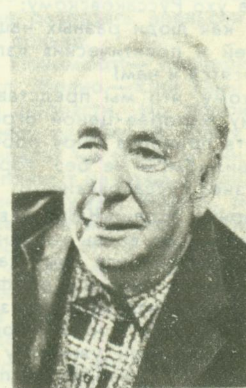
Лауреат Государственной премии СССР командир самолета Ан-2 Дмитрий Мамедов.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Борис ДЬЯКОВ

ПОД НЕБОМ ПАРИЖА

В издательстве «Молодая гвардия» скоро выйдет художественно-документальная повесть писателя Бориса Дьякова «Потомки Прометея». Предлагаем вниманию читателей одну из глав повести. Думается, что рассказ этот актуален, а встреча с великими учеными Фредериком Жолио-Кюри и Ирен Кюри будет интересна читателям.

I

В апреле 1946 года Министерство энергетики и электрификации СССР было извещено, что через три месяца в Париже начнет работу первый после войны Международный форум по проблемам энергетики. Министр Жимерин поручил своему заместителю по техническому совету, академику Винтеру обдумать состав делегации. Александр Васильевич решил посоветоваться с начальником технического управления министерства Лавренинко.

— Возглавить делегацию, по-моему, следует Шателену,— сказал Винтер.— Михаил Андреевич — член-корреспондент Академии наук, хорошо знаком с Парижем, его ученым миром, частый там гость, всех чертей и ангелов знает. К тому же дружит с Жолио-Кюри. Их дружба, я знаю, корнями уходит в прошлый век, к Пьеру и Марии Кюри...

— Шателену, как говорится, сам бог велел! — одобрительно отозвался Лавренинко.

— Вы, Константин Дмитриевич, будете у него заместителем. Шателену восемьдесят лет, а работы там... Затем как вы смотрите, скажем, на кандидатуру профессора Глазунова?

— Весьма положительно. Неплохо бы еще включить профессора Руссаковского. Оба из энергетического института.

— Не возражаю. Нужно еще пятого... Кого бы, а?

— Надо подумать.

— А что, если... профессора Вязового?

— Вашего крестника, Александр Васильевич? — Лавренинко мягко улыбнулся.— Я — за!

— И ему полезно, да и вам тоже: четыре головы хорошо, а пять — лучше!

В таком составе и прибыли в Париж советские делегаты, но не утром, когда их ждали, а к вечеру. Устроившись в отеле, Шателен и Лавренинко направились к советскому послу Богомолову.

— Опоздали не по своей вине, Александр Ефремович! — извинялся Шателен.— Задержки по формально-бюрократическим мотивам.

— Как же теперь быть? — прикидывал Богомолов.— Регламент у них жесткий: с десяти утра до пятнадцати, а перерыв на полчаса в полдень.

— Мы будем точны,— сказал Лавренинко.

— Вот что! — решил Богомолов.— Если уж запоздали по не зависящим от вас причинам, то лучше появиться завтра не к началу, а к перерыву, только ровно без пяти минут двенадцать.

— Почему, Александр Ефремович? — недоумевал Шателен.— Мы потеряем два часа.

— Не страшно. Конференция продлится шесть дней. Один день уже потерян, можно пожертвовать еще и двумя часами. Сделаем так: сообщим президиуму форума, что наши участники прибудут тогда-то... Поймите меня правильно: если вы приедете утром или во время перерыва, то растворитесь среди тысяч делегатов. Будут, конечно, и отдельные встречи, и знакомства, но это уже потом. А последуете моему совету — увидите, что произойдет!

— Н-да...— Шателен погладил опрятно расчесанный пробор седых волос.— Значит, следовать римскому праву: «Торопись медленно»!

— В данном случае очень полезное правило! — улыбнулся посол.

— Михаил Андреевич, дипломатии нужно учиться! — заметил Лавренинко и покосился на Шателена.— Может, послушаемся?

— Александру Ефремовичу виднее,— не возражал Шателен.

— Итак, договорились: без пяти двенадцать! — уточнил Богомолов.

Автомобиль посольства появился на площади перед зданием, где заседала конференция, ровно в согласованный с Богомоловым срок. Весть о предстоящем приезде советской делегации заранее

облетела участников форума (их было около трех тысяч). Многие, желая встретить посланцев великой державы, покинули зал заседаний за десять минут до перерыва. Они заполнили весь двор, всю широкую многоступенчатую лестницу. Первым вышел из автомашины Шателен. Он даже вздрогнул, увидя тысячи встречающих. Раздался грохот аплодисментов, хор приветственных возгласов.

— Колоссально! — шепнул Вязовой Лавренению.

Шателена, как давнего гостя, обступили старые знакомые еще по Эколь Политехник (там в конце прошлого столетия Михаил Андреевич получил специальность по новой тогда отрасли физики — электротехнике). Остальных делегатов из Москвы быстро разобрали по группам. То тут, то там можно было слышать:

— Счастлив пожать руку представителю страны-победительницы!

— Вы наши самые почетные делегаты!

Профессор Глазунов, когда делегация вошла в зал заседаний, сказал на ухо Руссаковскому:

— Вот как люди разных национальностей и политических взглядов относятся к нам!

— Потому, что мы представляем страну, которая ценой огромных жертв принесла миру победу над фашизмом! — не без гордости произнес Руссаковский.

Фредерик Жолио-Кюри — верховный комиссар вновь созданного правительственного комиссариата по атомной энергии, профессор экспериментальной физики Коллеж де Франс и член Парижской Академии наук, ужиная у себя на вилле в Со, увидел на первой странице вечерней газеты обширную заметку, приковавшую его внимание.

— Ирен! — воскликнул он.— Какой сюрприз!.. Дядя Мишель в Париже!.. Он возглавляет советскую делегацию на СИГРЭ!

— Фред, он должен быть у нас.

— Конечно! Безусловно!.. Послушай, что пишут: «...триумфальная встреча, бурные овации, объятия...»

Всемирно известные французские ученые супруги Жолио-Кюри, удостоенные в 1935 году Нобелевской премии за открытие искусственной радиоактивности, были душевно расположены к Шателену. Они не один раз навещали Советский Союз: в 1933 году их приглашали в Ленинград, на конференцию по физике атомного ядра, а в 1936-м они в Москве участвовали в Менделеевских чтениях.

На следующий же день Жолио-Кюри приехал на конференцию к моменту перерыва. Вошел в коридор и, медленно ступая, отвечая на поклоны, пристально высматривал знакомую округлую фигуру с седою головой.

— Дядя Мишель!

— Фредерик?!

Они расцеловались.

— Как здоровье, дядя Мишель?

— Спасибо, мой дорогой! Пока не жалуюсь. В душе — ни одного седого волоса!.. Правда, некоторые считают, что восемьдесят лет, дескать, «архивный» возраст...

— Что вы! Новая молодость!.. Кто вам даст такие годы?! Мне вот скоро пятьдесят, а чувствую себя молодым! — Теплая улыбка осветила лицо Жолио.— А знаете, почему? Занимаюсь джиу-джитсу!

— Что ж, буду брать пример с вас! — Шателен засмеялся.— Фредерик! Сейчас мой доклад. Хотелось бы пригласить вас послушать, если, конечно, позволяет время.

— Ради встречи с вами, дядя Мишель, я отложил все дела.

— Глубоко признателен, мой друг!

Обоих пригласили в президиум конференции.

Вязовой сидел рядом с Лаврененко. Встреча Жолио-Кюри и Шателена — двух ученых с мировым именем — приятно взволновала Артема Ниловича. Он впервые на таком большом международном форуме. Вязовой, не отрываясь, смотрел на продолговатый овал лица Жолио-Кюри, на его прямой, длинный, с горбинкой нос, проницательные глаза, как бы собиравшие в один фокус весь до отказа заполненный зал заседаний. Вязовому было известно, что супруги Жолио положили начало процессу овладения ядерной энергией, открыли, совместно с англичанином Чедвиком, нейтрон, что Ирен и Фредерик поразили самые светлейшие умы мировой науки, обнаружив явление искусственной радиоактивности, но хотелось знать о Жолио еще больше. «У меня счастливая судьба!» — думал Артем Нилович. Перед ним пронеслись, как мгновение, бурные комсомольские годы, тесное общение с Кржижановским, Винтером, стажировка в Массачусетском институте, стройка Днепрогэса, блокадный Ленинград... Вот он уже и профессор, хотя и без особо громкого имени, но любимый студентами. А сейчас он в одном зале с Фредериком Жолио-Кюри!..

Шателен подробно докладывал о развитии электрификации в Советском Союзе со времени принятия плана ГОЭЛРО до войны с гитлеровской Германией.

— Электричество залило ярким светом всю нашу страну,— говорил он.— В довоенные годы в разных районах СССР возникали все новые и новые электростанции, линии электропередач. С огромным вдохновением трудились рабочие, инженеры, ученые. Яркой звездой электрификации блистала Днепровская гидростанция...

Вязовой спросил полушепотом:

— Константин Дмитриевич, Жолио коммунист?

— Вступил в партию в годы войны.

— Участник Сопротивления?

— Очень активный. В его лаборатории изготовлялись зажигательные снаряды, ими поражали фашистские танки... Артем! О тебе, о тебе!.. Слушай!

Вязовой напряг слух.

— ...от электромонтера до магистра Массачусетского электротехнического института, от рядового инженера до профессора, участника нашего форума...

В зале вспыхнули хлопки.

Лицо Вязового налилось краской.

— Гитлеровцы разрушили у нас,— докладывал Шателен,— более шестисот электростанций общей мощностью почти шесть миллионов киловатт. Для победы над фашизмом Советский Союз понес колоссальные жертвы: двадцать миллионов человек!

Тяжелый вздох пронесся по залу.

— В невероятно тяжелых условиях советские люди проявляли чудеса героизма,— продолжал Шателен,— демонтировали электростанции в прифронтовых районах, возводили новые на Урале, в Сибири, Средней Азии и в Казахстане. Теперь же, к 1946 году, полностью восстановили все разрушенные энергообъекты...

Зал наполнился глубокой тишиной.

— А это, вы не знаете, правда о тяжелой воде? — зашептал Вязовой.

— Правда!— подтвердил Лаврененко.— Шателен мне сказал, что Жолио спас от фашистских захватчиков тяжелую воду, сохранил ее для будущего ядерного реактора.

Шателен продолжал, повышая голос:

— ...следующие достижения советской науки и техники — это линии дальних электропередач, объединенные энергосистемы, прямоточные котлы Рамзина, пар высокого давления и высоких температур, возрождение знаменитой Днепровской гидростанции, начавшей свою новую жизнь на руинах... Мы всегда помним о своем интернациональном долге и, следуя ему, помогли изувеченной гитлеровцами Польше зажечь электрические огни. Варшавскую электростанцию начали возводить фактически с нуля. И возвели! В этом огромная заслуга руководителя восстановительных работ, присутствующего в этом зале, заместителя вашего покорного слуги в делегации, Константина Дмитриевича Лаврененко. Он награжден высоким орденом Польши!

Шумные аплодисменты делегатов форума.

— Встань! — шепнул Вязовой.

— Артем, я ведь не артист...

Заключая доклад, Шателен подчеркнул:

— Мы готовы и в дальнейшем к самому широкому сотрудничеству со всеми странами, независимо от их политического строя.

Второй день конференции был завершен.

Вязовой устремился к выходу, а Лаврененко задержался в зале. К нему подошли Шателен и Жолио-Кюри.

— С большим удовольствием представляю вам, Фредерик, Константина Дмитриевича.

Лаврененко и Жолио обменялись рукопожатием.

— С не меньшим удовольствием я и моя супруга Ирен будем рады видеть вас с дядей Мишелем сегодня у нас на вилле к ужину.

— Вы оказываете мне большую честь. Благодарю вас! — Лаврененко приложил руку к сердцу.

II

Ирен и Фредерик радушно принимали гостей. Ужин был изысканным. На большом блюде возлежала рыбина собственного улова (рыболовный спорт был одним из хобби ученого), на тарелочке — тонко нарезанные кусочки швейцарского сыра, в неглубокой фарфоровой чашке — паштет из гусиной печенки, в высокой хрустальной вазе — оранжевые апельсины. Розы в двух низеньких цветочных вазочках украшали стол и сливались с цветом французских вин.

Супруги недавно вернулись из Нью-Йорка, участвовали там в работе комиссии Организации Объединенных Наций по атомной энергии. С высокой трибуны ООН главный делегат Франции Пароди огласил Декларацию французского правительства (одним из ее авторов был Жолио), торжественно заявившего, что все атомные исследования во Франции проводятся только с мирными целями и не имеют никакого отношения к разработке атомного оружия. У Ирен только что вышла в Париже монография «Природные радиоактивные элементы». Плюс ко всему нынче исполнилось двадцать лет супружеской жизни Ирен и Фредерика. За столом была атмосфера непринужденной, откровенной беседы. Никого больше в тот вечер у Жолио не было, дети Элен и Пьер проводили лето на севере Бретани.

— Языки у нас развязаны! — шутливо заметил Фредерик.

Рыба была чудесно приготовлена. Шателен и Лаврененко нетороплива отправляли в рот аппетитные кусочки щуки.

Первый тост за здоровье «молодых» поднял Михаил Андреевич.

— Пусть ваше прошлое, гармонично слитое с настоящим, будет, дорогие друзья, венцом мировой науки,— сказал он.

Отпивая вино, Фредерик вспоминал:

— Мария Кюри согласилась взять меня к себе в лабораторию научным сотрудником. Ей импонировала схожесть нашего научного мышления. Кроме того, она положилась на рекомендацию Поля Ланжевена. Этот физик, как вам известно, крупная фигура в науке. В то время я получил стипендию Ротшильда и, по условиям стипендии, должен был найти себе место в каком-либо научно-исследовательском институте. И вот я сидел перед маленькой седой женщиной с горящими глазами. Она изучающе поглядывала на двадцатипятилетнего офицерика (в ту пору я нес военную службу во взводе противогазовой защиты). Пытливый взгляд Марии Кюри, естественно, смущал меня, но я старался выказать себя независимой натурой. Мария спросила, могу ли я немедленно же приступить к работе. «Мадам! У меня еще три месяца до окончания военной службы!» Она чуть улыбнулась и сказала, что напишет просьбу моему полковнику. Представьте, на следующий день я был у Кюри личным лаборантом!.. Мы полностью сработались. Сбылось мое заветное желание трудиться в лаборатории, занятой фундаментальными исследованиями по радиоактивным элементам.

— Но у мамы и Фредерика не все шло гладко, часто спорили,— заметила Ирен.— Иногда так возбужденно, с такой быстротой отвечали друг другу, что мне приходилось настойчиво требовать слова, чтобы высказать собственную точку зрения.

— И эта «посредница» стала моей женой! — весело проговорил Фредерик, взглянув на Ирен, одетую в скромное серое платье, на Ирен, которая была для него и опорой, и надеждой в жизни и науке.— Предлагаю тост за дружбу французских и русских ученых, за новые наши открытия! — Фредерик поднял бокал.

За столом — звон и блеск хрусталя... В открытые окна проникал освежающий ветерок.

Лаврененко сначала молчал, впитывая каждое произнесенное за столом слово. Эти лица, эти мысли, красноватые блики заходящего солнца, зажигавшие синим огнем хрусталь и ласкавшие вазочки с розами,— все это казалось ему какой-то сказкой. Но он быстро подключился к общему настрою и вызвал Фредерика на

М. А. Шателен

Ирен Кюри и Фредерик Жолио-Кюри с детьми

«исповедь». Разговор завязался главным образом вокруг атомной бомбы.

— Нет никакого сомнения,— говорил Жолио, закуривая сигару,— что скоро не будет американской монополии на ядерную энергию. Основной секрет атома раскрылся сам собой, когда взрыв над Хиросимой затмил солнце.

— Взрыв этот показал физическую возможность деления ядра атома урана, мгновенное высвобождение колоссальной, всесокрушающей энергии,— вступила в разговор Ирен.

— Американская бомба фактически европейская,— рассуждал Шателен.— Это продукт творчества «купленных мозгов» европейских физиков, бежавших в Америку от тирании Гитлера.

— Именно, именно, дядя Мишель! — подхватил Фредерик.— Думаю, что ваша страна раньше других лишит Соединенные Штаты атомной монополии и станет использовать ядерную энергию для мирных целей. Если вплотную возьмутся за это такие ваши замечательные ученые, как Курчатов, Иоффе, Александров...

— То результаты быстро скажутся! — решительно вставил Лаврененко.— И кое-кому свяжут руки!

— Не сомневаюсь,— сказала Ирен.— Нужно поднять все народы земли против угрозы атомной войны. Спасение людей — дело самих людей! — Она осторожно, двумя пальцами, взяла изо рта мужа сигару.— Фредерик! Ты играешь со своим здоровьем! — И, обращаясь к гостям, с улыбкой проговорила: — Вся вилла пропахла табаком!

Жолио как ни в чем не бывало закурил новую сигару и предложил подымить Шателену и Лаврененко.

— Вы не возражаете? — спросил Лаврененко, взглянув на Ирен.

— Ради бога! Мое замечание касалось только упрямца Фредерика!

— Надо настойчивей и настойчивей рассказывать людям планеты о темных силах, стремящихся вызвать атомную катастрофу,— продолжал Жолио.— В этом правда всех наших стремлений, а правда путешествует без виз!

— Но когда она проникает в Америку, то...— Шателен поднял указательный палец,— истину там, как писал Бернард Шоу историку и общественному деятелю Освальду Вилларду, по крайней мере трижды в неделю вывализают в смоле и перьях, линчуют, бросают в тюрьму, избивают, высылают как нежелательную.

— И все же правда свое возьмет! — сказал Жолио.

Он вышел в гостиную и сел за рояль. Пальцы пробежали по клавиатуре.

— «Соловьи»! «Соловьи»! — выкрикнул Жолио.

Послышалась знакомая мелодия Соловьева-Седого.

— Музыка—тоже его страсть! — Ирен улыбнулась.— Вы бы видели, как он правит яхтой, а в футбол играет на уровне первоклассных спортсменов!.. Дядя Мишель, Константин Дмитриевич, почему у вас пустые бокалы? — с живостью спросила она.

И наполнила вином фужеры.

Лаврененко всматривался в мужественное лицо Ирен с открытым лбом, с крупными черными глазами, в ее коротко подстриженные, с серебристым оттенком светлые волосы. «Эта женщина наделена логическим умом, феноменальной одаренностью, она рождена гениальной»,— размышлял Лаврененко, отпивая маленькими глотками искристое вино и попыхивая сигарой.

Оборвав игру на рояле, Жолио вернулся за стол.

— Было бы безумием стремиться снова заковать Прометея,— сказал он, опускаясь в кресло.— Ученым всех стран и всех профилей науки, в том числе и энергетикам — будущим инженерам атомных электростанций, никак нельзя сторониться атомной проблемы... Вот смотрите! — Жолио стал разрезать ножичком крупный апельсин.— Если для наглядности увеличить размеры атома, чтобы представить себе соотношение между размерами ядра и радиусами орбит электронов, то все пространство, занимаемое атомом, равно кругу размером с площадь Согласия в Париже, а ядро соответствует вот такому — видите?..— зернышку апельсина, помещенному в центре площади! Если собрать все ядра и электроны, из которых состоит организм взрослого человека, то получится шарик, едва заметный под микроскопом, но весящий — как вы думаете сколько?..— шестьдесят килограммов!.. Следовательно, ядерное вещество обладает гигантской плотностью... Друзья, берите апельсины, они безъядерные! — Жолио рассмеялся.

— А ну, посмотрим! — Шателен взял с вазы апельсин.— Не взорвется?

— Отвечаю головой! — продолжал смеяться Жолио.

— Неужели все эти «герои атомного взрыва» не понимают, в какую пропасть они толкают человечество? — подумал вслух Лаврененко и, вооружившись ножичком, начал разрезать апельсин на малые дольки.

— Понимают! — подчеркнуто ответил Жолио.— Они сами боятся этой пропасти. Но порой разум от них удирает и блеск золота затмевает им глаза, и они, безумцы, пляшут на краю бездны... Президент Трумэн, замечу, не испытывает ни малейшего угрызения совести. У этого «святоши» любимые сувениры — оплавленные камни Хиросимы!

За столом возникла короткая пауза.

Жолио выбил с сильным хлопком пробку из бутылки и, разливая шампанское по бокалам, сказал:

— Трумэн в прошлом году заявил военному министру США Стимсону: «Мы сами поставим на колени японцев. Я уже распорядился готовить бомбежку японских городов не позднее начала августа, хотя, по сути дела, следовало бы сбросить «бомбочки» на русских!»

— Но где бы он взял эти самые «бомбочки»? — задал вопрос Лаврененко.— Было их две, они и «реализовались».

— Не две, а три,— уточнил Жолио.— Третья неизвестно как утонула в Тихом океане вместе с транспортировавшим ее военным кораблем. Разумеется, это трагическое происшествие с третьей бомбой было строжайше засекречено, иначе сканда-а-алище на весь божий свет!

— Нет тайны, которая не стала бы явной,— заметил Шателен.

— Согласен, дядя Мишель. Ничего на нашей земле нельзя скрыть!.. И у неба есть глаза,— сказал Жолио.

— Оно видит нас за этой дружеской беседой и приветствует своими вечерними лучами. Солнце всегда с нами, оно было, есть и будет! — взволнованно произнесла Ирен.

Она встала.

Поднялись из-за стола и остальные, держа в руках бокалы с шампанским.

— За ваше здоровье, советские друзья! — провозгласила Ирен.— Ваша страна — надежда человечества!.. Будем же все вместе защищать чудо жизни и процветания — нашу маленькую голубую планету Земля — уникум мироздания!

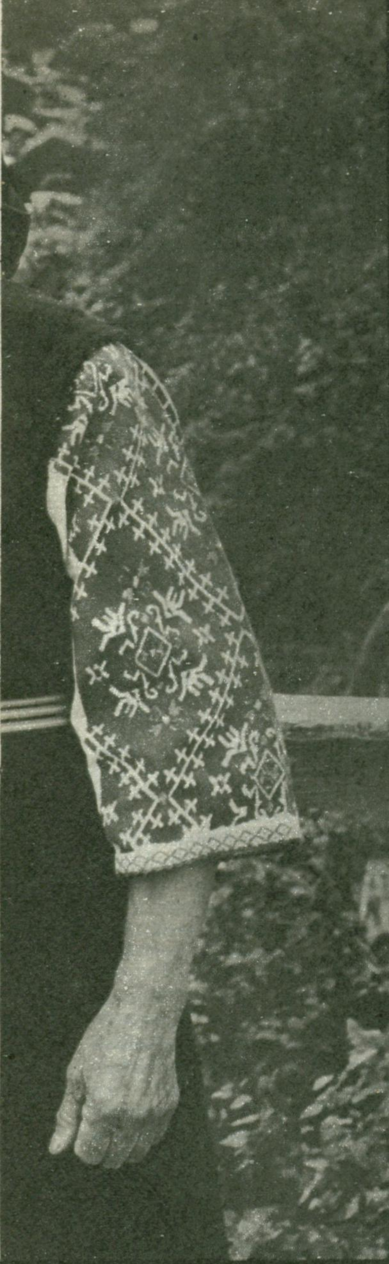
Сегодня у нас на вернисаже — снимки Иво Хаджимишева, фоторепортера болгарского журнала «Отечество», который издается Национальным советом Отечественного фронта.

Работы нашего гостя выставлялись в Советском Союзе, Польше, Англии, Австрии, США, Нигерии.

Иво Хаджимишев много раз бывал в нашей стране. Одна из последних поездок — путешествие по Сибири. Результатом ее явилась серия фотографий «Советская Сибирь», которая с успехом демонстрировалась в Софии и Лондоне.

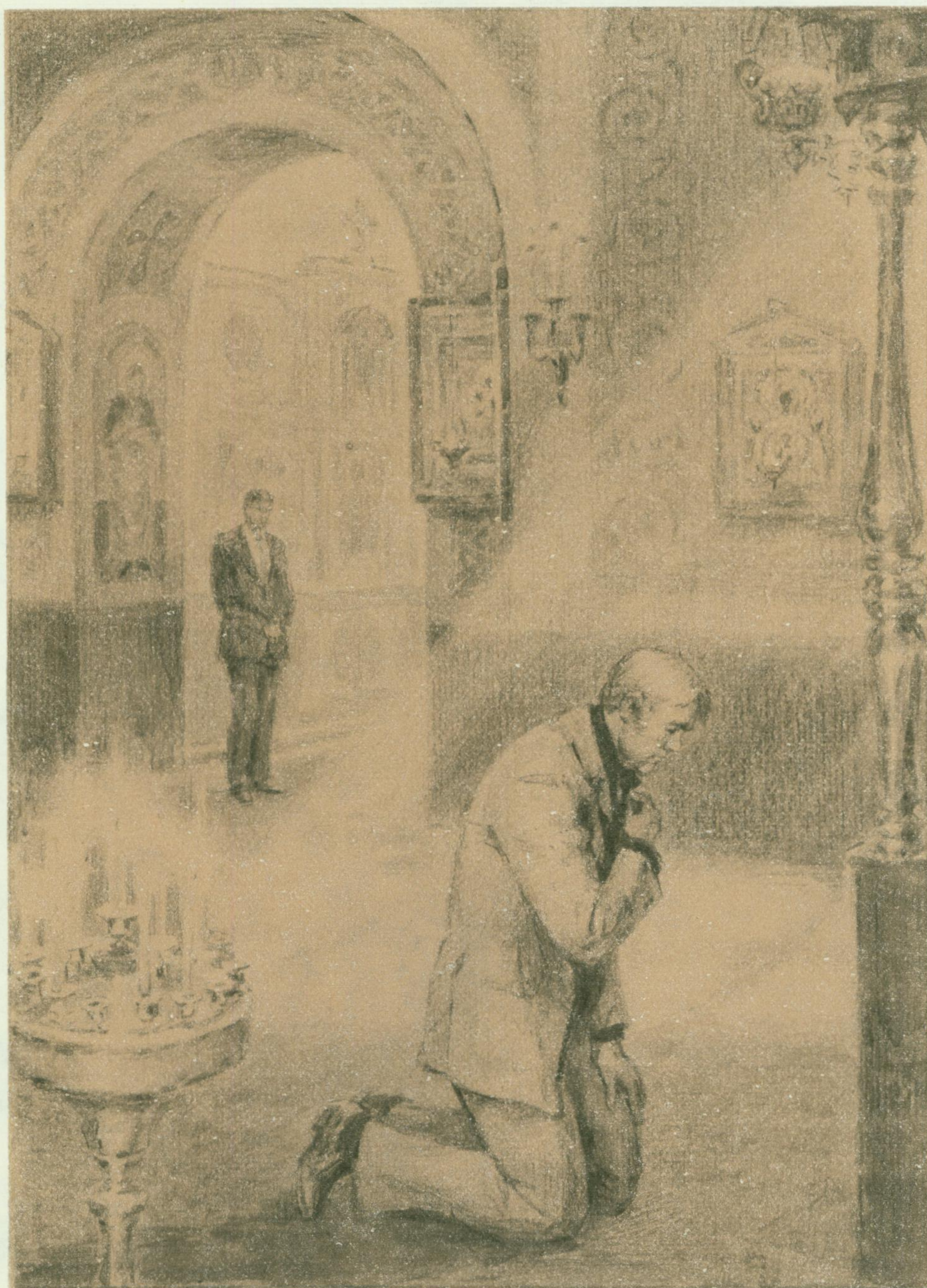
О диапазоне интересов болгарского фотомастера свидетельствуют темы его выставок: «Жизнь в Родопах», «Выдающиеся деятели болгарской культуры», «Творчество английского скульптора Генри Мура», «Нигерия сегодня».

— Главное, чтобы снимки не были статичными иллюстрациями,— говорит Иво Хаджимишев.— Передать настроение, состояние человека, природы, вызвать ответное движение души у зрителя — вот в чем, на мой взгляд, заключается подлинное мастерство фотографии.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Игра

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Слушай, Джон, не будем говорить сейчас о мировом кинематографе. По-моему, в Париже мы с тобой перемыли косточки всем режиссерам мира, лучше скажи мне, как живет Америка. И говори по-русски, как умеешь, хоть практика для тебя будет. Что трудно, переведет Анатолий Петрович Стишов, мой друг. Согласен? Есть у тебя другое предложение?

— О так, хо-ро-шо, я могу немного говорить. С Америкой все в порядке. То есть... Ничего не в порядке, но-о все-таки в порядке. Нью-Йорк на месте. Вашингтон на месте. Я вижу, и Москва стоит громко... Нет, нет, как это называется? Крепко. Правильно я сказал, Вячеслав?

— Пожалуй, правильно.

Они сидели на открытом воздухе в ресторане на последнем этаже знаменитой московской гостиницы, где обдувало то прохладным, то теплым ветерком; солнце уже напекло материю зонтиков, купола их над столиками становились все прозрачней, все тоньше. Но здесь, ближе к небу, было несколько свежее, чем на улицах, отдаленно и сложно шумевших внизу. Там, в солнечном туманце, в знойном блеске отлакированными пунктирами, расходясь по кругу площади и сходясь, скользили, ползли машины мимо Манежа, мимо Александровского парка. Там, далеко внизу, раскаленной пылью осыпались искры троллейбусов, и, наверно, вонь выхлопных газов, жара на асфальте, где муравьиной густотой шевелились толпы людей, была невыносимой.

Джон Гричмар, пожилой человек крупного сложения, толстоватый в плечах, толстогрудый, как это бывает у тяжелоатлетов, ушедших из спорта (хотя спортом он никогда не занимался), чистоплотно обтирал носовым платком мясистое пылающее лицо, отпивал коньяк, курил одну сигарету за другой, жмурясь от дыма, от щекочущих виски капель пота, а маленькие умные глаза его, похожие на переспелые вишни, смотрели зорко и пытливо. Во всей его грузной фигуре не было особо заметно ни летней разморенности, ни вялости, ни лени, и это не удивляло Крымова, ибо после встреч в Париже он знал неутомимость Гричмара в питье, разговорах, сидении за стойкой в баре, знал его умение не спать ночь напролет, а утром быть свежим, выспавшимся, готовым к просмотру фильмов, к дискуссии, к крепким напиткам.

— Такая безбожная... Так я говорю?.. Фантастическая жара в Москве,— сказал Гричмар, обмахиваясь платком, и засмеялся, забелели одинаково ровные, подозрительно молодые зубы.— Такая духота бывает в Нью-Йорке... Ад с перевыполнением плана. Так у вас говорят? И днем, и ночью. Апокалипсис идет... К нам и к вам. Так есть? Мы его увидим, Вячеслав. Евангелие от Иоанна.

— Вполне вероятно,— ответил Крымов с неполным расположением к шутке и вместе с тем помня, что Гричмар лишен вспыльчивой обидчивости, этой неглубокой обороны самолюбия, с которой так часто приходилось встречаться в общении с американцами.— Я знаю, Джон, как ты умеешь жонглировать словами. Поэтому очень прошу тебя: злоостроумие — точнее. Тогда говори по-английски, где ты бог, а не по-русски, где ты кое-какие краски подзабыл. Иначе как я с тобой буду ругаться?

— О, мы начали ругаться в Париже, и где конец?

— Доругаемся здесь, в Москве, если повезет.

— По матушке?

— Можно и по матушке.

Тут Стишов, со сдержанным вниманием наблюдавший Гричмара, опустил глаза, явно осуждая грубоватость фраз обоих. Он молча рассматривал на столе свою изящную, выточенную самой породой белую тонкую кисть, затем потянулся к бокалу с боржомом, лишь непроницаемостью патрицианского лица выдавая непонятное Крымову напряжение. Молочков, только что вернувшись от метрдотеля, удовлетворенно посасывал через соломинку безалкогольный коктейль с растаявшим в нем мороженым («Я, извините, при исполнении обязанностей, и крепкое пить мне нельзя») и всем своим скромным видом распространял успокаивающую деликатность маленького, сознающего соответствующее место человека, которому не по чину без надобности вмешиваться в разговоры крупных людей. Он знал, что в данных условиях обязанности всякого уважающего себя администратора определенны: незамедлительно взбадривать подспудные ресторанные силы для необходимого порядка на столе ради высокого иностранного гостя, как издавна в России заведено.

«А на кой черт, собственно, со мной Молочков?— вскользь мелькнуло у Крымова.— Пожалуй, затем, чтобы сказать Балабанову, как прошла встреча».

— Терентий,— недовольно проговорил он, намеренный сказать, что не здесь, а в съемочной группе истосковались по его чуткому ру-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ководству, но тут же охладила мысль о зыбком положении, создавшемся на студии с картиной, и, увидев покорное лицо Молочкова, способное, казалось, к беспрекословному выполнению малейшего желания Крымова, ничего не сказал ему и полушутя обратился к Гричмару:— Не уходя от главного вопроса, Джон, давай восстановим правду современной истории, хотя я знаю, что история — это не биография правды... Или — ин вино веритас? Твое здоровье...

Гричмар поднял палец в знак понимания, отпил глоток коньяка, вытер пот на толстых щеках и, не закусывая, затянулся и пыхнул сигаретным дымом, смешанным с добродушным смешком.

— Коньяк — тоже истина. Но-о... Опять история? Сказать по-русски? Нет, будет плохо. Нет слов. Скажу по-английски. Мистер Стишов, переведите, пожалуйста. (Стишов вежливо кивнул.) История — это не биография правды, а биография лжи. Так? Нет? История Америки — это цепь вынужденных преступлений или просто преступлений — разницы нет. Как вся история всех. Я часто думаю, мой друг Вячеслав, что никто не ответит в современном мире, есть исторический отсчет дней или все обман. Неужели бог обманул человека, дав ему жизнь? По-русски это трудно сказать,— добавил Гричмар и изобразил языковую трудность кругообразным движением сигареты.— Я когда говорю по-русски, то могу врать смысл... А что ты скажешь об Америке?

— М-да! Ты быстро свернул на меня. Ну ладно. Не кажется ли тебе, Джон, что человек обманул бога, в которого ты веришь?— заговорил Крымов, подхваченный волной сопротивления и загораясь огоньком спора, который всегда приносил ему удовольствие азарта.— Не хочу обижать твои религиозные чувства, Джон, но неужто человека выдумал потерявший разум бог? Нравственности и духа он передал ему до невероятности мало, жадности и глупости — много. И в конце концов в наш век дьявол взял да и посмеялся над богом и гомо сапиенсом: вынул, а может, купил у него душу и подменил ее, понимаешь, Джон? Вместо духа вложил роскошнейший телевизор и противозачаточные таблетки, гарантирующие девицам и добрым молодцам свободу...

— Но-но-но, дальше говори.

— Говорю дальше. Зависть и ложь, ничтожные рабыни, стали владыками. И почти всем миром управляет безличный рок: банки, мафия, политики-марионетки. И знаешь, что страшновато? Американское невежество и безумие денег стали непобедимыми законодателями мод, и произошла деградация мирового вкуса. И кто победил? И что победило? Дешевый блеск и худосочные таланты на продажу. И возведены на пьедестал мишура, тупость и порнография. Черт знает что такое! Фильм о жрицах однополой любви смотрят миллионы людей, а интеллектуалы восторгаются смелостью вседозволенности. Виват содом и гоморра, господа Мазох и де Сад! Помнишь в Париже дансинг, где французские девочки в платьях моды Мэрилин Монро, а парни в майках с физиономией Элвина Пресли выделывали дьявольщину под тот же американский рок? Половина девиц мира носит негигиенические во всех смыслах джинсы, натирая задницу и нежные места. Мировая мода! Ей не до урологов и гинекологов.

— Не так грубо, Вячеслав,— сказал вполголоса Стишов.— Ты сердишься.

— А что, собственно, я должен делать — сюсюкать по протоколу? Меня интересует, что думает по этому поводу Джон, а не то, как ему приятно слушать меня.

— Ты говори. Я внимание. Я повесил уши. Так говорят?

— Да, Джон, после войны Америка навязала всему миру свой бешеный денежный ритм, а сейчас все чудеса американской цивилизации — бесцеремонную пошлость, рекламу, красивые этикетки и милую эстетику атомных бомб. Не думал ли ты, что Америка приучает мирового обывателя воспринимать войну как черту современной жизни? И знаешь почему? Ни хрена вы не прошли через страдания... Анатолий, переведи на английский: ни хрена...

— Нет, ноу!— вскричал Гричмар, вздымая крупные руки.— Мой отец был русский, купец, я понимаю! Говори!..

— Вторая мировая война была для Америки веселой опереттой, военным шоу. Только, правда, голых девиц не было. Тогда вы были скромнее. Пришли к концу боев под звуки «Типперери». Триста тысяч убитыми, а не двадцать миллионов. В автомобильных катастрофах погибло у вас больше, чем в войну. А главное, Джон, Америка сейчас несет всему миру разврат духа и великую ложь, которая называется сверхцивилизацией и истиной. Ты понимаешь, о чем я говорю? Или все-таки перевести на английский? Очень многие, Джон, живут под знаком крушения человека, которое несет эта ложная цивилизация, понимаешь? Наш век расшатался безнравственностью большинства ученых. Все бессмысленно, Джон, когда технический прогресс безнравственен. Он создает, чтобы разрушать... Он против человека и превращает человеческую душу в пустыню. Хочешь, скажу злее? Все эти американские моды в архитектуре, в музыке, в одежде... да во всем, даже в кока-коле,— это бытовой и интеллектуальный концлагерь, который распространяется по миру. Впрочем, многие хотят этого американского концлагеря. Мирового обывателя прельщает мишура, красивая упаковка, застежки, пуговицы, его легко обмануть... Вот видишь, Джон, как я сердито говорил о твоей стране. Но, черт возьми, мы с тобой не дипломаты, которые обязаны произносить «отнюдь», и мне интересно в конце концов, что ты об этом думаешь. Меня по крайней мере это мучит уже лет пятнадцать. Ну возражай, готов слушать...

И Крымов, уже расположенный внимательно слушать, с дружеской усмешкой облокотился на стол, подпер кулаком подбородок, но тотчас по-хозяйски спохватился, сказал: «Это почему мы все неприлично трезвы? Где русское гостеприимство?»— и наполнил рюмки, шутливо-хлебосольным жестом указал на стол, заставленный закусками, прозрачно покрытый светлой тенью от зонтика.

Но Гричмар — хорошо пьющий человек и поэтому, может быть, или по причине жары только раз без аппетита поковырял вилкой кусочек семги и отодвинул тарелку. Он в молчании прижмуривал колючие вишневые глазки в одутловатых веках, не выпуская из большой, покрытой волосом руки рюмку с коньяком, и Крымов усмехнулся, заметив, что Стишов, потирая висок, из-за ладони украдкой наблюдал Гричмара с чутким ожиданием — в его взгляде сквозила извиняющаяся неловкость за эту излишнюю резкость в разговоре, которую не стоило бы Крымову применять.

«Как мы боимся обидеть гостя, особенно иностранца. Да, милый Толя, нашей интеллигентности предела нет. Но интеллигентность ли это, или мы еще не выдавили из себя раба?..»— подумал Крымов, сердясь, и посмотрел на Молочкова («Еще один застенчивый!»), скромно помешивающего соломинкой в коктейле, скулы его порозовели и вроде бы виновато закруглялись улыбкой края узкого рта.

Гричмар отхлебнул из рюмки, со всхлипом затянулся сигаретой, медленно и хрипловато заговорил по-английски:

— Вся цивилизация — заговор против человека. Но никто из людей даже не вздрогнет, когда подумает, сколько сотен тысяч рабов должно было погибнуть в пустыне, для того чтобы построены были проклятые пирамиды. Для чего они? Могилы фараонов? Безумие. Всегда очень дешево стоил человек. Как это по-русски называется?— Гричмар в сосредоточенности пошевелил густыми бровями, вспоминая.— Малая цена... Мало денег... так?— И неторопливо и твердо продолжал по-английски:— Кто-то из власть имущих хочет, чтобы место всех народов было в операционном зале. Маленькая операция на мозге или инъекция. В первую очередь интеллектуалам. Кто-то хочет превратить человечество в дураков и роботов. Человек в современном мире — ничто, одно гордое звучание. А гордое звучание нужно сильным мира для одурачивания миллионов простаков. Поэтому ложь господствует в мире как никогда. Поэтому политика — вранье о свободе. Мода — вранье о красоте. Искусство — на две трети развлекательное дерьмо, бездумное умствование и секс. Правда — слуга сильных. Значит, она ложь, которая раскрывает перед собой все двери без стука и беспрерывно говорит о свободе, чего жаждут посредственности. Я понятно говорю, мистер... мистер Стишов?

— Абсолютно. Я перевел вас почти через кальку, мистер Гричмар,— ответил Стишов с воспитанным наклоном хорошо причесанной на пробор седой головы и, явно заколебавшись, корректно прибавил: — Однако мне... лично мне не очень понятна ваша фраза о свободе, которую жаждут посредственности. Что это значит?

Гричмар внушительно постучал кулаком себе в лоб.

— Умный человек всегда свободен. Даже за решеткой. Мысль, мысль... Но свобода делает равными посредственность и мудреца, и возникает зависть и несправедливость во взаимоотношениях. Зависть производит ненависть, поэтому свобода ложна. Это ветхозаветная аксиома, мистер Стишов. Для меня. Я понял это лет тридцать назад.

— Вполне возможно,— вмешался Крымов.— Но свобода необходима для главного — для естественного состояния человека, чтобы найти дорогу друг к другу. Птица без воздуха летать не может.

— О Вячеслав, сейчас мы начнем сильно ругаться. Ты заговорил, как поэт. Никакая свобода не поможет разрушить стены одиночества. И совсем импотентна. Не может остановить ползущую по миру чуму цивилизации. Есть Советский Союз и Соединенные Штаты. Древней Греции и Перикла нет. Нет и Иисуса Христа.

— Не думал ли ты, Джон, что Иисус Христос, может быть, исчерпал себя за две тысячи лет? Может быть, кто-то ждет нового архангела с огненным мечом? И жаждет библейского возмездия человечеству за все грехи? Кстати, насчет этого возмездия я слышал в Америке в шестьдесят шестом году в университете Беркли от одного профессора философии.

— Блага нет в Штатах,— сказал сумрачно Гричмар.— Блага нет и в России, потому что нет пока искупления. История России — трагедия. Ничтожество уничтожало интеллект и талант. Разрушены храмы. Отец убивал сына, сын отца, жена предавала мужа в руки его врагов, сестра ненавидела сестру, брат брата. Уничтожен... почти уничтожен дух русского народа. Нет религии. Я православный, Вячеслав, ты знаешь. Мой отец — купец первой гильдии Гричмаров, выходец из России, он был чайным королем в Петербурге. Капиталист, а не пролетариат без средств производства. Он уехал из России в революцию. Моя мать — ирландка. Я считаю себя по происхождению американцем, по национальности русским. Парадокс? Нет! Русский дух царствовал в нашей семье до смерти отца. Я плохой хранитель традиции, но, кроме Иисуса, в моем детстве были еще два бога — Гоголь и Достоевский. Я люблю старую Россию. Я ищу в ней русскую цивилизацию, а чаще всего встречаю европейское. Но не очень хорошее, не первый сорт. Вы во многом подражаете Америке в погоне за богатством. У вас скоро появится лозунг «Успех любой ценой». Но это попытка повторить чужой успех. Это летать на чужих крыльях, которые не очень надежны. У вас все меньше становится русского, Вячеслав.

— Что ты имеешь в виду?

— Англосаксы исповедуют кальвинистскую философию земной удачи, а Россия была сильна духовной жизнью...

— И ее нет, ты считаешь?

— Пока еще есть ты,— Гричмар сочно захохотал, поднял рюмку, пригубил ее и вновь заговорил:— И немного таких, как ты, которым больно за все. Но дух уже подменяется практицизмом. Как бы ни был невежествен человек, он хорошо чувствует, когда жмут ботинки. Ваши современные ботинки, которые вы предлагаете, жмут многим, потому что у них смешанный размер русско-европейско-американский. И практицизм советского производства...

— А я, Джон, думаю наоборот: всему свету жмут ботинки американского пошива. Прекрас-

ная отделка, но внутри жесткая кожа, носить невозможно. Стопроцентный американец, как я понял в Штатах, считает себя поборником и мучеником демократии: готов всех спасать от коммунизма. Но мученики легко становятся палачами. Прости за резкость...

— Вьетнам? Проклятый Вьетнам!..

— Не только. Ну ладно, я не об этом хотел... Нет всеобъемлющей и вечной правды. Ум и знания относительны. Придет срок — и мы от многого откажемся, многое переделаем. Если, конечно, жизнь на земле сохранится... Но я не хочу ничего оправдывать. Оправдать можно все. Все свои ошибки. И найти тысячи доказательств ради оправданий. Это уж я знаю.

— Я сомневаюсь, Вячеслав, что сохранится жизнь. Но будет ли возрождение по Иисусу?

— Еще можно остановиться, Джон. Еще... Пора всем нам обожествлять природу, которую мы извратили, оболгали и изнасиловали во имя сиюминутных выгод. А спасать природу — значит самих себя. И свою совесть.

— Как? Остановить технологический век? Остановиться Америке? Остановиться Советскому Союзу? Японии? Западным немцам? Невозможно, Вячеслав. Ты фантазируешь! Экспресс набрал скорость, в вагонах веселятся, пьют коньяк, как мы с тобой, а машинист сошел с ума, тормозов нет, мы с тобой пьем и знаем: впереди — гибель, пропасть...

— Не хотел бы гибели этой прекрасной земли. Впрочем, ты злоостроумный человек, Джон. Твое злоостроумие — евангелие ненависти к грешной цивилизации. Но мы с тобой не имеем права ненавидеть даже священной ненавистью. Знаешь ли ты точно, имеет ли право художник выносить неоспоримые оценки... судить жизнь? Наверное, мы должны познавать и жалеть. Все люди чего-то ждут и вместе с тем больны неспособностью ждать. Мы должны искать в мире душу, которую человек потерял в нетерпении жить легкой жизнью. Именно потерял душу. Но легкой жизни не бывает, есть лишь легкая смерть...

— Вячеслав, давай отдохнем, я изнемог переводить. Разреши... Да и ты устал...

«Да, я устал. О чем мы говорим? Что даст нам это бесполезное умствование? Никому не нужное умствование двух режиссеров, соединенных неприятием безумия цивилизации и ее обмана,— решил Крымов, мимолетно заметив встревоженные голубые глаза Стишова, останавливающие нацеленные ему в лицо.— Опять смысл жизни? Смешно! Большинство живет, не решая этих вопросов. Нет единого смысла жизни: ведь люди неодинаковы по уму и чувству. Единомыслие невозможно. Но есть психоз единой глупости и жестокости. Так что же за страшное существо человек, если он мучает себе подобного? Я сказал — жалость? Познавать и жалеть? Не судить жизнь? А это уж похоже на предательство, уважаемый Вячеслав Андреевич. Я противоречу самому себе? Где истина, в середине? Нет. Никогда. Кажется, это Стишов сказал однажды на художественном совете: «Вы хотите единомыслия режиссеров? Пожалуйста. Одно в кулуарах, совсем другое на трибуне. Мы слишком воспитанны для того, чтобы говорить в глаза друг другу правду». Но почему Стишов, дорогой мой, воспитанный человек, так смотрит на меня и почему мне так нехорошо? Милый Анатолий, ты боишься моей искренности, что ли, перед иностранцем? А что, собственно, я сказал особенного? Да, мы слишком осторожны... до отвращения. Но почему мне так не по себе?..»

На открытой террасе ресторана все было уже догоряча накалено, все дышало неподвижной июльской ленью расплавленного дня, даже под теневым зонтиком стоял жар. И неприятной сухостью пахла материя, пропеченная над головой солнцем. Крымову было душно, хотя он снял пиджак, расстегнул воротник, отпустил галстук, совершенно не понимая, для чего надел его сегодня. Он помнил по приемам в Париже, что Гричмар не любил светскую чопорность и с богемной небрежностью мировой знаменитости приходил на коктейли в вольных мягких рубашках, не застегнутых на массивной шее.

А Гричмар слушал его внимательно, широкие брови его лохмато шевелились с выражением согласия или несогласия, его коричневые глазки поминутно прижмуривались, загораясь разъедающей насмешкой недоброго ума, порой, несколько раскашиваясь, светились почти нежностью, когда мысль Крымова угадывала его мысль. Но чем резче обострялся их разговор, чем дальше они уходили от простоты к неразрешимому, тем горше становилось Крымову, и печальная досада сдавливала ему горло. Он боялся твердо спросить себя: что же это случилось с ним, что стало повторяться после того душевного недомогания в парижском отеле? Боялся узнать о своем состоянии больше, чем надо, ибо в последние годы ничем серьезно не болел. И снова возникало ознобное волнение безвыходности («Нервы, нервишки зашалили и сдали!») при воспоминании о том близко знакомом человеке в конце вестибюля отеля, который один среди всех этих празднично одетых, тщательно выбритых, беззаботно курящих и разговаривающих перед просмотром фильмов знаменитостей, только он помнил и ощущал виском холодок слипшихся волос, пахнущих еще речной тиной, с уже примешанным миндальным запахом смерти, видел полусомкнутые мокрые ресницы, чуть пропускавшие остывший блеск глаз, хотел вытереть и не вытирал потекшую от ресниц краску на ее щеке, как следы черных слез, поразивших его какой-то детской беспомощностью...

Он старался не вспоминать подробности того дня, но недавнее вонзалось в него повторяющейся болью в сердце, виноватым бессилием и жалостью, и внезапное удушье не умеющих вылиться слез заслоняло дыхание. И тогда громкие слова, фильмы, разговоры о красоте казались бессмысленной, пустопорожней болтовней, не имеющей значения, и казалось, что к чистой и талантливой этой девочке мир не был справедлив. «Послушайте, Вячеслав Андреевич, какие прекрасные слова: „Дело жизни, назначение ее — радость"»,— звучал ее протяжный голос, читающий эту фразу в один из вечеров, когда он пришел на Ордынку. И почему-то в такие минуты Крымов был уверен, что несчастье не было случайным, однако он не мог поверить, что она ушла из «назначения радости» своей волей.

Сказав Гричмару фразу «Легкой жизни не бывает, есть лишь легкая смерть», Крымов поймал на себе беспокойный, предупреждающий взгляд Стишова, и от молчаливой озабоченности друга, аристократично холодноватого, вежливого со всеми, никогда ни с кем не конфликтовавшего, почувствовал беспричинное раздражение против него.

«Голубоглазый мой ангел-хранитель, что ты смотришь на меня с такой грустной тревогой?»— хотел иронически сказать Крымов, догадываясь, что тревожило Анатолия Петровича, но он так не по-мужски вдруг испугался боли в сердце и поднявшихся и остановившихся в горле слез (чего никогда не бывало прежде), что с трудом сказал наконец фальшивым голосом:

— Ну все, международная дискуссия закончена, умные слова сказаны. Все истины-голубушки лежат у нас на ладонях, поэтому заканчиваем коньяк в данном заведении, берем крепкий кофе на хэппи энд и начинаем думать, как жить дальше в этой роскошной цивилизации, что предпринять...

Последняя его фраза прозвучала с невнятной хрипотцой, голос прервался, и он, поперхнувшись, весело откашлялся, потер грудь и поднял рюмку в сторону Гричмара, договорил чрезмерно громко:

— Ну за тебя, Джон. Кстати, не сходить ли тебе сегодня в Большой? Как ты настроен?

Гричмар шумно засопел, выцеживая дым ноздрями крупного носа, с выпытывающей, мнилось, подозрительностью всматривался в глаза Крымова, в его руку, потирающую грудь, и после молчания спросил по-русски:

— Ты немножко плохо чувствуешь?.. Ты устал? Тебе сердце больно? Я помню, в Париже ты глотал таблетку...

— Жизнь — это борьба с неотвратимостью смерти. Библия говорит, что человек рождается для страданий. Но я себя чувствую прекрасно. А как ты насчет Большого театра?

— Зачем ты так шутишь?— проговорил с грустным упреком Стишов, умоляя Крымова взглядом, и хрустнул пальцами.— Ты не так-то уж много пил, но вид у тебя действительно усталый и... совсем уж не вполне...

— Ты прости меня великодушно, Анатолий, я пошутил не очень удачно, я еще в цепях пышных и высоких слов,— сказал, оживляясь, Крымов, сейчас же подмигнул, допил коньяк и поторопил Гричмара дружески бесцеремонно: — Ну заявляй, предлагай программу, сегодня я твой гид.

Закряхтев, Гричмар значительно помахал большим, как сарделька, пальцем, требуя внимания, выпил рюмку до дна, перевернул ее вверх дном, потряс над столом, доказывая, что в ней не осталось ни капли, старательно выговорил:

— Рюм-мочка р-родная... Благодар-ствуй за гост... гостеприимство. Так по-русски?

— Совершенно точно, Джон. Великолепное произношение. Мне бы так по-английски.

И, беззвучно посмеявшись, Гричмар снова помахал пальцем — это, по-видимому, была привычка его — и доверительно проговорил с недоумением человека, который не желал бы в этом кругу стесняться:

— У вас говорят: иди в Большой театр. В Париже говорят: иди в Фоли-Бержер, Лидо. Там, правда, хорошо выпить можно. Я не люблю оперный театр. Нельзя петь и танцевать мысли. Я сижу, смотрю, и меня берет глупый смех, когда они страдают. Но иностранцу неудобно хохотать. А ты любишь, Вячеслав?

— Не так чтоб уж очень и не очень чтоб уж так. Моя забота — обеспечить тебя билетом, но в театр я с тобой не пошел бы, и ты бы меня понял. Мне плохо, когда шатаются декорации и отрывается ус у дона Базилио в патетический момент.

«К чему, зачем я говорю это? Да, да, сейчас все пройдет и будет лучше. Какая тоска!.. Еще выпить коньяку? Вспомнить какой-нибудь анекдот? Странное дело — у меня нет памяти на анекдоты. Да, любопытный мужик этот Гричмар, Гричмар... Но почему он так серьезно и так упорно смотрит на меня?»

— Вячеслав, я приехал не в театр и не туристом. У меня к тебе большой дело. Мне есть необходимость с тобой решить один идея. Я имею цель... Хочу тебя пригласить... по-русски — пригласить, да?.. Пригласить сделать режиссуру... Нет, позвать на постановку фильма. У меня есть хороший сценарий, нужен твоя голова.

— Вот так да, Джон!— воскликнул Крымов с преувеличенным изумлением.— Ты приглашаешь меня в Голливуд? Почему об этом не сказал мне в Париже? Там легче было решать в беспечном настроении.

— Я продюсер и не могу выбросить несколько миллионов в унитаз. Я прилетел в Москву официально.

«Ах, какие чудеса происходят на свете! Этого я, конечно, не ожидал. Джон увидел мою «Необъявленную войну» и, подумав, поставил на меня, как говорят американцы».

— Вячеслав Андреевич, талантище вы,— вкрадчиво проговорил тихонько жующий бутерброд Молочков, и лиловые пятна проступили у него на скулах.— Как интересно поставить фильм в Америке. Тут же мировая известность...

— К хренам с твоей мировой известностью!— грубо сказал Крымов и неожиданно развеселился.— Я люблю сказки, Джон, но не верю в них.

— В Голливуде не только дерьмо и сказки. Четыре фильма я снимал там. Я не последний режиссер...

— Я и хотел сказать, что у вас переизбыточно своих режиссеров, которые сожрут меня, конкурента, с потрохами, стоит мне появиться там — со своим уставом в чужом монастыре.

— Для этой картины нужен русский Кры-мов, ты, ты, Крымов,— настойчиво повторил Гричмар.— Мне есть необходимость с тобой поговорить по-русски. Тет-а-тет. Поедем из этот очень вкусный ресторан. Погуляем ножками. Ножками, да? Поговорим о сценарии. Мистер Стишов уже не будет трудиться. Я буду трудиться сам. Бла-го-дарю покорно. Так есть?

— Взаимно,— ответил Стишов и поблагодарил улыбкой.

— Ну что ж, встали,— сказал Крымов и подал деньги Молочкову, неизвестно зачем деликатно и ловко прикрывшему их ладонью на столе, как неприличную карту.— Расплатись, пожалуйста, Терентий. Ты что, кузнечиков ловишь?— Он усмехнулся.— Машину оставь нам. Анатолия Петровича довези домой на такси.

Они поднялись и пошли к лифту мимо зон-

С. Рерих. ДЕВИКА РАНИ РЕРИХ.

С. Рерих. И МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ.

МОЛЧАНИЕ.

тиков совершенно пустого ресторана, по раскаленным солнечным полосам меж столиков, кое-где накрытых белоснежными скатертями, слепящих серебром приборов. А снизу доносился сложный перекатывающийся шум улиц, и Крымову сейчас было неприятно видеть замутненную испарениями большого города синеву над крышами, строгий черный костюм метрдотеля и цепочку молодых, аккуратно причесанных официантов у бара, почтительно провожающих глазами солидного, похожего на глыбу иностранца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Солнце еще стояло высоко, но уже склонялось к закату, когда они после длительной поездки по Москве, легкого коктейля в Доме кино и мороженого на улице Горького вылезли из машины на Ленинских горах и подошли к смотровой площадке, куда его просил привезти Гричмар.

Здесь крикливой группой стояли и сидели на гранитном парапете, бросив под ноги дорожные сумки, какие-то иностранные туристы в шортах. Рядом с ними так же шумно фотографировались молодожены в беспечном окружении высыпавших из машин друзей, жених и невеста смеялись и разом застывали с вечной и тщеславной надеждой сохранить на мертвом глянце исчезающую минуту. Невеста поспешно оправляла складки на полной талии, глядя на кончики туфелек, едва видных из-под белого платья, вскидывала по команде фотографа простенькое, испорченное ненужным смехом лицо, просовывала руку под локоть жениха, смуглого парня с щегольскими усиками. И Крымов подумал, как далеки эти молодожены, ждущие чуда собственной красоты на фотографии, и эти туристы, по купленной программе ждущие в чужой стране визуальных удовольствий,—как далеки они от всего того, о чем спорил он с Гричмаром, что не имело ни малейшего значения для других, для большинства бесхитростно работающих в поте лица людей, живущих просто, без всяких там лишних мыслей и мук, живущих, может быть, счастливо, подобно здоровому растению под небом.

«В самом деле, можно спокойно жить, не задавая никаких вопросов, заботясь только о хлебе насущном. Так, как живут сотни миллионов людей»,— стал внушать себе Крымов и, досадуя на себя, сказал Гричмару, не без любопытства скашивающему глаза на молодоженов:

— Когда я вернулся из Америки, мне без конца задавали вопрос: что больше всего понравилось там? Я мычал, соображая, что же действительно. А дошлые ребята-журналисты, знающие, что надо, сами подсказывали: народ, как отвечают вернувшиеся из поездок поголовно все. Нет, Джон, народа американского я не почувствовал, а ведь пытался говорить с каждым встречным, кроме одной его черты — наивности...

Гричмар, косолапо загребая по асфальту ногами, подошел к парапету, тяжело сопя, упал локтями на гранит, затем потащил из кармана пиджака сигареты, пробормотал сипло:

— А вот ты знаешь русских... русский народ?

— Немного. Потому что воевал. Но это были сороковые годы. Никто не знает до конца свой народ. Не знал ни Сократ, ни Толстой, как нельзя знать Вселенную. Только вот наивность русским не свойственна. Доверчивость — да. Но не наивность. Я говорю о тебе, Джон, и о сценарии, который ты мне рассказал. Я не смогу снять такой фильм.

— Почему, скажи?

— Ты выбрал не того режиссера. Хочешь, чтобы я снял фильм об апокалипсисе? Я не смогу.

Гричмар пожевывал сигарету, взгляд его мрачно и жадно скользил по размытым силуэтам лежащей внизу в предзакатном туманце Москвы, по храмовидным шпилям дальних высотных зданий, несущих нечто запоздалое, готическое, по серой булаве Останкинской башни за горизонтом крыш, по желтым и бледным пятнам небоскребов, однообразных прямоугольников, издали жестко блещущих против солнца стеклами, по золотым маковкам Новодевичьего монастыря с игрушечными башенками по ту сторону пологого изгиба Москвы-реки, уже прохладно потемневшей перед приближающимся вечером, где вблизи кольца стадиона белым жучком, распуская по воде усы, полз к железной арке моста речной трамвай. От скопища крыш, от доносившегося дрожащего гудения метромоста, пропускающего поезда, мутного туманца, поднявшегося над перегретым за день асфальтом, и сгущенности выхлопных газов почудилось Крымову: снизу наплывало от этого огромного и живого тела теплым маслянистым запахом машинного пота, усталостью и теснотой перенаселенного многомиллионного города, который он любил с детства, а в последние годы почти не узнавал.

— Мой отец говорил — сорок сороков,— пробормотал Гричмар и сумрачно подвигал кустистыми бровями.— Где сорок сороков? Небоскребы... Двадцатиэтажные зажигалки. Как в Филадельфии. Зачем разрушили русские храмы? Нельзя смеяться, где есть тайна... Не делай так, Вячеслав,— с неудовольствием заговорил он, подбирая слова и прихлопывая кулаком по граниту.— Надо тебе делать фильм. На весь мир сказать глупым самоубийцам, самонадеянным ослам. Сюжет — гибель планеты. Жалкие люди устроили ядерную войну. Вся земля горит. Огонь, везде огонь, потом вся земля — обугленный камень. Осталась живой одна черепаха. Одна, бедная... одна, одна ползет к берегу океана. Видит гигантское красное солнце... впереди, в дыму. Солнце, как разбухший клоп. А она ползет. Подползает к океану, а он... высох, пустой. Мертвый... Так по-русски? Гигантская яма, кости рыб. Черепаха смотрит, смотрит на мертвый океан, на солнце. И умирает на краю ямы. Глаз застывает, и солнце тухнет.

— Невесело,— сказал задумчиво Крымов, ясно вообразив этот конец фильма: траурно угольный берег выпаренного ядерным огнем океана, уже подернутый пленкой стеклянный глаз неподвижной черепахи с постепенно тускнеющей красной точкой солнца в нем. Страшновато, страшновато. Какая безысходность во всем этом!

— Фильм должен иметь такое название: «Последняя черепаха».— Гричмар закряхтел, обтер носовым платком насупленные брови, влажные глаза, затем страдальчески дернувшиеся щеки, трубно высморкался.— Это апокалипсис... Страшный суд без Иисуса. Фильм должен быть... как крик перед смертью. Наказание лжи, пороков... легкомысленного человечества. Твой фильм «Необъявленная война» был очень беспокойный. Это страшная проблема экологии. «Черепаха» — это должен быть ужас ада. У всех должно быть перевернуто сердце... Шок... Смерть, гибель цивилизации, бедной Земли... и всей грязной дерьмовой политики.

Гричмар с задержками, прерывающимся голосом выговаривал найденные слова и продолжал неторопливо вытирать лицо платком, словно этим жестом придавая непоколебимую будничность разговору. Но Крымов видел его неуклюжее возбуждение, влагу на припухлых веках и явственно вспомнил его новый фильм, показанный на парижском фестивале. Картина потрясла Крымова трагической безысходностью человеческой личности в современном мироустройстве, до предела осознанной героем фильма, после автомобильной катастрофы попавшим по ошибке в сумасшедший дом, где в комфортабельных палатах и операционных правят власть имущие, лживо ласковые хирурги, делая из больных людей смертельно больных, из незаурядных талантов — безвольных ничтожеств, из ничтожеств — властителей. Фильм кончался тем, что героя положили на операционный стол под шепот безумного хирурга, жреца лжи: «Кто простит, кто спасет, кто излечит цивилизацию? Мы...»

— Благодарю за предложение, Джон,— сказал Крымов, содрогаясь от представленных пепелищ разрушенного мира, наказывающих живое человечество.— Ты затеял жуткий фильм. Без надежды. Я все-таки люблю Землю, поэтому не смогу быть архангелом с огненным мечом.

— Страшно, Вячеслав... страшно. Зло остается безнаказанным...— глухо и сожалеюще проговорил Гричмар и в поисках нужных слов сморщил лоб.— А ты очень уверен, что можно достигнуть... нет, достичь... Так?.. Да? Достичь идеала человеческого братства? Нету. Даже хуже.

— Да, хуже,— подтвердил Крымов.— Но я уверен вот в чем: сейчас нужен герой, который задавал бы людям вечные вопросы по каждому поводу. Многие его сначала будут принимать за идиота, но это не беда. Дон Кихот бессмертен. Развелось слишком много тупых, хитрых, самонадеянных разрушителей, чиновных людишек — от управдома до министра, которые исповедуют один принцип: живи сладко сегодня, а после нас хоть потоп. Леса беспощадно вырубают, реки превращают в сточные канавы, небо — в мусорную свалку. Убийцы Земли и всего сущего. Заметил ли ты, Джон, что у всех мировых обывателей — у ваших и у наших — одинаковое выражение в глазах? Равнодушие ко всему на свете, кроме удобства для своего зада. Ради этого он продаст и предаст не только родную землю и свою нацию, но и весь мир.

— Донкихот... Ты да... Ты мечтаешь, что можно изменить человеческую природу.

— Огорчу тебя, я не донкихот. Я знаю вопросы, которые мучают меня. Но не знаю точных ответов, Джон. Понимаешь? Вот от этого и тоска.

— Что есть тоска?

— Тоска? Это боль, которая не имеет определенного места. Понимаешь?

— Я знаю... Это очень плохо.

С полчаса они постояли на смотровой площадке немного поодаль от туристов, то и дело прибывавших и отбывавших на пропахших асфальтовой пылью автобусах, потом спустились по гранитной лестнице к Троицкой церкви, пошли в сторону новых липовых аллей. И тут неподалеку от церкви, за оградой старого, закрытого погоста Крымов не без удивления увидел среди заросших травой памятников бородатого мужчину в рубахе навыпуск, босого, который шагал по тропке, изрезанной солнечными просеками, пьяно пошатываясь в затяжной зевоте, а следом за ним, тоже судорожно зевая, с подушкой под мышкой рыхло переваливалась толстоногая женщина в ситцевом платке и мелко, торопливо крестила рот. Они шли к дому в конце этого давно не действующего кладбища, вероятно (как подумалось Крымову), церковный сторож с женой, отдыхавшие где-то здесь в тени под деревьями. И сразу ощутив холодок подушки и пресное тепло травы, Крымов невольно позавидовал чужому безобидному удовольствию, сказал:

— Ты знаешь, Джон, что за наслаждение поваляться и поспать в траве? Не испытывал ни разу?

— Русь, да? Это Русь...— проговорил Гричмар и приостановился у ограды, впиваясь острыми вишневыми глазками в бородатого, изнывающего в судорогах зевоты мужчину.— Мой отец мне рассказывал... Он имел очень немаленькое имение... на Урале,— заговорил он замедленно.— Под городом Екатеринбург... у вас Свердловск, да? Там было имение. Гигантский сад. Он... мой отец и дед... любили там спать на сене. Он говорил, что на Руси спали под глазами бога. Он говорил... когда ночная звезда заглядывает в окно... в дом, то моя душа становится богаче.— Гричмар пальцем постучал себя в грудь.— Он идеально... много... знал Россию...

— Прости, Джон,— сказал Крымов с несдержанной решительностью.— Русь и Россию идеально не знал и не знает никто. Даже Лев Толстой. Руси уже нет. А Россия — самая неожиданная страна. И такой второй нет в природе. Если уж кто спасет заблудшую цивилизацию, так это опять же Россия. Как во вторую мировую войну. Как? Не знаю. И через сколько лет — не знаю. И какими жертвами — не знаю. Но, может быть, в ней запрограммирована совесть всего мира. Может быть... Америке этого не дано. Там разврат духа уже произошел. И заключено полное соглашение с дьяволом...

Он замолчал, затем раздосадованно сказал: «А!»— и взял Гричмара под руку, приглашая этим «а!» просто молча пройтись в аллее, подышать воздухом.

Но Гричмар в замешательстве стоял у ограды погоста, глядя на просвечивающие сквозь листву зеленые купола близкой церкви, где в пролете колокольни порхали воробьи и по железному карнизу, постукивая когтями, ходили голуби.

— Хочу сюда,— пробормотал Гричмар.

Они вошли в церковь, маленькую, тихую, пахнущую теплым воском, освещенную сверху наклонными столбами солнца, отчего огоньки свечей, зажженных у темных икон, горели бледными островками. И как только вошли, Гричмар робко воздел глаза к куполу, истово перекрестился, и Крымова поразило мгновенное изменение, происшедшее в его мясистом лице, в его тяжелых, ссутулившихся плечах. Это было непривычное, новое выражение покорной, смиренной виноватости, вроде бы нарочитой, противоестественной в глыбообразном облике Гричмара. А он, сдерживая дыхание, бесшумно прошел куда-то в угол левее алтаря, в разжиженную свечами полутьму, и там неуклюже, по-бычьи стал перед иконой на одно колено, потом на другое, правая рука его задвигалась, широко крестя грудь, массивная голова опускалась и подымалась в поклонах, и Крымов, не ожидая этого от ничего не прощающего в своих жестоких фильмах Гричмара, отвернулся, покоробленный неестественностью, точно случайно вынужден был присутствовать при действии близко знакомого человека, обманывающего в глаза.

«И что это я?— возмутился вдруг Крымов едкому чувству.— Да почему я должен сомневаться в искренности его веры? Кем дано мне такое право? Не вяжется с его фильмами? С его суждениями? Так в чем, собственно, я вижу обман и противоречия? И где оно, мое высшее право судить его? Как мы привыкли чувствовать себя идеальными для всего мира, беспорочными особами! А он сделал два сильнейших фильма, в которых такая человеческая боль. Вряд ли ее смог бы так сильно выразить кто-либо другой...»

И с неприязнью к какому-то горделивому второму человечку в самом себе, воспитанному с детства в сознании уверенного нравственного превосходства, живущему в ангельской, конечно, безгрешности, знающему и четко понимающему, конечно, абсолютно все, он, передергиваясь от стыда, издали взглянул на Гричмара, покаянно стоявшего на коленях, и быстро пошел из церкви, убегая от этого жалкого второго человечка в себе.

Он задержался около выхода, где в оранжевом ореоле мирно горела лампада и озаренный морщинистый лик старушки, обмотанной черным платком, торгующей здесь свечами, был наклонен к столу, казалось, скорбно, безнадежно. И со знакомым пронзающим его чувством толкнувшегося удушья в горле Крымов лихорадочно нащупал в кармане брюк купюру покрупнее и как бы с тайной мыслью возможного избавления от тоски, с надеждой на облегчение и без веры в это облегчение бросил деньги на стол и вышел на воздух.

В ожидании Гричмара он ходил взад и вперед по тротуару мимо паперти, курил, повторяя одну и ту же всегда успокаивающую его мысль: «Сейчас все пройдет, как проходит все». И постепенно горькое удушье отпускало, испарина выступила на лбу, ему действительно стало немного легче, а когда Гричмар, насупленный, с воспаленными глазами, показался на паперти и сказал осипло: «Это... настоящая русская церковь»,— Крымов лишь спросил будничным голосом:

— О чем ты молился, если не секрет?

— Не надо говорить.

— Извини, коли так.

— Тебе скажу. О спасении мира...— Гричмар утомленно сбавил дыхание, копаясь пальцами в пачке сигарет, и тут лицо его стало прежним, деловым, будто ни на секунду не прерывался разговор между ними.— Я хочу дать тебе контракт. Я хочу такой фильм, Вячеслав. Ты можешь... И пойдем еще выпьем...

— Эх, дорогой Джон, это не мой фильм,— сказал Крымов с необижающей твердостью.— Мне лестно твое предложение, но это не мой... Как говорят, надежда умирает последней. Кто из поэтов сказал, что жаворонок на ниточке своей песни держит всю землю? Или я это придумал?

— Это сантименты... Бывший ваш советский романтизм.

— Нет, ниточка — это надежда.

— Я еще хочу выпить, Вячеслав. И еще хочу с тобой говорить.

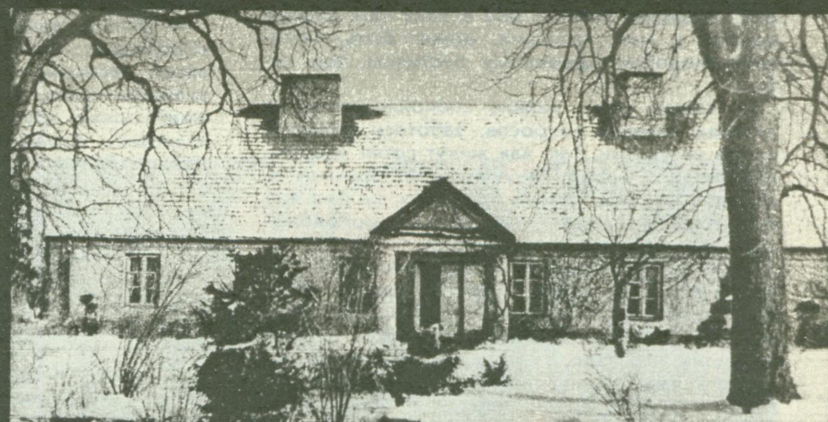
Продолжение следует.

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

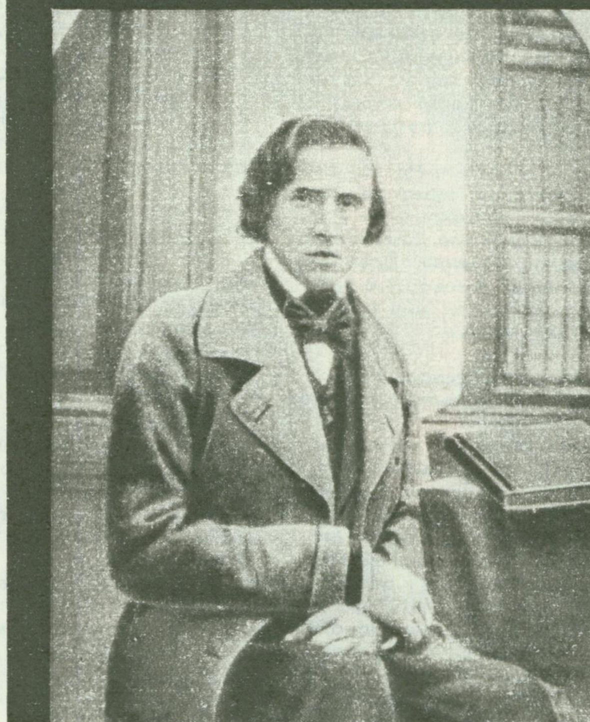
К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

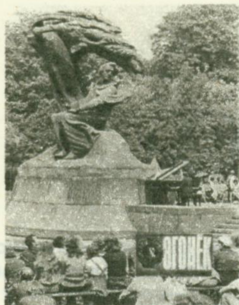
Шопен. Литография П. Виньерона [1833].

Желязова Воля. Дом, где родился Шопен.

Последняя фотография Шопена [1849].

В творчестве любого композитора есть произведения, которые становятся наиболее популярными, исполняемыми. И есть вещи, о которых знают лишь специалисты-музыканты.

Шопен, наверное, в этом смысле уникален. Все без исключения, что написано им, широко исполняется самыми выдающимися музыкантами вот уже более 150 лет: мазурки, вальсы, полонезы, прелюдии, ноктюрны, этюды, баллады, скерцо, сонаты, концерты... Трудно назвать композитора XIX века, столь известного самым широким кругам слушателей во всем мире, столь любимого, понятного, доступного. «Поэт фортепьяно», как называли его современники, Шопен бесконечно разнообразен, хотя нет в списке его произведений опер, балетов, симфоний — привычных музыкальных форм своего времени. Десятки мелодий Шопена буквально у каждого «на слуху», даже если вы и не сразу вспомните, из какого произведения та или иная тема...

Популярность, доступность... И это при том, что сочинения Шопена так совершенны, что даже самая лаконичная из его прелюдий, которая длится меньше минуты, может стать предметом серьезного разговора о музыкальном образе, гармонии, предметом весьма специального теоретического анализа.

Известный русский критик В. Стасов писал: «Великий и своеобразный талант Шопена известен всему образованному миру; восторг, доходящий до энтузиазма, был постоянной данью общества гениальному артисту, произведения которого отразили все разнообразие человеческой мысли и чувства».

Все разнообразие мысли и чувства... Быть может, в этом и заключена тайна безмерного обаяния музыки Шопена? Музыки, которой восхищались современники и которая не меньше близка нам сейчас, музыки, впитавшей народный дух Польши и волнующей людей любой национальности.

Международные конкурсы пианистов имени Ф. Шопена, которые проводятся в Варшаве каждые пять лет, собирают исполнителей со всех континентов. Лауреатами конкурса становились советские пианисты Л. Оборин и Г. Гинзбург. А на X конкурсе в 1980 году, в котором принимали участие 149 пианистов, первая премия была присуждена талантливому вьетнамскому музыканту Данг Тхай Шону.

...Жизнь Шопена, наверное, почти так же хорошо известна, как и его творчество. Трудно перечислить все книги, написанные о нем, рассказывающие о его биографии, интерпретирующие его судьбу.

Фридерик Шопен родился 22 февраля 1810 года в Желязовой Воле, неподалеку от Варшавы. Кстати, первый памятник Шопену на его родине был открыт благодаря инициативе руководителя кружка «Могучая кучка» русского композитора М. Балакирева...

Отец Фридерика, человек высокой культуры, демократических убеждений и большого педагогического таланта, вскоре получил должность преподавателя в варшавском лицее, и тогда семья переехала в Варшаву.

Интерес к музыке и необыкновенные способности маленького Фридерика обнаружились очень рано. Подолгу и завороженно слушал он игру народных музыкантов, их песни. Когда мальчику исполнилось семь лет, к нему был приглашен опытный педагог Войцех Живный, и вот в журнале «Варшавский дневник» появляется заметка о музыкальных сочинениях юного Шопена, «которыми не перестают восхищаться знатоки музыки».

В шестнадцать лет Шопен поступает в Главную школу музыки. Известный польский композитор, профессор Ю. Эльснер становится его наставником, поддерживая интерес Фридерика к польской народной музыке, к своеобразию национальной культуры. Уже в эти годы Шопен много пишет, его произведения исполняются, привлекая внимание крупнейших музыкантов. Выдающийся немецкий композитор Р. Шуман в статье о вариациях Шопена на тему Моцарта писал: «Шапки долой, господа, перед вами гений!»

Начинаются гастрольные поездки, приносящие молодому музыканту заслуженный успех.

В Вене Шопена застает известие о национальном освободительном восстании поляков против русского самодержавия. Шопен стремится на родину, чтобы примкнуть к повстанцам, но друзья и родные убеждают его в том, что он принесет больше пользы родной земле своей музыкой.

Весть о подавлении восстания тяжело поразила Шопена. Под сильным впечатлением этого события он создает свой знаменитый «Революционный этюд». Циприан Норвид писал позже: «Почти всю жизнь... он провел вне родины, но для родины». Музыка Шопена была его вкладом в борьбу за национальное достоинство, национальную культуру Польши.

Осенью 1831 года Шопен приезжает во Францию, где первый же парижский концерт приносит ему славу. Фридерик становится участником литературных и художественных салонов, где собирался весь цвет европейской культуры: композиторы Лист, Берлиоз, Россини, Мендельсон, Шуман, писатели Гюго, Бальзак, Гейне, Стендаль, Мюссе, Дюма. Здесь встречается он с польскими поэтами Мицкевичем и Норвидом. Эжен Делакруа пишет его портрет.

Но здоровье Шопена ухудшается. Он тяжело переживает смерть отца, тоску по родине.

В последние его дни рядом с ним сестра Людвика, приехавшая из Польши. 17 октября 1849 года композитор скончался. Его похоронили в Париже, но сердце, согласно его желанию, было привезено в Варшаву...

В годы второй мировой войны, во время фашистской оккупации Польши, урну с сердцем Шопена спрятали польские патриоты. Гитлеровцы разрушили памятник Шопену, запретили исполнение его сочинений, но не смогли найти и уничтожить его сердце. А музыка Шопена звучала как символ борьбы против захватчиков.

После победы драгоценную реликвию польского народа, сердце Шопена, поместили на прежнем месте, в костеле Святого Креста. Был реконструирован и вновь торжественно открыт в 1958 году памятник в Лазенковском парке. Каждую весну и лето здесь, у памятника, проходят концерты из произведений композитора.

Каковы бы ни были искушенность слушателей, их профессиональная подготовка, возраст или взгляды — Шопен покоряет всех. Каждый понимает и любит музыку Шопена по-своему, но всем она близка своей возвышенной красотой, совершенством и поэтичностью. Сердце Шопена покоится в Варшаве, но его душа распахнута людям всей Земли.

Марина ПЕТРОВА

Михаил КАСАТКИН

Память

ОБЕЛИСК

Короче дни мои, длиннее ночи,
Хотя в природе все наоборот:
Заря вечерняя никак не хочет
Покинуть раскаленный небосвод.

Ищу звезду, дрожащую устало
В тревожном сумраке над головой.
А может быть, давно ее не стало
И только свет идет ее живой?

Я отыщу ее,
Скажу: не ты ли
И путь мой освещала, и привал?
Тебя в ночи зенитки не подбили,
И я не зря всегда тебя искал.

А может, ты,
Летя сквозь сумрак долго,
Рассыпалась на миллионы брызг.
И вот, частичка звездного осколка,
Украсила солдатский обелиск.

Гори, гори, как памятник
всем павшим —
Соратникам, собратьям и друзьям.
Чтоб я и завтра помнил
о вчерашнем,
Чтоб ты в пути всегда светила нам.

Чтоб всем, кто б ни прошел
у обелиска,
Смотрелось широко и далеко.
Ты на земле. Ты над землею
низко,
И ты горишь, как прежде, высоко.

●

Я после схватки видел поле боя:
Искажены у мертвых лиц черты.
И все ж еще одно смущало
больно:
Кричат безмолвно у погибших рты.

Спал как убитый я под канонаду,
Под пулеметно-минометный шквал,
Спал как малец, но если было
надо —
По трое суток в тишине не спал.

Я парень не из робкого десятка,
Не склонен к монотонному нытью,
И мертвецов посмертная
приглядка
Не поколеблет линию мою.

Но, вывернный в общем арсенале,
Так просто сам себя
не победишь:
Встречались мы, когда
освобождали,
С обугленностью диких пепелищ.

Жилье, упрятанное под овины,
Полынь с крапивой вместо
спелой ржи —
Как будто, сволочи, всё подменили
Вплоть до последней ивы у межи.

Обломки жизни, черных рек
излуки
И танки, а не копны по полям...
И сколько муки, сколько адской
муки
В страду крутую выпало всем нам.

Но этот сплав решимости
и скорби
Удваивал нам мужество в бою.
Мы шли вперед, свои спасая
корни
И Родину великую свою.

●

И «По вагонам!» — клич
повторный,
И сердца гулкий перебой
Твой плач продолжили, валторна,
Твой зов продолжили, гобой!

Кто из солдат родным и близким
Под труб стремительный напев
Губ не обжег и плеч не стиснул,
Проститься с домом не успев.

Победный марш шел с нами
тенью
И подтверждал потом без слов,
Что городов освобожденье —
Не перекличка страшных снов.

Что кровь и пот — не бред
предсмертный,
А звезды в небе — не мираж.
И вот уж грянул он, последний,
Победный, майский, светлый наш.

БЛОКАДНАЯ ПАМЯТЬ

Больная память Ленинграда
Стократно оживет во мне
То взрывом дальнего снаряда
На артобстрельной стороне.
То тишиною мертвой...
Эти
Виденья
Пусть уйдут скорей:
Забудешь ли,
как дети, дети
Везли умерших матерей.
Все это было,
было,
было...
Стволы зениток горячи.
К нам через Ладогу из тыла
Везли снаряды и харчи.
Едва хватало для прокорму,
Но пусть мои друзья простят,
Что урезал я нашу норму
Для ленинградских пацанят.
Что против всех привычных правил
Все чаще вспоминалась мне
Азовка — та, что я оставил
На черноземной стороне...
Больная память Ленинграда,
Не подступай, не береди...
Но распроклятая блокада
Все жжет осколками в груди.

Воронеж.

Не просто украшение

Прошлым летом в вагоне метро я обратила внимание на молодую модно одетую маму с хорошенькой непоседливой дочкой. На шее у девочки болтался... скелет — «оригинальное» украшение явно зарубежного происхождения. Тут же стоял юноша в джинсах, на кармашке которых по-английски было написано: «Поцелуй меня сюда». После этого я стала присматриваться к словотворчеству на одежде молодых людей и выудила еще несколько перлов: «Купи меня, я твоя», «Иди ко мне, крошка», «Это наша последняя ночь». Встречались и более лаконичные надписи: «Сан-францисские гиганты», «Флот Соединенных Штатов», «Черная лошадь», «Донна Морган», «Лолита», «Нино»... Мелькали на рукавах, кармашках города и страны: Америка, Канада, Япония, Швеция, Дюссельдорф, Лондон.

Перечень можно было бы продолжить, и специалист не нашел бы здесь ни одного пробела. Готовый каталог международных фирм и лейблов.

Да, мы за культурный обмен с самыми различными странами. Толпы народа на выставке французской живописи, японского дизайна, концертах звезд мировой эстрады — все это свидетельства подлинного интереса советских людей к лучшим образцам зарубежной культуры. Торговый обмен между странами необходим, и мы охотно его ведем. Проблема не в том, надеть или не надеть заграничную майку или брюки...

Зима пролетит быстро, не успеешь оглянуться, как Москва распахнет свои двери XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Интересно знать, как же мы, хозяева, встретим наших гостей, в чем будем одеты? Неужели кто-то так и будет щеголять эмблемами чужих спортивных клубов, улыбками голливудских кинозвезд на джинсах, куртках, сумках, кепках, платьях? Или все-таки стоит провести разъяснительную работу среди подростков и молодых людей, добровольно взявших на себя труд рекламировать потоки пошлости, на все лады склоняющих «лав ми», «кис ми»...

Кстати, отсутствием хорошего вкуса грешат порой и взрослые дяди. Выпустила, например, фирма «Жиллет» рекламную бритву, и вдруг на прилавках наших магазинов появились кулоны-лезвия, ставшие по неведомым законам улицы предметом моды. Не остались в стороне от «лейблового» бума и кустари-одиночки. На столичных рынках некоторых республик можно без труда купить майку «знаменитой спортивной фирмы «Адидас», «канадскую» шапочку с кленовым листком, звездно-полосатый «американский» пояс с бляхами «Супер райфл», «Монтана», «Ли».

Эпидемия эта захватила даже фабрики, выпускающие скромную рабочую одежду. На простеньких брюках художники московской фабрики № 4 решили вышить слово «Sport» шелком и непременно латинским шрифтом. Правда, от этого большей популярностью они не стали пользоваться. Печально, одиноко пылятся они на кронштейнах торговых залов магазина, и человеческая рука, как видно, не коснется их, пока не придет час уценки.

— Неоправданным использованием латинского шрифта грешили многие фабрики, выпускающие молодежный ассортимент товаров,— начал разговор главный инженер Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды Владимир Александрович Жуков.— Понятно, когда это делают в Прибалтике, где принят латинский алфавит. И конечно, вопрос создания советской эмблематики, использования отечественной символики на одежде, вопрос товарных знаков давно назрел. Предстоящий фестиваль только подстегивает нас. Требования к одежде сегодняшнего дня так возросли, что покупатель не довольствуется лишь ее удобством. Нужны вещи высокие по качеству, по идейно-художественному и художественно-колористическому оформлению. У нас в институте уже давно ведется большая работа по этим проблемам.

Начали мы с того, что собрали и выставили у себя все плохое и хорошее, что выпускалось в стране предприятиями Минлегпрома СССР, местной промышленности, республиканских министерств бытового обслуживания, домами моделей спортивной одежды. Картина получилась впечатляющая и разнородная. Порой яркий, красочный товарный знак использовался в качестве спасательного круга на вещах явно немодных, неходовых и лишь прикрывал их убожество. Еще обиднее, когда хороший товар шел под чужим ярлыком. Авторы этой продукции прекрасно понимали, что «фирма» — это гарантия качества, и не хотели терять время, пока покупатель разберется, поймет, полюбит их продукцию под их собственным, еще непривычным знаком.

А ведь у нас, советских, как говорил поэт, собственная гордость. Символ, условный знак на одежде — это не просто украшение. Товарный знак предприятия — ориентир для потребителя, его визитная карточка. Испытанный временем, он должен гарантировать качество продукции.

— Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать,— любезно пригласил меня Владимир Александрович Жуков в свои закрома.— Все, что мы вам покажем,— образцы изделий, уже выпускаемых предприятиями. Есть и модели, утвержденные на художественно-техническом совете Минлегпрома СССР и получившие право на выпуск Советским подготовительным комитетом фестиваля.

Честно говоря, даже не ожидала, что увижу так много интересного. Легкая промышленность Литвы, Эстонии, Армении, Украины показала просто блестящие образцы изделий с нашей отечественной символикой.

Детские маечки, платьица, курточки прекрасных, ярких расцветок, отличного качества, умело украшенные забавными героями сказок, любимых детворой мультфильмов, просто набивным рисунком зверюшек, букашек, бабочек, привлекали внимание мажорностью красочной палитры.

Вспоминая свое послевоенное детство, когда черный дерматиновый портфель с вечно ломающимся замком и моментально

отрывающимися металлическими уголками был пределом мечтаний любого школьника, невольно загляделась на ранцы, каждый из которых имел свой рисунок. То сюжет из букваря, то считалка, то добродушный мишка со счетами в лапах. А трехцветные курточки со светофором на кармашке подсказывали малышам правила дорожного движения.

На стенде для более взрослых темы уже посерьезнее — фестиваль, 40-летие Победы, спорт. И решены они, надо сказать, достаточно образно, деликатно, а главное, с большим тактом, вкусом. Майки с салютом Победы, летящими голубями, глобусом и лаконичной надписью «Нам нужен мир»; спортивный калейдоскоп. Очень привлекательны аэрофлотовские сумки с типами советских самолетов.

Рассказать обо всем виденном просто невозможно, но послушаем, что думают по этому поводу торговля, покупатели.

Мы в единственном специальном столичном универмаге, предназначенном для молодых. Он так и называется «Молодежный».

— Была, видела, восхищена так же, как и вы, не раздумывая, забрала бы все, что вам показали в ВИАлегпроме,— темпераментно начала разговор заместитель директора универмага Антонина Сергеевна Калинина.— Постоянно бываю там на художественно-технических советах, видела и выставку. Институт—частый гость у нас в магазине. Его специалисты помогают нам в оформлении стендов, витрин рисунками особо модных изделий, регулярно организуют показы новых моделей одежды для покупателей. Ведь наш магазин особый. Мы не просто торговая точка, в наши задачи входит пропаганда молодежной моды, воспитание, формирование ее вкуса. В этом смысле особое значение мы придаем изделиям с нашей отечественной маркой, нашей отечественной символикой. Пройдите в торговые залы, побеседуйте с продавцами.

Обхожу секцию за секцией. Отдел кожгалантереи. Полки заставлены огромными хозяйственными сумками из кожзаменителей мрачных коричневых, черных, грязно-серых тонов, на бонах которых аршинными буквами написано «Спартак», «Динамо», «Теннис».

— Много у вас купили этих сумок?

— Ни одной — ни вчера, ни сегодня.

— Но все же торговля идет?

— Идет, когда дают мягкие спортивные сумки современных форм на ремнях экспериментальной московской фабрики по 25 рублей.

Обувной отдел. Толпятся покупатели около девичьих сапожек Кубинской фабрики.

— Да, молодежь любит и знает эту обувь, охотно покупает модели Общесоюзного Дома моделей обуви, «Парижской коммуны», «Зари». Их товарные знаки стали уже гарантией хорошего качества.

— Это что за туфельки, неужели для девушек?

— Нет, это «любимицы» наших пожилых покупательниц. Имеем даже от них благодарность.

Отдел трикотажа. Стоит очередь. Продают маечки литовской фабрики «Аудимас» с красочной вышивкой теннисной ракетки.

Как видно, нравятся покупателям разного рода надписи, эмблемы и на наших отечественных изделиях. Ведь сейчас вроде не сезон для маек, на дворе еще мороз.

— Когда это ярко, броско, интересно решено, за нашим трикотажем очереди не меньше, чем за импортом. Только давай, жаль, мало получаем.

Да, оказывается, даже единственный молодежный универмаг еще не полностью обеспечен необходимым ассортиментом, хотя на 1985 год выпуск трикотажных изделий со штучной печатью будет доведен до 40 миллионов единиц.

— Покупатель в большинстве своем вовсе не гонится за «фирмой» ради «фирмы»,— считает Антонина Сергеевна.— Свое одобрение хорошему он высказывает трудовым рублем. Но все же как практик, как человек, положивший немало сил, чтобы обеспечить магазин молодежным ассортиментом (сейчас он составляет лишь 60 процентов от общего объема), скажу прямо: не хватает его еще. Моя мечта увидеть молодую пару, входящую в наш «Молодежный» с пустыми руками, а выходящую с полным ассортиментом одежды, как говорится, «от» и «до», и все с одной надписью — «Сделано в СССР». Только тогда можно будет сказать, что мы выполнили все, что могли.

В. МОРОЗОВА

Т. С. Мальцев в документальном телефильме.

Фото А. Богданова

ТРИ ДНЯ И ДЕВЯНОСТО ЛЕТ

Удивительное дело — в фильме нет дикторского текста, а плотность получаемой нами информации высока. Говорит на экране сам герой, говорит без спешки, убежденно и умудренно, говорят его живые, с мерцающими в них огоньками глаза, его аскетическое, высушенное ветрами лицо, говорят его рабочие руки, которые кормили десятерых своих детей. Руки эти умеют делать решительно все: хоть огород вскопать, хоть дрова наколоть, хоть воду из колодца набрать. Это руки потомственного крестьянина, уподобившего свою жизнь жизни дерева,— корни Терентия Семеновича Мальцева сидят глубоко в родной земле, или, как любит он говорить, землице. Но эти же узловатые, рабочие пальцы могут бережно перекладывать акварельные листы, оглаживать корешок читанной-перечитанной книги.

Заветное слово Мальцева: подумать... Надо думать, надо крепко подумать, говорит он для себя и для нас, часто взглядывая прямо в глазок кинокамеры. Вот что поражает в поведении Мальцева — отсутствие позы, даже намека на нее. Терентия Семеновича не надо снимать «скрытой камерой», он весь на виду, съемочная группа его не смущает. Он собеседует с гостями, вслух размышляет с ними о хлебе, о вреде пьянства, о мужике, особенном мужике. Таком, кто сохранил верность лучшим традициям земледельца, кто на земле своей хозяин, а не пришелец, кто знает цену технике, кто думает об общем деле, а не молится на копейку. Мальцев — поэт и рачитель своей родины, рассказывает он о ней с душой, искренне, но дума его вдруг у нас на глазах приобретает размах государственный, всенародный. Такому слову доверяешь, оно учит многому.

Прославленному полеводу исполняется в этом году девяносто лет. Какую долгую, полезную, умную жизнь видишь за плечами этого труженика... А он весь, без остатка, в работе — и трудятся у него не только руки, а и душа, сердце. Народ ответил Мальцеву признанием. Терентий Семенович дважды Герой Социалистического Труда, делегат шести партийных съездов, депутат Верховного Совета Советской России, почетный академик ВАСХНИЛ. Авторы телефильма «Три дня у Терентия Мальцева» (сценаристы А. Петрова, И. Кубаевская, режиссер Е. Троянова) постарались создать образ Терентия Семеновича, воплотившего высокий нравственный идеал народа.

«Вы, наверное, какой я цветок люблю, и не видали,— говорит он.— Это когда цветет рожь, когда цветет пшеница. Белого цвета и в пленочке. Скромненький цветочек, а полезный».

Падает снежок на кровлю просторного деревянного дома... Звучит с экрана в доверительном чтении Н. Губенко Николай Рубцов — любимый поэт Терентия Семеновича: «Ах, кто не любит первый снег»... Мальцев распахивает окно в ночь, как в даль памяти...

Н. МИХАЙЛОВА

НЕМЕЦКИЙ ДРАМТЕАТР В КАЗАХСТАНЕ

Единственный в нашей стране Немецкий драматический театр вот уже более четырех лет живет и работает в Темиртау.

За это время выпускники Щепкинского училища при московском Малом театре, которые вошли в состав труппы, сыграли немало спектаклей. Прекрасная школа, которую прошли артисты, их увлеченное отношение к делу, постоянный творческий поиск — все это позволило молодому театральному коллективу завоевать популярность и среди учащейся молодежи, и у рабочих, и у сельских тружеников.

Коллектив, плодотворно работая дома, много гастролирует, побывал в разных уголках Казахстана. Недавно прошли встречи со зрителями Свердловской и Челябинской областей, где игрались спектакли «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Физики» Ф. Дюрренматта, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Эмилия Галотти» Г. Лессинга. Юные театралы смотрели «Кота в сапогах» Х. Калау и «Золотые волосы черта» Г. Щульце.

Зрители желают новых творческих успехов молодому коллективу.

С. БУХАРОВ, фотокорреспондент газеты «Темиртауский рабочий»

С ДЕТЬМИ ВСЕРЬЕЗ

Не случайно артисты Ростовского театра кукол начали творческий отчет в Москве спектаклем «Жеребенок» по мотивам донских рассказов своего знаменитого земляка Михаила Шолохова. Спектакль этот, получивший диплом на Всесоюзном конкурсе ТЮЗов и театров кукол в 1982 году, точно выражает творческое кредо коллектива.

— Отечественная классика — наше основное направление,— говорит режиссер В. Былков.

— Мы адресуем свои спектакли не только детям, но и родителям, они должны быть нашими союзниками,— продолжает беседу директор театра И. Григорьева.— У себя в Ростове мы часто встречаемся и с педагогами: вместе ищем пути к уму и сердцу ребят...

Именно так ведет театр свой уважительный разговор с детьми о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Изящно и выразительно играется «Жеребенок». Действие переносит зрителей на берег тихого Дона, в станицу, где живет казачонок Мишка, лелеющий своего смешного и трогательного любимца. Но вот жеребенок попадает в беду. И тогда, рискуя жизнью, на помощь ему бросается красный боец Трофим. Но он падает, сраженный вражеской пулей...

Сцена из спектакля «Жеребенок».

Казалось бы, чего ждать от кукол! А ведь какое сильное впечатление оставляет спектакль. Порою как-то даже забываешь о его кукольной форме. Перестаешь замечать неминуемую условность представления. Зритель видит и переживает борьбу добра со злом...

Открытие гастролей шолоховским «Жеребенком» показало, что театр любит дело серьезно, не боится говорить им правду о жизни и потому не создает у них ложную и даже вредную иллюзию, что, мол, кругом царит тишь да благодать, что даже сама Баба-Яга будто бы добрая! Воспитанные на таких «оградительных» принципах дети чаще всего вырастают либо черствыми эгоистами, либо нытиками, теряющимися при первой житейской неудаче.

Свежо и очень современно звучит на сцене театра гуманная история Куприна «Белый пудель». Любовно воплощенная на сцене, она опять же рассказывает о схватке Добра и Зла, жадности и бескорыстия, эгоизма и самоотдачи... Спектакль поставлен в стиле дореволюционного, традиционного кукольного театра. Постановщик В. Былков остроумно и трогательно сопровождает действие аккомпанементом старинной шарманки. Очень хороши здесь дедушка Лодыжкин и Мальчик. И, конечно, пудель Арто!

В стиле лубка, весело и ярко решена театром забавная музыкальная сказка «Колобок»... А в сказке о «гадком» Утенке театру удалось тонко передать сокровенный, философский смысл мудрой сказки Андерсена.

Последний, пятый, спектакль — «Цирк Принтипрам» — не похож на предыдущие. Ни по манере игры, ни по оформлению. Это — своеобразное цирковое представление с песнями, танцами, репризами. На сцене нет привычной ширмы, и артисты играют открыто — с большими партерными куклами в руках. К сожалению, спектаклю, пожалуй, несколько мешает излишняя буффонада, но это поправимо, тут нужны совсем небольшие купюры.

Кукольный театр из Ростова гастролировал в Москве в год своего пятидесятилетия и показал себя сильным и сплоченным творческим коллективом со своими традициями, которым верна и молодежь — выпускники Ростовского училища искусств. Кстати, они были участниками нынешних гастролей.

Впереди у театра серьезные творческие планы: на очереди произведения Лермонтова, Гоголя, Гюго...

Ф. КОВАРСКАЯ

ВОПРЕКИ ПРОГНОЗАМ

Марк ТАЙМАНОВ, международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

Когда 24 ноября прошлого года Гарри Каспаров потерпел чувствительное поражение в 27-м поединке и счет матча стал 5:0 в пользу чемпиона мира, вероятно, ни сам претендент, ни даже его наиболее оптимистичные поклонники не питали особых иллюзий по поводу перспектив дальнейшего единоборства.

Превосходство Карпова определялось и подавляющим очковым и внушительным игровым перевесом. Казалось, матч стремительно близится к своему логическому завершению.

Но тут случилось непредвиденное. То, чего не мог бы предсказать самый проницательный оракул. В критической ситуации Каспаров не только не пал духом (что явно ощущалось после его стартовых неудач), но, напротив, словно стряхнув с себя груз честолюбивых устремлений, заиграл раскованно, смело, задиристо, что называется, в свое удовольствие. От партии к партии росли его упорство и утраченная было вера в собственные силы. Долгожданная первая победа в 32-м поединке стала для Каспарова не только заслуженной наградой за мужество и настойчивость, но и свидетельством его внутренней психологической раскрепощенности.

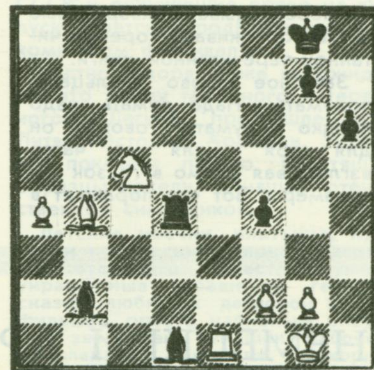
И тогда в эпическом единоборстве наступил период стабилизации. Новая длинная серия ничьих (14 подряд!) уже не носила характер выжидания, а отражала установившееся равновесие сил. И, что самое удивительное, чувствовалось, что, несмотря на беспрецедентные перегрузки и перенапряжение, соперники на пятом месяце баталий стали играть, пожалуй, с большей настойчивостью и волей к победе, чем раньше! Начиная с 36-й партии чуть ли не каждый поединок обрел характер острого творческого диспута по самым злободневным проблемам дебюта и миттельшпиля.

Разумеется, Каспарову приходилось особенно трудно, ведь малейшая его оплошность могла оказаться последней и роковой, но суровая школа единоборства с чемпионом мира сформировала в претенденте те бойцовские качества, которых ему явно не хватало на первых этапах матча.

Воздействие сильной личности партнера в подобных состязаниях трудно переоценить. Экс-чемпион мира М. Эйве как-то сказал, что матчи с А. Алехиным преобразили его как шахматиста и матчевого бойца. Сыграв полсотни партий с Карповым, это же с не меньшим основанием мог бы сказать и Каспаров.

В процессе матча характер претендента заметно закалился, обрел необходимые черты сдержанности, упорства, хладнокровия. Каспаров постиг законы матчевой стратегии, которые даются разве что суровым опытом борьбы. И именно эти немалой ценой обретенные свойства помогли Каспарову не только продержаться, что называется, на краю пропасти вот уже на протяжении двух с половиной месяцев, но и внести перелом в ход неблагоприятного для него развития событий. Правда, не без помощи фортуны...

Был в матче момент, когда, казалось, уже ничто не спасет Каспарова. Это случилось в 41-й партии.

У Карпова лишняя пешка, и именно ей предстояло решить исход сражения. Эта роль ей не удалась... Последовало 32. а5 Л:b4, и здесь чемпион мира мог эффектно завершить и этот поединок, и матч в целом. Ему следовало сыграть 33. а6!!, после чего спасения сопернику не оставалось. Например:

33. ...Са4 34. а7 Сc6 35. Ле6! Сd5 36. Лd6;

или 33. ...Сb3 34. К:b3 Ла4 (34. ...Л:b3 35. а7) 35. Кc5 Ла5 36. Ле4! Крf7 37. Ла4! Л:а4 38. К:а4 Сd4 39. Кc3! и в связи с угрозой 40. Кb5 белые выигрывают;

или 33. ...Лb8 34. Л:d1 Са3 35. Кb7! Се7 (иначе 36. Лd8+) 36. Лd7 Крf8 37. а7 Ла8 38. Ка5, и белые добиваются решающего материального преимущества.

Однако все эти красивые варианты остались за кулисами... Находясь в цейтноте, Карпов не решился на жертву фигуры (хотя, конечно, видел ее!) и сыграл без затей 33. Л:d1. Но после 33. ... Сd4 34. Ке6 Са7 35. Лd7 Лb1+ 36. Крh2 С:f2 37. К:f4 Ла1 38. Ке6 Л:а5 (можно было и 38. ... g5) 39. Л:g7+ Крh8 40. Лf7 Се3 оставшегося минимального преимущества белых для победы уже не хватило...

Может быть, именно этот драматический поединок сыграл свою особую роль, отняв много энергии у Карпова и, напротив, добавив оптимизма Каспарову, но так или иначе после него игровая инициатива в матче перешла на сторону претендента.

Особенно благоприятно для Каспарова стали складываться партии, где он играл белыми. Тут ему удавалось получать активные позиции с атакующими перспективами, а в таких Каспаров чувствует себя особенно уверенно. Карпов, напротив, славится своей цепкостью в защите, и он сделал максимум возможного, чтобы выдержать осаду в трудных 44-й и 46-й встречах, но, как подметил М. Таль, с усталостью защитная броня обычно становится все менее надежной, а эти поединки стоили много сил. В конце концов броня сдала и у чемпиона мира... В 47-й и

гости «огонька»

ТАКАЯ У НИХ РАБОТА...

Фокусник Николай Дмитриев приехал в «Огонек» со своим громоздким реквизитом, но, осмотрев наш конференц-зал, где мы обычно принимаем гостей, слегка растерялся: не приспособлен он для выступлений в подобном жанре... Растерянность была заметна и на лице певицы Натальи Юрченко. Только концертмейстер Светлана Воробьева оставалась спокойной: она не впервые у нас, да и необходимый ей рояль стоял на своем месте. Вообще замешательство оказалось минутным: им-то, артистам Московской областной государственной филармонии, ведь не привыкать работать на любых сценических площадках в самых разных уголках нашей страны — от Белоруссии до Камчатки! И Николаю Дмитриеву не раз, так же, как и у нас, приходилось, отложив в сторону более сложный реквизит, манипулировать почти футбольных размеров шаром, к которому поочередно, откуда-то взявшись, примкнули пять его меньших собратьев, чтобы друг за другом потом незаметно исчезнуть. А огромные игральные карты на глазах зрителей из двоек превращались в восьмерки и даже меняли масти.

Начинал свою творческую жизнь Н. Дмитриев, паренек из шахтерской семьи, с самодеятельности. А семь лет назад заметил его С. А. Каштелян, режиссер-постановщик Училища циркового и эстрадного искусства, и начал «делать» с ним номер «Иллюзионные этюды».

— Он перевернул мои взгляды на жизнь и искусство,— признается Николай.— Я узнал, что в фокусах не должен существовать просто трюк ради трюка. Надо уметь своим искусством удивлять и радовать, открывать людям окошко в мир добра. В мир прекрасного. И что поэтому надо быть весьма требовательным к себе... Словом, учитель заложил основы мастерства. А ведь познакомился я с ним, когда была у меня минута отчаяния, когда я хотел все бросить и уйти с эстрады...

Работает фокусник увлеченно.

— По двадцать пять часов в сутки,— пошутил он.

Столь же увлеченно работает Наталья Юрченко. Закончив ГИТИС — ее учителем был народный артист СССР Б. А. Покровский,— она пела ведущие партии в классических и современных опереттах на сценах театров Волгограда, Баку, Ростова-на-Дону...

Наталья Юрченко артистична, обладает лирическим сопрано большого диапазона и приятного тембра. Дома ее застать трудно — все время в поездках. Особенно запомнились ей недавние встречи с нефтяниками Тюмени. На концертах поет свои любимые арии из оперетт, поет русскую народную песню. За последнее время ее репертуар пополнился романсами, оперными ариями, песнями советских композиторов.

...Я беседую с нашими гостями и думаю: что же порой заставляет артистов менять сложившийся, устойчивый уклад жизни и заняться хлопотной работой в филармонии? Этот вопрос я задавала и третьей участнице встречи в «Огоньке», ведущему концертмейстеру Светлане Владимировне Воробьевой. Выпускница Московской государственной консерватории, она плодотворно работала как педагог, но и ее пути привели в филармонию. Где только не побывала на гастролях: Сахалин, БАМ, Сибирь, Урал... Выступает она как солистка. Но больше любит работать в ансамбле с певцами — быть не просто аккомпаниатором, а партнером в раскрытии образа, созданного композитором.

— Да, жизнь на колесах утомляет,— говорит Воробьева,— но как вспомнишь, что тебя ждут, что твое искусство нужно людям, и опять рвешься в поездку. Живой контакт с очень разным зрителем обогащает, всегда дарит радость.

Договорить мы не успели: артистов ждала новая аудитория, новые впечатления, новые друзья...

Л. НАТОЧАННАЯ

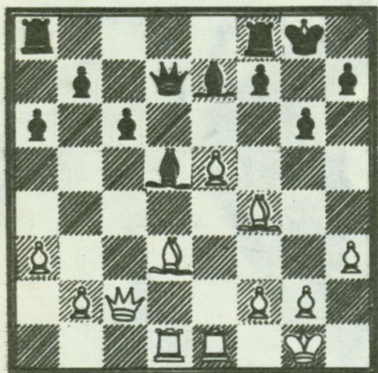
На снимках: Н. Дмитриев, Н. Юрченко, С. Воробьева в гостях у «Огонька».

Фото Э. Эттингера

48-й партиях он потерпел два поражения кряду.

48-й поединок, по общему мнению, явился пока лучшим творческим достижением Каспарова. Претендент играл с вдохновением, изобретательностью и неистощимой фантазией.

Вот фрагмент из этой партии.

В этом положении Каспаров начал стремительное наступление —

21. Сh6 Лfd8 22. е6! fe (на 22. ... С:е6 тоже последовало бы 23. С:g6!, а в случае 22. ... Фе8 сильно 23. Фс3 f6 24. f4) 23. С:g6! Сf8 24. С:f8 Л:f8 25. Се4.

В результате тактической операции белым удалось разрушить пешечное прикрытие черного короля. Но это лишь первая фаза атаки.

25. ... Лf7 26. Ле3 Лg7 27. Лdd3!?

Оригинальный замысел. Каспаров концентрирует тяжелую артиллерию по третьей горизонтали, намечая с этих исходных рубежей штурм королевского фланга соперника.

27. ... Лf8.

Разумеется, и сейчас, и потом размен слонов на е4 вел к вскрытию игры и лишь усложнил бы задачи черных.

28. Лg3 Крh8.

Отступать королем на простреливаемую диагональ а1—h8, конечно же, неприятно, но приходилось считаться с прямой угрозой 29. С:h7+! Кр:h7 30. Л:d5+.

29. Фс3 Лff7 30. Ле3 Крg8 31. Фе5!

Решающее усиление позиции. Атака белых становится прямолинейной.

31. ... Фс7.

Лучшего уже нет. В случае 31. ... Л:g3 37. Л:g3+Лg7 следует 33. Фb8+, а на 31. ... С:е4 возможно 32. Л:g7+ Л:g7 33. Фb8+ Крf7 34. Л:е4 и черный король в опасности. Но теперь теряется пешка.

32. Л:g7+ Л:g7 33. С:d5 Ф:е5 34. С:е6+! Ф:е6 35. Л:е6.

В итоге партия перешла в ладейное окончание с лишней пешкой у белых, и дальнейшая фаза сражения носила уже чисто технический характер. Несмотря на упорное сопротивление чемпиона мира, Каспаров уверенно довел свое преимущество до победы.

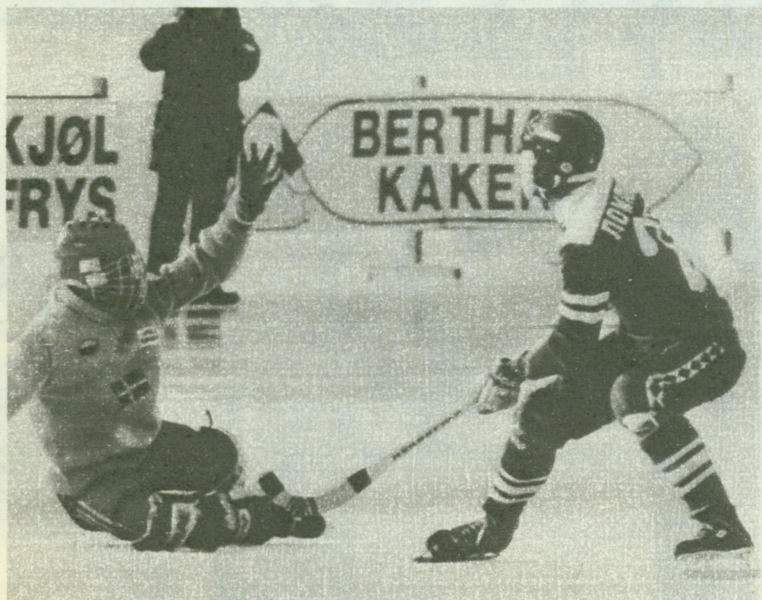
Сейчас, когда пишутся эти строки, на матче сыграно 48 партий. Эта цифра невольно напоминает, что еще недавно матчи на первенство мира проходили при лимите поединков — из 24 партий. По тем прежним критериям Карпов с Каспаровым сыграли уже два подобных состязания — словно бы матч и матч-реванш подряд! А окончательного итога нет и нет...

Положение Каспарова все еще остается трудным — известно, что чемпион мира как никто умеет в решающие моменты сражений включать дополнительные мощности, но последние достижения претендента заметно обострили матчевую ситуацию.

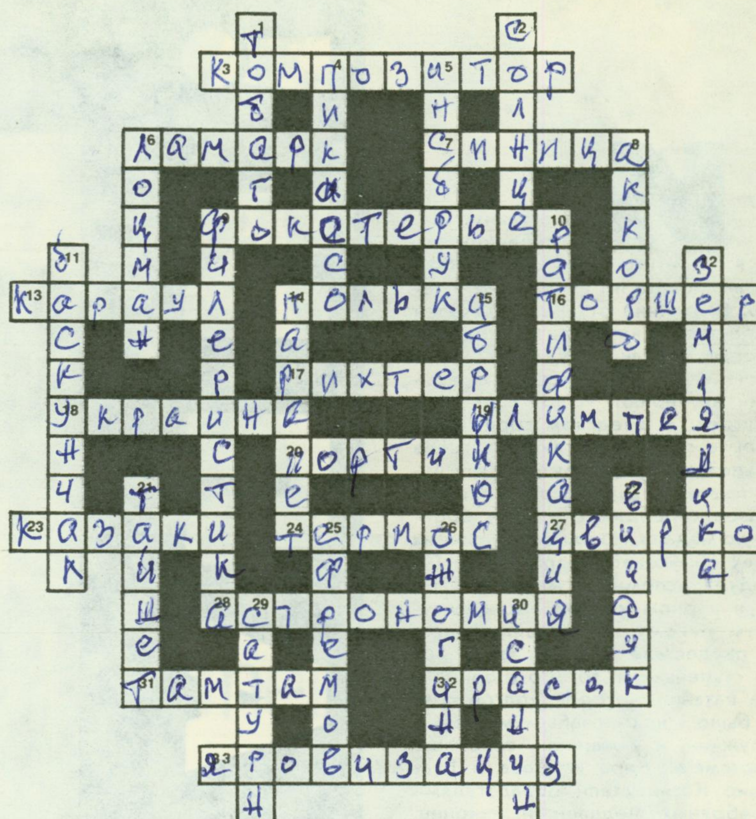
Не делая новых прогнозов, которые могут оказаться столь же эфемерными, как прежние, уже сейчас нужно быть благодарными соперникам, чье творчество не только позволяет непосредственно сопереживать необычный ход увлекательного поединка, но и дает обширный творческий материал для истинно художественных впечатлений.

На чемпионате Европы по хоккею с мячом, который проходил в Осло, советская команда завоевала первое место, выиграв финальный матч у шведских хоккеистов.

Фото ТАСС

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Автор музыкальных произведений. 6. Французский естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина. 7. Небольшая пестрая птица. 9. Охотничья собака. 13. Вооруженное подразделение для охраны военных объектов. 14. Чешский народный танец. 16. Светильник на высокой подставке. 17. Пианист, Герой Социалистического Труда. 18. Союзная советская республика. 19. Приток Нижней Тунгуски. 20. Галерея с колоннами у входа в здание. 23. Повесть Л. Н. Толстого. 24. Сосуд для хранения пищевых продуктов в постоянной температуре. 27. Народный художник Белоруссии. 28. Наука о Вселенной. 31. Разновидность гонга. 32. Чешский писатель. 33. Способ предпосевной обработки семян.

По вертикали: 1. Остров в Вест-Индии. 2. Светило. 4. Живописец, автор рисунка «Голубь мира». 5. Город в Австрии. 6. Рыба, обитающая в тропических морях. 8. Сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты. 9. Коллекционирование значков. 10. Утверждение международного договора. 11. Озеро в Астраханской области. 12. Ягода. 14. Ограждение балкона, набережной, моста. 15. Южное фруктовое дерево. 21. Город в Иркутской области. 22. Мост через овраг, ущелье. 25. Народный артист СССР, режиссер. 26. Река в Якутии. 29. Планета. 30. Ученый в области механики, академик, дважды Герой Социалистического Труда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 1. «Драматург». 5. Тантал. 6. Лондон. 8. Алтай. 9. Лерма. 11. «Разгром». 13. Инверсия. 14. Фанданго. 15. Интернат. 18. Фламинго. 20. Кремень. 21. Ялпуг. 23. Броня. 24. Гринев. 25. Игарка. 26. Андантино.

По вертикали: 1. Дунай. 2. Малайзия. 3. Телеграф. 4. Гудал. 5. Тетиев. 7. Нарзан. 8. Актинидия. 10. Антология. 11. Рисунок. 12. Миндаль. 16. Терпуг. 17. Трелевка. 18. Флейтист. 19. Нагора. 22. Глина. 23. Барто.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник Ф. Шопену в Варшаве. Скульптор Вацлав Шимановский. (См. в номере материал «Сердце Шопена».)

Фото М. САВИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Новинки отечественной легкой промышленности. (См. в номере материал «Не просто украшение».)

Фото И. ГАВРИЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 28.01.85. Подписано к печати 12.02.85. А 00322. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 594. Заказ № 34.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПОРАДОВАЛИ!

Именно таким **восклицанием** хочется встретить итоги европейского чемпионата по фигурному катанию. В отличие от представителей скоростного катания на коньках, которым никак не удается найти «свою игру», фигуристы зря времени не теряют. И вот еще один их успех: в шведском городе Гетеборге они завоевали на встрече сильнейших представителей фигурного катания Европы две золотые, четыре серебряные и одну бронзовую медали. Но одной фразой их успех обрисовать невозможно. Тут следует вспомнить многое: и то, что в парном катании наши фигуристы никому не оставили места на пьедестале почета, заняв все три ступеньки; и то, что в одиночном катании, которое долгое время было нашим слабым местом и у мужчин, и у женщин, советские спортсмены Кира Иванова и Владимир Котин стали обладателями серебряных медалей; и, наконец, тот вдохновенный спор в танцах на льду, которым завершили чемпионат две советские пары: Наталья Бестемьянова — Андрей Букин и Марина Климова — Сергей Пономаренко.

Их спору на гетеборгском льду предшествовали две встречи на льду московском и днепропетровском. Тогда борьба завершилась победой Климовой и Пономаренко, причем на чемпионате СССР в Днепропетровске их успех решен был всего одним судейским голосом. Понятно, с каким нетерпением все любители фигурного катания ждали выступления этих пар в Гетеборге. Тут не было равнодушных ни у нас в стране, ни за рубежом, и даже прославленные английские танцоры Д. Торвилл и К. Дин, покинувшие лед после победы на Олимпийских играх в Сараево, не остались в стороне и прислали в Гетеборг телеграмму Наталье и Андрею, горячо желая им успеха. И этого успеха Бестемьянова и Букин добились. Они были первыми и после обязательных и оригинального танцев, не уступили первенства и после произвольного танца, получив за его исполнение максимальные оценки. А вслед за ними на пьедестал почета поднялись Климова и Пономаренко. В Сараево они были бронзовыми медалистами, теперь по праву стали серебряными призерами, укрепив веру в свои возможности у многочисленных болельщиков.

Мы не знаем, послали ли Торвилл и Дин подбадривающую телеграмму не только советской паре, но и своим землякам — К. Барбер и Н. Слэйтер, но английская пара, претендовавшая на третье место, на финише выпустила вперед пару из ФРГ.

Так европейский чемпионат начался с абсолютного успеха трех советских пар, выступающих в спортивном катании: Е. Валовой — О. Васильева, Л. Селезневой — О. Макарова, В. Першиной — М. Акбарова, а завершился блестящим успехом наших танцоров.

В. ЯКОВЛЕВ
Фото ТАСС
и А. Бочинина

Победители европейского чемпионата в спортивных танцах Наталья Бестемьянова и Андрей Букин на гетеборгском льду.

Владимир Котин — серебряный призер чемпионата Европы.

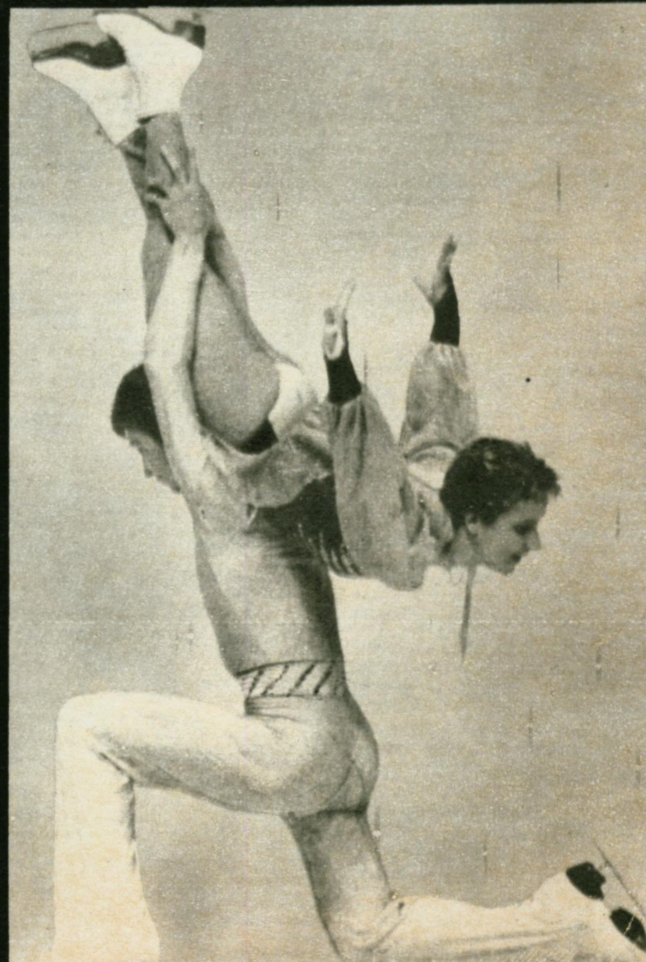
Выступают Марина Климова и Сергей Пономаренко.

На пьедестале почета — только советские спортсмены. Так закончились состязания в парном катании.

Кира Иванова завоевала второе место.

Елена Валова и Олег Васильев снова чемпионы Европы.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

